Л. БОРОДИН

ГОД ЧУДА И ПЕЧАЛИ

L. Borodin

THE YEAR OF MIRACLE AND SORROW

Frankfurt / Main

Printed in Australia
Baron Printing Co., Melbourne

Л. Бородин

ГОД ЧУДА И ПЕЧАЛИ

ПОСЕВ

Обложка и рисунки художника
С.А. Зезина

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПИСАТЕЛЕ

Леонид Иванович Бородин родился 14 апреля 1938 года в Иркутстке в семье учителей. После окончания средней школы поступил в Иркутский университет, из которого был исключен за участие в студенческом кружке "Свободное слово". Был также исключен из комсомола.

В 1962 году окончил педагогический институт им. Д. Банзарова по отделу истории. Работал над диссертацией "Философские взгляды Бердяева". После окончания института был назначен директором средней школы в Серебрянске, Лужского района, Ленинградской области. Это место он занимал вплоть до ареста в 1967 году.

В 1964 году создал "Демократическую партию", а в 1965 году поступил в Ленинграде в ряды ВСХСОН – Всероссийского Социал-Христианского Союза Освобождения Народа. Создателем, вдохновителем и руководителем этой организации был Игорь Огурцов, ныне отбывающий заключение в Пермских лагерях. Мировоззренческие основы этой организации были персонализм, любовь к России, построение общества на социал-христианских принципах. Мировоззрение Л. Бородина также строилось на этих основах.

В 1967 году ВСХСОН был разгромлен КГБ. Л. Бородин был арестован вместе с другими членами организации. Суд над ним и другими членами организации происходил 4–5 апреля 1968 года в Ленинграде. Л. Бородин был приговорен к 6 годам лагерей строгого режима. В первое время находился в Мордовских лагерях, где он встретился с В. Осиповым, Ю. Галансковым, А. Гинзбургом. С Ю. Галансковым его связала личная дружба. Находясь в заключении, Л. Бородин принимал участие в борьбе политзаключенных за свои права. В 1969 году он совместно с другими заключенными поддержал голодовку А. Гинзбурга, в результате чего последний получил разрешение жениться на И. Жолковской.

За свою деятельность Л. Бородин был отдан лагерными властями под суд. По приговору суда 28 октября 1970 г. Л. Бородин был переведен до конца срока во Владимирскую тюрьму, где продолжал принимать участие в протестах политзаключенных.

Л. Бородин был освобожден в 1973 году и начал сотрудничать в самиздатовском журнале "Вече", который до 1974 года выходил под редакцией В. Осипова. После разгрома журнала "Вече" органами КГБ Л. Бородин начинает издавать самиздатовский журнал "Московский сборник", который должен отражать национально-религиозные проблемы. Ему удалось выпустить три номера этого журнала. В связи с возбуждением дела против В. Осипова и его арестом в конце 1974 года (суд над ним был в 1975 г.) Л. Бородин подвергается новым преследованиям со стороны КГБ.

Сейчас Л. Бородин занимается литературным творчеством и принимает участие в защите И. Огурцова.

Находясь еще в заключении, Л. Бородин начинает писать стихотворения, которые уже показывают его подлинный литературный талант. Впервые на Западе его стихотворения появляются в журнале "Грани" (№105), где опубликованы выборки из его цикла "Стихи, написанные в тюрьме, где их пишут многие".

Также в журнале "Грани" (№96) опубликована его публицистическая статья из журнала "Вече"— "О русской интеллигенции".

Первый сборник его рассказов "Повесть странного времени" был выпущен изд. "Посев" в 1978г.

Л. Бородин продолжает свое литературное творчество как в поэзии, так и в прозе. В его новых повестях возникает тема Сибири — могущество и прелесть ее природы, особенности склада и быта ее людей, наших современников.

Нынешним летом исполнилось двадцать пять лет с тех пор, как я дал слово старухе Сарме, и сейчас я рад вдвойне: во-первых, тому, что сдержал слово и радость мою поймет каждый, кому приходилось держать слово, хотя бы половину этого срока, а во-вторых, тому, что, наконец, могу рассказать то, о чем должен был молчать все это время.

Однако срок исполнился несколько месяцев назад, а я лишь теперь раскрыл тетрадь и начал писать, полный робости и неуверенности. Раньше казалось: придет время – и я сразу, в несколько дней, поведаю обо всем, что случилось со мной двадцать пять лет назад, что сделаю это легко и скоро, потому что ничего не забылось – ни слова, ни шороха, ни одного движения души, ни одной случайной мысли, ни одного доброго или недоброго намерения. И тогда у меня не мелькало даже мысли о том, поверят ли мне люди. Менее всего намерен я сочинить сказочку безобидную и занимательную. Ради сказки не стоит марать бумагу – я не сказочник !

Но то, что случилось со мной в детстве, ни отдельными фактами события, ни событием в целом никак не подпадает под категорию обыкновенной истории детства.

В глубине души, откровенно говоря, я уверен, что не у одного меня было *такое* в детстве ! Вероятно, это было у многих, но они, может быть, тоже боятся, что им не поверят, и молчат. Но зато они-то и поверят мне. И, может быть, именно потому, несколько раз уже отложив ручку в сторону, выкурив пару сигарет и прогулявшись по комнате взад-вперед, снова сажусь, раскрываю тетрадь, перечитываю десяток написанных строк и продолжаю, и надеюсь, что сумею убедить читателя в правде всего, о чем расскажу. Но здесь же, в первых строках хочу и предупредить: моя история не сказка, и если кто-то, дочитав до определенного места, вдруг поймает себя на том, что не верит мне, то или пусть он вообще не читает дальше, или пусть попытается набраться терпения и читать, прикидываясь несомневающимся, и тогда, быть может, сомнение рассеется, как часто бывает, когда для того, чтобы поверить в необычное, нужно перешагнуть через невидимую грань-стену-сеть, что ограничивает, отделяет и спутывает наши возможности веры и доверия. По опыту знаю: правда чувств куда необъятнее правды обнаруженных нами законов мира, в котором мы живем !

Чудо – это то, что вопреки ! Чудо – это то, чего, как правило, не бывает ! А бывает оно, следовательно, вопреки правилам !

Если есть такие невезучие, у кого не было в жизни даже самого пустякового чуда, тем я могу

помочь очень просто. Никаких тридевятых земель и никаких тридесятых царств !

Достаточно приехать в город Иркутск, там пересесть на электричку Иркутск–Слюдянка и занять место на левой стороне по ходу поезда.

Развернувшись вправо от Ангары, поезд долго будет идти вдоль шустрой горной речки; за речкой и, если взглянуть в окно напротив, пойдет тайга, не особо дремучая на глаз сибиряка вполне обычная. Слева немного погодя начнут выписывать по горизонту волнистую черту не то, чтобы горы, а так, нечто среднее между холмами и горами. Потом все же окажется, что это горная местность опять же для Сибири обычная, и через десяток-другой километров вы обязательно заскучаете, тем более, если еще и до Иркутска добирались поездом через всю Сибирь.

И вот, когда вы уже заскучаете непоправимо, когда-либо в сон поманит, либо книжку раскроете, когда расслабитесь на сидении, когда печально примиритесь с обычностью – вот тогда и будет вам награда выше всяких ожиданий!

Внезапно распахнутся горы, и не расступятся, а именно распахнутся сразу на три измерения – вверх вдаль, вниз – и тотчас же откроется необычайное окажется что поезд ваш идет по самому краю вершины высоченной горы, а точнее, по краю обычного мира, за чертой которого, если вверх, то синева дневного космоса, если вдаль, то беспредельная видимость горизонта, расписанного орнаментом бегущей с севера на юг кривой линии остряков вершин Хамар-Дабана, но вниз если, то там откроется ослепляющая взор страна голубой воды и коричневых скал, и это так глубоко внизу, что вы можете забыться относительно того, где же вы сами в этот момент находитесь: на поезде или на самолете, или

на орбите незнакомой планеты. Для вас исчезнет стук колес, тряска вагона, для вас исчезнет само движение, потому что по отношению к необъятности открывшейся панорамы скорость поезда смехотворна, и вы как бы повиснете на краю фантастического мира, и вместе с движением поезда прекратятся и мысли, и чувства, и все ваше суетное бытие преобразится в этот миг в единое состояние восторга перед чудом !

Не все необычное есть чудо. Чудо – понятие нравственное. И вы убедитесь в том, если сможете оторваться в этот момент от окна и взглянуть на лица справа и слева от вас, что так же приросли к окнам. Вы тогда увидите в этих лицах редчайшее выражение доброты, открытости, искренности, вы осязаемо уловите тогда факт того самого подобия, коим человек отличается от всякой прочей твари, и что делает его собственно человеком ...

Чудо, это откроется вам, если вы сядете в иркутскую электричку у окна слева по ходу поезда, зовется Байкалом, и он будет одним из главных героев повести которую я начинаю, наконец, заверяя читателя в абсолютной правдивости каждого и впредь сказанного мною слова !

— 1 —

Мы уезжали жить на железнодорожную станцию на Байкале. Там, учителями в железнодорожной школе, должны были работать мои родители, стало быть, и мы становились железнодорожниками, отчего для переезда нам выделили отдельный товарный вагон. Отец несколько раз куда-то бегал, несколько раз приходили какие-то люди, проверяли бумаги и буксы, потом нас долго мотали по станционным путям туда-сюда, и лишь к вечеру мы оказались в середине состава таких же, только за-

крытых и запломбированных вагонов, и уже совсем к ночи несколько громоподобных рывков грохотом и лязгом возвестили о том, что мы поехали.

К Байкалу мы подъехали в ночь на третьи сутки. Тщетно я вглядывался в дверную щель. Темнота, как на зло, была непроглядная. Но на первой же остановке я сразу обратил внимание на незнакомый шум. Что-то большое и тяжелое вздыхало не то сердито, не то угрожающе где-то совсем рядом с вагоном, и от этих вздохов несло холодом и сквозняком, и воздух был совсем не такой, как везде раньше, почему-то все время хотелось вдохнуть его как можно больше, и оттого кружилась голова, и грудь распирало то ли свежестью, то ли сыростью, а запах, шедший оттуда, из темноты, не напоминал ни о чем знакомом и был так силен, что подавил все запахи вагона и как бы сам просился в ноздри, а ноздри сами шевелились навстречу этому запаху.

Несколько часов мы ехали по берегу Байкала, хотя я никак не мог представить, как можно ехать по берегу и, тем более, как выглядит этот берег. Была такая же непроглядная темнота, когда отец возвестил, что мы приехали, и удивительно, что во тьме этой нас встречали. Двое мужчин влезли в вагон, жали руки отцу с матерью, поздравляли их с прибытием и меня тоже, а меня каждый из них хотел чем-то угостить, лез в карман, но ничего там не находил и обещал завтра: один – показать шкуру медведя, другой – покатать на лодке.

Так много было новых впечатлений и ощущений, что я с какого-то момента впал в транс и плохо помню дальнейшие события. Помню, как по темноте разгружали вагон, по темноте перетаскивали вещи, по темноте меня вели куда-то, а с одной стороны теперь уже отчетливо и, казалось, где-то рядом, под ногами, вздыхало и ухало все то же неизвестное существо, и холод с той стороны, не летний, скорее

позднеосенний, шел сплошным потоком и ощущался лопатками.

Помню, прежде чем войти в дом, на первой ступеньке крыльца я взглянул вверх на небо и ужаснулся: оно было обрезано по бокам темными громадами, и я догадался, что это горы, а дом наш внизу между ними. А место, где мы теперь будем жить, это ... могила для тысячи слонов ! – именно так мне подумалось. Стало страшно и захотелось спать.

Проснулся я как в сказке, совсем в другом, новом мире. В комнате было ослепительно светло, на стене напротив меня – это первое, что я увидел– висел косой и теплый квадрат солнца. Комната уже приняла жилой вид, и я сам оказался не на матрасе в углу, где свалился ночью, а на кровати у самого окна, по краям которого уже висели знакомые занавески, на подоконнике стоял знакомый горшок с цветком, и в окно всей полнотой диска глядело солнце, так что и взглянуть было нельзя, и я совсем напрасно, прикрывая глаза ладонью, пытался рассмотреть, что же там, за окном. Но вспомнив, что это не вагон, что у дома есть дверь и что за нею все в моем распоряжении, и навсегда, – я тут же натянул брюки, рубашку, кое-как завязал шнурки на ботинках, еще не зная расположения дома, чутьем кинулся к одной из двух дверей, попал на кухню и, не сказав ни слова маме, даже не взглянув на нее, даже носом не поведя на вкусные запахи с плиты, всем телом стукнул по входной двери, затем по сенной двери, и выскочил на крыльцо.

"Могила для тысячи слонов" оказалась громадным ущельем, куда можно было упрятать и сто тысяч. Горы оказались намного выше, чем это

угадывалось ночью, ничего подобного я и представить не мог. Крыльцо выходило в сторону ущелья, и справа от меня на самой вершине горы, на желтой отвесной скале сидело, свесив ноги, солнце. Сидело оно так удобно и уютно, что можно было подумать, будто в этих местах оно вовсе не ходит по небу, а весь день пребывает в каменном кресле, к ночи лишь прячась за его спинку. Оба склона ущелья снизу были покрыты кустарником,дальше начинался березняк, а еще выше хвойные деревья вплотную друг к дружке – и это была уже, наверное, тайга. Я еще не знал, что кустарник – это багульник, а хвойные деревья – кедры, а лес называется кедрачом, я еще ничего не знал о том, что вокруг, я только стоял на крыльце и шалел от небывалости и невиданности.

Впереди, где ущелье словно сходило на нет, поперек ущелья просматривалась другая гора, она казалась еще выше. А слева по каменистой ложбинке мне навстречу прыгала по камням речушка, и как только глаза мои притерпелись к увиденному, слух заполнился журчанием этого горного ручья, бегущего куда-то за дом.

Вдоль этого ручья-речки, дальше по ущелью, стояли дома, причем один над другим, между ними петляла и горбилась дорога и упиралась затем в большое двухэтажное здание в глубине ущелья: я догадался, что это школа.

Левая сторона ущелья была ближе к нашему дому, и я снова окинул ее взглядом всю от подножия до горизонта, который так непривычно висел над головой. Тут я впервые испытал то чувство, которое сохранил на всю жизнь: горы существуют для того, чтобы на них взбираться. Не помню, сколько лет назад я последний раз забирался на какую-

нибудь гору, но каждый раз попадая в горную местность, каждую гору, каждую скалу примериваю и оцениваю: здесь бы уцепился, там подтянулся, тут перепрыгнул ... И каждый раз, когда мне встречается решительно неприступная гора, или скала, или вершина, это волнует меня, раздражает настолько, что может испортить настроение, хотя, наверно, для альпинистов не существует недоступных вершин. Но я никогда не был альпинистом, и покорение высоты при помощи веревок и прочих приспособлений мне представляется таким же кощунством, как если бы залететь туда на вертолете !

Тогда же, двадцать пять лет назад, все мое существо непосредственно откликнулось этой жажде подъема, и я, сбежав с крыльца, прыгая с камня на камень через речку с ходу с разбега начал взбираться по склону ущелья, а он оказался много круче, чем виделось с крыльца, и только несколько первых шагов я сделал на ногах затем уже на четвереньках, цепляясь за траву, мох, кусты, карабкался по прямой, пока совсем не выдохся. А запала моего хватило едва ли на пятьдесят метров. Но когда я остановился, выпрямился и развернулся лицом к ущелью, высота, на которой я оказался, так напугала меня – особенно вид уменьшившихся в размерах домов – что одышка перешла в спазмы. Я закачался и в тот момент впервые в жизни познал противоречие между устремленностью души к высоте и склонностью тела к падению. Я присел, вцепившись руками в мох, и никак не мог оторвать взгляда от крутизны под ногами и какой-то объемной пустоты передо мной. Но мне удалось наконец отвернуться, и я взглянул туда, куда еще не смотрел. Та сторона, когда я стоял на крыльце, закрывалась домом.

Поперек опрокинутого треугольника ущелья

высоченной насыпью проходила железная дорога, двухарочным мостом упираясь в самую горловину ущелья. Это было красиво, но это что ! Это ерунда ! Вот что было дальше, за полотном, за ущельем ! Там было одно сплошное белое ничто !

В учебнике географии для пятого класса я уже видел картинку, как представляли себе древние конец света. Чудак, высунув голову, видит за пределами мира хаос в виде разбросанных вещей и предметов. Ужасно нелогично: какой же это конец света, если там еще что-то есть ! Если бы конец всего действительно существовал, то он бы должен выглядеть именно так – сплошным белым ничто. Конечно, я не первую минуту жил на свете и догадался, что это туман. Но какой это был туман ! Ведь чаще всего туман бывает клочьями, сгустками, полосами; здесь же ровное белое молоко, оставив в отчетливой яркости контуры склонов ущелья, сплошь до самого неба растворило в себе все, что за ним было, и пребывало в покое, который если абсолютный, то тоже, наверное, есть ничто ...

По небу можно было проследить, где оно еще было голубым, где начинало блекнуть и где исчезало полностью, сливаясь с отсутствием пространства за какой-то неощутимой чертой реальности.

Ничто было рядом. До моста метров семьдесят ! И тут, забыв страх высоты и крутизны, я буквально помчался вниз со скоростью падения, и хотя меня по пути крутило, подкашивало, швыряло то на бок, то на спину я все же даже ссадины не получил, то-есть спустился, как по воздуху, в одно мгновение, возможно, это было то самое редчайшее мгновение, когда душа обретает крылья !

По камням вдоль речки, все так же не останавливаясь, я влетел под мост, и тут меня настиг поезд. Грохот влетевших на мост вагонов оглушил

меня, и я даже присел в ужасе. Бетонные стояки моста сотрясались и гудели, и что-то сыпалось сверху в проем между путями, и в эти проемы, задрав голову, я видел пролетающие вагоны, и сам себе казался самоубийцей. Поезд отгрохотал, а мост все еще дышал эхом этого грохота.

Я наконец пришел в себя и опрометью кинулся прочь из-под моста навстречу и в самые объятия чудесному туману. От моста пробежал не более двадцати шагов, как вдруг ноги мои обожгло. Не сообразив сразу, в чем дело, я нагнулся и только тогда увидел воду. Когда же сделал несколько шагов назад, посмотрел перед собой, и опять ничего не увидел, кроме белого тумана перед собой и везде впереди. Тогда я опустился на корточки и шажками стал подкрадываться к воде и обнаружил ее, притворившуюся тонким, светлым стеклышком. Зрение она могла обмануть, но осязание — нет ! И когда я осторожно дотронулся до нее пальцами, она, словно устав от притворства, охотно расступилась, пропустив пальцы в свой нелетний холод,но замкнулась в стекло тотчас же, как только я убрал руку.

Долго я сидел на корточках и рассматривал камешки под стеклом, иногда вынимая тот или другой, словно проверяя, такие ли они в действительности, как видятся. Когда я поднял глаза, туман уже отступил достаточно далеко, хотя все еще стоял сплошной белой завесой поперек всего горизонта, но все же отступал он уже прямо на глазах, и передо мной все больше и больше открывалось застекленное пространство, ни малейшим движением, ни единой морщинкой не выдававшее своей подлинной сути. И чем больше пространства открывалось впереди, тем упорнее создавалось

впечатление громадного, бесконечного стекла, от ног моих уходившего к небу и перекрывшего всю остальную землю.

Стекло – это хрупкость ! Жажда познания выявляется у детей потребностью проверки качества предмета, и я, нагнувшись, взял в руку большой камень. Притом ощущение было такое, будто стою перед окном с хулиганским помыслом. Помысел оказался непреодолим, и размахнувшись, я кинул камень как мог дальше. Раздался типичный треск разбитого стекла, полетели вверх осколки, пошли круговые трещины, расходясь в стороны, как борозды грампластинки. Первая, самая крупная борозда достигла меня и укоризненно облизнула мои и без того уже мокрые ботинки. Но через мгновение от моего хулиганства не осталось и следа, след от удара зарос гладким, спокойным стеклом, как-будто ничего не случилось. Если бы окна домов обладали тем же свойством, насколько счастливее было бы детство мальчишек !

И совсем не далеко! – раздался за моей спиной девчоночий голос. – Я дальше могу!

Обернувшись, я увидел двух девчонок. Одна была моего возраста, другая лет пяти, но будто уменьшенная копия первой. Обе были светловолосые, курносые и веснушчатые.

– Запросто дальше могу! – повторила старшая. Она подняла маленький камешек и кинула его, как кидают все девчонки – через голову, будто муху ловят. Камешек, конечно, улетел дальше, он был маленький. Я такой до самого тумана докинул бы. Но я ничего не сказал.

– Светка, поймай ширика ! – захныкала младшая.

– Отстань !

– А я папке скажу, что ты пистоны мальчишкам таскала !

Испуганно покосившись на сестру и на меня,

Светка (на редкость к ней подходило это имя) проворчала.

– У, ябеда ! Ладно ! Щас !

Стряхнув с ног ботинки, она вошла в воду выше щиколоток и, что-то разглядывая под ногами, вполунаклон пошла вдоль берега. Я шел рядом, удивляясь, как терпят ее ноги такую воду.

Вот Светка, подобрав подол платья, присела и перевернула в воде один камень, потом другой, еще несколько и вдруг, сделав ладошку лодочкой, замерла и стала тихо опускать руку в воду. Ладошка хлопнула по воде, рывок – и в ладошке уже трепыхалась рыбка, синеватая с желтыми плавниками. Не было предела моему изумлению. Рыбешек такой величины мы, бывало, в речке часами уговаривали сесть на крючки, а здесь девчонка рукой ловит их на самом берегу !

Заметив мой интерес, Светка сказала:

– Ширик-желтокрылик !

– Покажи !

– Дай ! Дай ! – завякала ее сестренка.

– У, жадюга ! Да я тебе еще поймаю !

Пока я рассматривал красивую рыбку, Светка поймала еще одну и сунула ее хнычущей сестренке.

– Это вы новые учителя ? – спросила Светка.

Я кивнул.

– А у меня папка завхозом в школе. Он охотник ! Хочешь медведя посмотреть ?

– Медведя ?!

– Шкуру ! Папка весной убил.

Теперь я уже точно знал, что вся моя жизнь в этом месте будет сопровождаться чудесами, предчувствие бесконечной новизны сделало меня радостно спокойным, и я пошел к Светке смотреть шкуру медведя с любопытством серьезного взрослого человека, который рад удивляться, но удивить которого не просто.

Светка накидывала на себя шкуру, косолапо шла на меня и рычала. Я отбирал у ней шкуру, напяливал на себя, наступал на нее и рычал. Нелька, ее младшая сестренка, визжала беспрестанно и лаяла на нас обоих. Светка взахлеб рассказывала:

– Когда медведя из тайги привезли, посадили его у крыльца, как-будто живой ... Собаки все сбежались, давай лаять ! А папка поймал крюковского Шарика и бросил на медведя ! Шарик с испугу весь обкакался !

Я тоже хохотал до слез, хотя в глубине души очень даже понимал того несчастного Шарика.

Пришел отец Светки и оказался он тем самым человеком, который ночью помогал нам разгружаться и переносить вещи. Он дал мне подержать ружье и нож охотничий, и пулю, что зовется жаканом, которой стреляют в медведя.

Светка пригласила меня вечером пойти с ней в падь за коровой. Оказывается, здесь никто не говорил "ущелье", все говорили "падь". Утром коров отгоняли в падь, а вечером ходили за ними и приводили домой каждый свою.

Когда я уходил из дома Светки, меня перехватила мать, затащила домой и заставила завтракать. Последнюю оладью я доглатывал уже на крыльце.

Весь день до вечера прошел в знакомствах и впечатлениях. Я подружился с Валеркой, тоже учительским сыном, я был здесь не единственным таким, и это радостное открытие подтвердилось знакомством с Юркой, приятелем Валерки.

Я присутствовал при взрыве петард. Баночка, похожая на баночку из-под вазелина или сапожного крема, начиненная порохом и пистонами, использовалась путевыми обходчиками для остановки или предупреждения поездов. Кража петард у родителей была популярным подвигом у мальчишек поселка. Петарду клали на плоский камень под небольшим обрывом или под бугром, а с бугра кидали на нее другой, тоже очень большой камень, от маленького петарда только мялась. Взрыв петарды был как взрыв гранаты, а геройство заключалось в том, чтобы при взрыве стоять как можно ближе.

В разговорах моих новых друзей главной темой была тайга, таежные покосы, где на болотах и по опушкам накашивали сено коровам и козам, кедрач и ягодные места.

Самым интересным человеком в поселке была старуха Васина – местная колдунья, которую все мальчишки, кроме Юрки, боялись и, пожалуй, не любили. Юрку же она спасла от укуса гадюки, и когда старуху Васину кто-нибудь начинал ругать, Юрка хмурился и предупреждал: "Кто Васину тронет, тому хвоста накручу !"

"Накрутить хвоста" – было самой страшной угрозой. Почти все семьи держали коз. Иногда по десяти. Летом козы сами по себе паслись на горах и скалах, на зиму им запасали сено. За домами поселка вся падь была расквадрачена огородами. А коза и огород, это как кошка и мышка. По обще-

му убеждению, и это, кажется, подтверждала и практика, единственным средством отучить козу или козла от огорода было — 'накрутить хвоста', то есть, поймав козу в огороде, ее и без того жалкий хвост крутили винтом до тех пор, пока ее блеяние не превращалось в отчаянный рев. Уже отпущенная, коза со всех ног уносясь прочь, еще долго кричала на все ущелье, иногда продолжала кричать, забравшись на ближайшую скалу и обратясь бородатой мордой к своим мучителям, которые смотрели на нее снизу вверх с жестоким торжеством, назидательно покачивая головой и приговаривая: "Ужо не полезешь !"

Юрка пользовался у всех мальчишек большим авторитетом еще и из-за своего брата-киномеханика. Личное знакомство с Юркиным братом для каждого было высшей честью. Этой чести почему-то Юрка решил удостоить меня, ничем еще того не заслужившего. Юрка пригласил меня назавтра на рыбалку то есть я должен был быть третьим в их

компании с братом, и Валерка, например, мне откровенно позавидовал. На днях ожидалась третья серия "Тарзана", денег же больше, чем на один сеанс, у родителей едва ли выпросишь !

За весь день солнце обошло ущелье кругом и к вечеру присело на другую скалу и, кажется, больше уже никуда двигаться не собиралось. К вечеру стало прохладнее, прежде чем пойти со Светкой в падь за коровами, я забежал домой, где меня снова насильно накормили, и надел куртку.

Через весь поселок мы дошли по дороге до школы. Там дорога, сделав петлю, уходила дальше, сильно сузившись и чем дальше, тем больше становясь каменистой. Вся падь и в самом широком месте была не более ста метров в ширину, а теперь за поселком она все более и более суживалась, и везде по обе стороны дороги лепились огороды, так что дорога шла все время между заборами.

Еще утром, когда смотрел с крыльца, заметил я высокую скалу, что как бы запирала ущелье и в то же время возвышалась над ним. Теперь, чем дальше мы шли от поселка, тем стремительнее, гораздо быстрее нашего приближения к ней, она вырастала перед нами, и тем более она приковывала мое внимание. Это была совсем необычная скала. На ней не росли деревья и только на самой вершине под небом стояла сосна, и было у этой сосны всего четыре ветви. Две верхние, что поменьше, поднимались к небу, две другие были опущены вниз почти вдоль ствола. И хотя сосна эта была очень далеко и высоко, но на фоне закатом подсвеченного неба она виделась вся, во всех деталях ствола и ветвей. Сама скала походила на полуразрушенную башню, потому что вокруг нее кругом были завалы камней, разных и огромных, некоторые, как дом, и на них ни одного кустика

Светка заметила мое внимание.

– Это Мертвая скала ! Так ее называют. На нее нельзя лазить ! Она вся сыплется ! Вишь, сколько камней ! Это все с нее свалилось ! В прошлом году Ляскина корова вон туда забралась, и ее камнями убило !

Мы подошли уже совсем близко к Мертвой скале, солнца за спиной уже не было, но оно еще было на небе, и на фоне этого неба скала казалась мрачной, зловещей и как-будто о чем-то сознательно молчащей ...

Каждый знает, что если из темной комнаты взглянуть на светлое окно, а потом закрыть глаза, то в закрытых глазах еще долго будет стоять силуэт окна и рамы, и даже форточки.

Мы со Светкой только что остановились, она оглядывалась по сторонам, а я смотрел на сосну на скале. Смотрел, а потом закрыл глаза, и по закону в глазах у меня должен был остаться силуэт сосны с четырьмя ветвями. Но то, что я увидел, заставило меня тотчас же открыть глаза и вид у меня в этот момент, кажется, был очень испуганный, потому что Светка, взглянув на меня, потом на скалу, сказала:

– Страшная, да !

Я кивнул согласно, но спохватившись, закивал отрицательно.

– Обычная ...

Но голос выдал меня, и Светка не поверила.

Вправо и влево от Мертвой скалы дорога раздваивалась, и уходя в лесистые распадки, тропинками терялась в них. Где-то в одном из этих распадков бродили-паслись поселковые коровы, и Светка вглядывалась то вправо, то влево, не решаясь, в какую сторону идти. Сзади нас по дороге за коро-

вами шли другие жители поселка, и ущелье наполнилось людскими голосами, больше детскими.

– Вон ! – крикнула Светка, показывая рукой в правый распадок. Я, конечно, ничего там не увидел, да и взглянул-то всего на секунду, потому что не мог оторваться взглядом от Мертвой скалы, набираясь смелости повторить эксперимент с силуэтами. Ведь мне могло просто показаться ! Конечно, просто показалось, я зря быстро открыл глаза, а нужно было присмотреться ...

Светка тянула меня за рукав.

– Пошли !

Я не двинулся с места

– Ты ... давай ... я тебя тут подожду ...

– Испугался ! Испугался ! – запрыгала Светка.

– Я тут подожду ! – ответил я угрюмо, не отрывая взгляда от Мертвой скалы.

– Ну и жди ! – крикнула Светка и вприпрыжку побежала от меня туда откуда теперь слабо доносился звон боталов-колокольчиков, подвешенных на шеи коров. Коровы знали порядок и выходили навстречу хозяевам.

Я оглянулся назад, прикидывая, успею ли сделать, что хочу пока подойдут идущие сзади.

Снова взглянул на скалу и сосну, смотрел долго, до рези в глазах, и затем закрыл их. Все повторилось ! Я хотел открыть глаза, но веки сжались с такой силой, что я не мог с ними справиться, непонятный холод входил в меня через сердце и уходил в пятки, и пятками почувствовал страх. Когда наконец, открыл глаза, все было на месте – обычная скала, обычная сосна на ней, но я уже не верил тому, что видели глаза, я верил тому, чего они не видели, и, круто развернувшись помчался прочь от скалы, чуть ни сбивая с ног идущих за коровами людей,

они удивленно смотрели на меня и, наверное, оборачивались вслед.

Около самой школы остановил меня Юрка.

– Ты чо?

– Ничо! ответил я, еле справляясь с одышкой.

– Айда за коровами !

Я замотал головой.

– Домой надо !

– На рыбалку-то пойдешь ?

– Пойду ! – крикнул я уже на ходу.

Бежал до самого дома, до самого крыльца. На крыльце долго отплевывался, и кружилась голова. Когда же, наконец пришел в себя, то удивился. Чего это я бежал ! Что за глупости мне померещились!

Ну, не дурак ли я ! Оставил Светку, она, чего доброго, начнет искать меня ! Дурак ! Ей-Богу, дурак!

Мать с отцом были дома.

– Набегался ! Ну, как, нравится тебе здесь ?

Я долго рассказывал им свои впечатления, и за ужином говорил, и лишь когда упомянул о скале, что-то снова почувствовал в сердце, похожее на холод, и сразу захотелось спать. Однако перед сном все же вышел на крыльцо и долго смотрел в ту сторону, где была Мертвая скала. В сумерках ее уже не было видно, но с той стороны, из сумерек, шла ко мне и входила в меня тревога или, быть может, это просто с гор шла вечерняя прохлада, или это была радость новой жизни, как всякая новая радость, вызывающая тревогу за будущее утром, которое может оказаться обыкновеннее уходящего дня.

Казалось, что я только что заснул, а мама уже трясла меня за плечо и крутила вихры на голове.

— Вставай ! Пришли за тобой ! На рыбалку !

Ни в жизнь так рано не встал бы в прошлые времена, но тут, даже еще не проснувшись толком, вскочил и начал торопливо натягивать штаны.

А в это утро Байкал был совсем другой, и даже поверить невозможно, что вчера от берега до бесконечности лежала светлая гладь без единой морщинки, да и возможно ли такое, ведь это же море, и малейший ветерок гонит по воде рябь, а когда кончается ветерок, то рябь еще долго идет по его направлению темно-синей стрелой. Сегодня так и было. Весь Байкал был синий, но по синему острыми клиньями с юга на север носилась рябь еще синее — так было сначала, когда мы вышли на берег.

— Култук будет ! Хорошо ! — сказал Юрка, а его брат-киномеханик кивнул согласно.

Мы шли по бровке железнодорожного полотна, и, пока шли, Юрка рассказал мне много о Байкале, что должен знать каждый, даже, если он в Москве живет, потому что такого другого Байкала больше нигде нет и не будет.

— Култук будет ! — повторил Юрка. И я уже знал, что скоро пойдут волны с юга, и это хорошо для рыбалки, это значит, вал погонит рыбу к нашему берегу, и что подойдет привальный хариус, то есть хариус, который очень большой и живет в глубине, а подходит к берегу во время вала, потому что вал бьет по берегу и из-под камней выбивает икру бычков, тех самых рыбок, какую вчера Светка рукой поймала. Бычок-самка заплывает под камень, который неплотно на дне лежит, переворачивается брюхом кверху и мечет на камень икру, и это у самого берега, чтобы другие большие рыбы ее не съели. Рыбаки эту икру собирают, солят, прессу-

ют и на нее рыбачат на хариуса. А есть эту икру нельзя Невкусная. Горькая.

Мы все шли и шли, и я не мог понять зачем мы идем, когда кругом вода и берег одинаково каменистый.

Другого берега видно не было, там только тучи или густые облака лежали почти на воде, или так казалось. А у нашего берега начало плескаться не совсем понятно что, потому что волн не было, одна темно-синяя рябь металась туда-сюда: то вдоль берега, то от берега; иногда все кругом покрывалось темной рябью и тогда уже был не синий цвет, а скорее темно-серый, почти черный, но лишь стихал ветер, вода снова голубела, и мне не хотелось другого цвета, кроме голубого, потому что и небо точь-в-точь, как вода, тоже никак не могло выбрать для себя постоянного цвета в это утро и тоже то разливалось синью, то ребрилось перьями разметавшихся по горизонту облаков.

Нас обогнал поезд, и пока он пролетал мимо, мы стояли на самом краю бровки, а мелькающих и грохочущих вагонов можно было коснуться рукой.

Железная дорога шла по узкой скалистой полоске вдоль берега, над которым до неба нависли почти прямо, будто обрубленные скалы. Пока поезд держал нас на краю насыпи, я пялил голову вверх, пытаясь представить высоту скал, и мне казалось, что высота их многокилометровая, потому что самих вершин не видно: их перекрывали нависшие над нами откосы.

Потом уже мы шли недолго и скоро каменистой ложбинкой спустились с насыпи на самый берег, весь заваленный громадными камнями. В двух местах над водой торчали две шпалы, на берегу придавленные камнями. Это место называлось лавой. Здесь была яма, то есть от последнего камня сразу

без всякого уклона была глубина восемь-десять метров. В такие места близко к берегу подходит хариус во время вала. Здесь его лучше всего ловить.

Когда мы спустились к воде, вал уже начался. Правда, волны были невысокие, шли друг за дружкой спокойно и не торопясь, шли не напрямую к берегу, а как бы наискось, и волна сначала лишь одним краем заплескивалась на берег, словно цепляясь за него, а когда другой, видимый конец ее тоже достигал берега, здесь, у наших ног, уже другая волна падала на камни, выбрасывая кверху между камнями горсти блестящих брызг.

Юрка и его брат достали спрятанные в камнях в прошлую рыбалку громадные удилища. У дяди Вити оно было девяти метров, у Юрки – семь с половиной метров. Удилища были составлены из двух частей, из двух палок, соединенных железной трубкой. Перекинув через плечо сумку с икройнаживкой, оба они, задрав удилища к небу, зашли на узкие, мокрые шпалы, на которых и без удилища устоять трудно, насадили наживки на крючки и закинули лески на сколько можно дальше. Уперев удилища в бедра, они замерли в такой позе, уставившись на поплавки с длинными гусиными перьями по центру. Поплавки качались на волнах, наклонялись то назад, то вперед, и я несколько раз вздрагивал и вскрикивал – мне казалось, что клюет, но рыбаки стояли, как каменные статуи, без малейшего движения, и можно было подумать, что они забыли, зачем встали здесь.

Хариус – рыба благородная, не то что какой-нибудь там окунь или карась, которые, как дураки, заглатывают червяков сразу до самого живота и тащут поплавок и леску, словно сообщая рыбаку, что, мол, дело сделано, и давай тащи ! Хариус сна-

чала пробует хвостом сбить насадку с крючка и лишь потом, если очень голоден, осторожно пробует ее губами. Поплавок при этом лишь чуть вздрагивает, и надо суметь тут же подсечь его. А попробуй подсечь тонко, чтобы не оборвать губу, чтобы не успел хариус выпустить наживку изо рта, если в руках девятиметровое удилище, а леска опущена на восемь метров в глубину !

А потом сама поза, в которой застывают рыбаки на лове !

Тупой конец удилища как бы воткнут в бедро, тонкий его конец нависает на уровне метра над поплавком, левая рука на левом бедре, корпус чуть отклонен назад, и во всей позе, кроме готовности к подсечке, еще и своеобразная удаль и легкость, и безмятежность, и даже некоторая небрежность, и полное равнодушие на лице. А при этом шпала, как ни крепко придавлена камнями на берегу, все же пружинит под ногами, и волны бьют по ногам, а если клюнуло, то ведь нужно подсечь, вытащить, поймать хариуса левой рукой, прижав удилище к телу, снять рыбу с крючка, бросить в сумку или на берег, насадить наживку и снова закинуть леску, махнув громадным удилищем – и при всем этом не потерять равновесия, не поскользнуться ногой, не шлепнуть удилищем по воде. Хариус пуглив. Икра держится на крючке чуть-чуть, и при неудачной подсечке слетает с крючка, и насаживай заново !

Понаблюдав за рыбаками минут десять, я зауважал их до волнения. А еще через несколько минут задремал, облокотившись на камень, и мне приснилось, что из воды между камней высунулась громадная рыбина и, разинув рот, сказала громко: "Проспал, рыбак!" и захохотала.

В этот же миг что-то ударило меня по животу,

я вскочил и увидел у ног рыбу. Юрка и дядя Витя хохотали, стоя на ловах.

– Проспал! - крикнул Юрка.

– Собирай сучья! Разжигай костер! Жарить будем!

И дядя Витя показал мне, где можно набрать сучьев.

Пока я разжигал костер, одна за одной прилетели на берег восемь рыб – больших хариусов, как сказал дядя Витя, по два фунта каждая, не меньше.

Потом клев прекратился. Рыбаки вышли на берег, положили удилища на камни и начали жарить рыбу невиданным способом. Рыба обвертывалась газетой и клалась в костер, в самые угли, а когда вынималась, газета оказывалась лишь чуть пожелтевшей, и кое-где даже видны были буквы. Рыба же оказывалась отлично зажаренной, оставалось только посолить ее.

Пока жарилась рыба, пока мы ели ее, пока ждали хорошего вала, дядя Витя рассказывал мне о Байкале. Про вал Култук и про вал Баргузин, про ветер Сарму, что срывает деревья со скал и бросает в воду, про остров Ольхон, что на севере, про то, как была у Байкала единственная дочь, красавица Ангара, и что убежала она к своему жениху Енисею а Байкал с досады кинул ей вслед скалу, что и ныне торчит из воды, где начинается Ангара.

Я слушал, а на душе становилось отчего-то тревожно. Мне казалось, что все, о чем он рассказывает, я уже знаю, или знал когда-то, но забыл, но что все было не так, как он рассказывает, а совсем иначе, и даже названия и имена звучат лишь похоже, но не так, как я их когда-то слышал. Я ничего не мог припомнить, но все время хотелось возразить...

Потом дядя Витя пел песню:

В старину давно то было,
Пронеслись веков года
Когда сдвинута Байкалом
Была Синяя гора.
От нее лежат осколки
И теперь еще в воде,
Да огромные пороги
По теченью кое-где.
Остальное все умчали
Воды быстрые реки,
Но хранят легенду свято
Старожилы-рыбаки.
Вам расскажут их внучата,
Среди них она живет.
Неизвестно, только имя,
От кого она идет ...

Волны к тому времени уже стали захлестывать камни, за которыми мы сидели, а шум вала заставлял говорить все громче и громче. Другой берег, напротив, прояснился, и я впервые увидел горы, что выше наших, как сказал дядя Витя, со снежными шапками на остроконечных вершинах. До того берега было сорок километров, казалось же, что много больше. Открылась видимость влево и вправо. В обе стороны вода уходила в небо, или небо опускалось в воду, и лишь слабой, еле различимой чертой проглядывал горизонт.

Волны уже не просто катились, а будто кто-то подталкивал, торопил их, и это их раздражало, а раздражение они срывали на камнях и друг на дру-

ге, когда сталкивались в каменных россыпях на берегу. Тогда вода там закипала и пенилась и металась в водоворотах. На берегу ветра почти не было. Ветер носился где-то там, на середине, там он превращал воду в волны и оттуда гнал их к берегу.

Рыбаки снова заняли свои места на шпалах. Волны перехлестывали шпалы, били по ногам выше колен, так, что сапоги не спасали. Клева вопреки ожиданию и уверенности дяди Вити, не было, и через полчаса малость обескураженные рыбаки вышли на берег, слили воду из сапог, отжали гачи штанов и спрятали удилища.

Побросав остатки костра в воду, мы взобрались на насыпь и двинулись домой.

– Мы что знаем о рыбе, – рассуждал дядя Витя – что ей жрать надо ! А какие у нее еще дела и заботы, мы этого не знаем ! По всем правилам должна она была клевать по валу, а вот не клюет ! Значит, еще какие-то причины есть, которых мы не знаем. А может, еще подождать бы надо ... Да только хватит с нас того, что есть !

И он подбросил кверху сумку с рыбой, и сумка тяжело упала ему на руки.

Я шел и все время запинался о концы шпал, потому что не смотрел под ноги, а смотрел на скалы или на Байкал. Он был теперь темно-серый, и небо над скалами было темное, и скалы не желтые или коричневые, как при солнце, а тоже серые, и хотя я понимал, что причина всех цветов – солнце, думалось же, что причина всему Байкал, ведь не Байкал смотрел на скалы и солнце, а скалы и солнце смотрелись в Байкал, и там они видели себя, и если вода была спокойна, то и все кругом прихорашивалось, глядя в зеркало воды, а если волны, и все колебалось и кривилось, как в кривом зеркале, у всего портилось настроение, а признак плохого

настроения в природе разве не серый цвет, от которого и на душе серо становится ...

Но у меня на душе было средне. Мне все время казалось, что я делаю что-то не то, о чем-то забываю ... Оттого был я молчалив и, наверное, показался моим новым знакомым изрядной букой.

В мыслях же у меня все время стояли слова, что услышал нынче : Баргузин, Ольхон, Сарма́, Ангара – и мне все хотелось их как-то переиначить, произнести по-другому, и тогда, казалось, я вспомню что-то или что-то узнаю ...

Я отказывался, но мне дали две рыбины, да еще самые большие. Поскольку это была не моя добыча, я сунул рыбу матери и пробурчал: "Вот... дали ... ". Мама была рада и сказала, что давно хотела свежей рыбы.

Я вышел на крыльцо, взглянул в падь и увидел и вспомнил одновременно про Мертвую скалу и все, что было вчера. Меня ждал обед, но я прыгнул с крыльца и побежал в падь. Бежал и удивлялся, как же я мог забыть о скале ! А может быть ничего этого не было, может быть мне это все приснилось ночью ? Я даже остановился от этой мысли. Но нет же ! Я бросил Светку и убежал домой ! Я дважды закрывал глаза и дважды видел одно и то же. Я снова бежал, потом быстро шел, потом снова бежал.

На том самом месте, откуда вчера Светка ушла за коровой, я долго стоял и смотрел на скалу и сосну и ничего не мог понять ! Обычная скала, обычная сосна, а что всего четыре ветви, так там на вершине, поди, какой ветер бывает ! Как еще сосна выстояла ! На фоне серого неба скала тоже была серая, а сосна вообще плохо виделась, и ничего в ней не было особенного. Три, четыре, пять раз закрывал я глаза, и ничего не видел такого, что померещилось мне вчера. Небо было сумрачное, и когда

закрывал глаза, силуэта сосны и скалы в глазах не оставалось. Вобщем, все оказалось глупостью, просто даже смешно было.

С обеда до вечера я бегал с мальчишками по деревне, лазил с ними по ближним скалам, строил запруду на речке. Потом немного прокапал дождь, а когда снова прояснилось, стало уже темнеть, и так закончился мой второй день жизни на берегу озера Байкал ...

— 2 —

А на другой день Байкал был светло-голубой и, конечно такое же было небо, и скалы кругом были желто-коричневыми, где без деревьев, и ярко-зеленые там, где покрыты лесом.

Вода уже не походила на стекло, а будто громадная голубая скатерть была расстелена до всех горизонтов, а под скатертью ходили медведи и никак не могли выйти на берег. Волны были гладкими и блестящими и на берегу не плескались, а растекались по нему прозрачной голубой пленкой.

Я пошел по берегу в сторону станции, куда еще не ходил. Там на берегу стояла лодка, и я вспомнил, как в ночь приезда какой-то дядька обещал покатать меня на лодке. Я надеялся встретить его. Но на берегу никого не было. Лодка наполовину была затащена на берег и цепью прикручена к рельсу, вкопанному в землю. Я залез в лодку, сел на сиденье и, воображая себя плывущим по волнам, махал воображаемыми веслами и качался на воображаемых волнах. Мою игру прервал нахальный голос:

– Эй, ты, а ну, вылазь из лодки !

Мальчишка был чуть старше меня и сильней, в общем типичный деревенский забияка. Из лодки я вылез и встал за ней с независимым видом.

— Твоя что ли !

— А то ! — ответил он важно.

Я пнул ногой камешек, сунул руки в карманы и пошел прочь.

— Эй, ты !

Я повернулся.

— Ты куда это шкарлупу подевал ?! — спросил он, угрожающе прищурив глаза.

— Чего ?

— Я говорю, ты куда шкарлупу девал ?!

— Какую шкарлупу ? — спросил я недоуменно.

Мальчишка выпрямился и сказал торжествующе:

— А ту, из которой ты щас вылупился !

Такой хороший был день, настроение было такое хорошее, так не хотелось драться, да еще оказаться битым, но такое оскорбление как перенести? И я поднял с земли камень.

— А ить не попадешь ! — оскалился он еще больше.

— А вот и попаду !

— А не попадешь !

— Как дам в лоб ! — пригрозил я, замахнувшись.

— А ну попади !

Он снял с головы фуражку без козырька, повесил ее на рельс, к которому была примотана лодка, и отошел в мою сторону. До рельса было шагов пятнадцать-двадцать. Я прицелился и кинул и успел лишь заметить, что камень летит мимо, как мальчишка кинулся на меня бычком и в секунду приложил к земле всеми лопатками, прижав к земле кисти моих рук.

– Обманули дурака на четыре пятака! Щас я тебе хвоста накручу!

Я крутился и извивался в его железной хватке, но тщетно. От обиды даже слезы выступили, а за слезы стало еще обиднее. Он надавил мне коленкой на живот и приказал злорадно:

Кричи: "Мамка, хочу жениться !" А нет, кишки выпущу !

Лучше кишки, чем кричать такое ! От полного отчаяния, закрыв глаза, я мотнул головой, и тотчас же мне на лицо закапало что-то горячее. Открыв глаза, увидел, что из носа моего противника в два ручья течет кровь. Я вывернулся из-под него и вскочил на ноги, а он зажал нос пальцем и запрокинул голову, сидя на земле. Вся рубашка на груди у меня была в крови, но подолом ее я усиленно тер лицо, в душе ликуя над моим почти победителем.

– Чо стоишь ! – прогнусавил он. – Тащи воду в фуражке.

Я сдернул фуражку с рельса, подбежал к воде, дождался волны и зачерпнул. Подумаешь ! Я себе сто раз нос разбивал ! Правда, кровь так не шла, как у него. Здорово я его боднул !

Он зачерпывал воду из фуражки и лил на нос. Даже шея вся стала у него красная от крови. Я еще раз зачерпнул воды, и после этого, кажется, ему стало лучше, потому что он отпустил нос и просто лег на спину.

– Нос у меня треснутый ! – оправдываясь, сказал он. Но ему не понравилась собственная интонация, и он попытался пригрозить !

– Щас кровь остановится, и я накручу тебе хвоста !

– А я тебя опять стукну по носу !

– Не стукнешь !

– Изловчусь и стукну !

Он потянул носом, поморщился.

– Весной веслом нос поломал ! Теперь чуть задену так и пошло. Не думай ! Я здесь самый сильный ! Накоть пощупай !

Конечно ! Мускулы у него были, будь здоров ! И я был ужасно доволен собой и уже забыл о том, как попался на его хитрость. В конце концов, любой попался бы !

Мы вместе отмывались, отстирывались – нельзя же домой заявляться в крови ! Познакомились. Его звали Генкой. Он предложил покататься на лодке. Мы размотали цепь и налегли животами на нос лодки. Она не пошевелилась.

– Ты чо делаешь ? – спросил Генка удивленно.

Я пожал плечами.

– Надо подымать нос, а ты его в землю давишь !

И лодка сразу пошла. Генка сбегал домой, принес весла, я уселся на корме, он махнул веслами, и мы поплыли.

Генка показывал мне дно. Волны были лишь чуть-чуть, а чем дальше от берега, тем меньше ощущались. Вода светилась, не придумать, на какую глубину ! И под водой были скалы, такие же, как на берегу, только намного красивее. Уступами скалы уходили в бездну и в ней терялись, но Генка вел лодку над краем бездны так, что по одну сторону виделись до малейшего камешка подводные скалы,

а по другую сторону лодки была синь, превращающаяся в черноту. Вдоль скал под нами проходили стайками какие-то маленькие рыбки, Генка называл их секачами, иногда они разлетались в стороны, и появлялась большая рыбина, как полено. Она медленно шевелила хвостом и плавниками и никуда не торопилась.

Всякий знает, что можно смотреть в окно и видеть все, что за окном, а можно смотреть на окно и видеть стекло и крапинки на стекле.

Я смотрел в воду и видел подводные скалы, а потом посмотрел на воду и увидел в ней отражение береговых скал. Скалы колыхались, будто были нарисованы зеленым по синему полотну, и я рассматривал отдельные деревья, а потом поворачивал голову к берегу и искал то самое дерево, что отражалось в воде.

И вдруг я увидел сосну Мертвой скалы. Она была меньше моей ладошки, она была с мизинец, но все четыре ветви были видны отчетливо – две вверх, две вниз. Я взглянул в падь и не увидел Мертвой скалы, ее загораживали склоны ущелья. Не веря своим глазам, я снова взглянул на воду – сосна колыхалась и вздрагивала напротив кормы, и я мог дотянуться до нее рукой.

Генка плеснул веслом, разворачивая лодку, и изображение исчезло. Потом, когда лодка снова покачивалась спокойно на волнах, сосны я больше увидеть не мог. Ее не было. Ее не могло быть, потому, что скала в глубине ущелья не могла отразиться в воде.

Я стал рассматривать береговые скалы: ведь, может быть, есть еще одна такая же сосна, но сколько ни смотрел, ничего похожего не увидел.

И в этот момент я понял, что не померещилось мне в тот первый вечер, что действительно вместо

силуэта сосны с четырьмя ветвями видел я четыре руки, две из них подняты, воздеты к небу, две другие беспомощно опущены вниз ! Я это видел, и нечего самого себя путать, а надо все проверить и выяснить, а если этого не сделать, значит, струсить, испугаться непонятного ! Только так !

А что же я тогда теряю время !

Я что-то наврал Генке, зачем мне надо на берег, и скоро уже шел по поселку в падь, шел не очень быстро, но и не медленно, и немного, как во сне, во всем отдавая себе отчет, но в то же время о главном стараясь не думать. По дороге свистнул Светке, идущей по воду, махнул Юрке, копошившемуся в огороде у дома еще кому-то махнул рукой раза два и ничуть не прибавил шагу, когда вышел за поселок, хотя волнение мое нарастало по мере приближения к Мертвой скале. Вот она уже рядом, и сосна на фоне голубого неба видна вся, кажется, до иголочки на ветвях. Но я на этот раз решил подойти как можно ближе, вплотную к скале, чтобы наверняка проверить, в чем же тут дело.

Уже дорога, раздвоившись, ушла от меня вправо и влево, а передо мной был завал камней. Я не остановился. Где можно было, прыгал с камня на камень, очень большие камни обходил стороной, по другим буквально переползал. Между камнями попадались ямы, а иногда и почти пещеры, а несколько камней сами были, как скалы, я карабкался на них и снова спускался. Когда же решил отдохнуть и взглянул вверх, то оказалось, что перестарался. Я был уже у самого подножья скалы, и первые ее уступы заслоняли от меня вершину и сосну на ней. Надо было возвращаться назад. Но почему-то следующий первый шаг я сделал не назад, а вперед, и этот шаг был шагом вверх. Вопреки желанию и намерению, поддаваясь приятному чувству упрям-

ства, я начал карабкаться на скалу, вовсе не надеясь добраться до вершины – я же видел, какая это скала ! Но каждый раз, собираясь остановиться, говорил себе: "Ну, еще немножко, еще немножко, а там дальше все равно не залезешь !" И, как ни странно, каждый шаг казался последним возможным и следующий метр в высоту, всего лишь за метр до него тоже казался совершенно недоступным, но нога вдруг находила опору, рука находила уступ, и я делал следующий шаг автоматически, вопреки воле, так, как-будто сама возможность подъема делала для меня обязательными мои шаги. Иногда даже и вплотную казалось – все, дальше ходу нет, и мне бы вернуться, но не свойственная вовсе мне добросовестность толкала на поиски вариантов, на внимательный, тщательный осмотр скалы вправо и влево, и, глядишь, либо вправо находился проход, либо влево обнаруживался обход, либо впереди трещинку нужную не сразу заметил.

Я лез и лез, и уже всерьез начинала тревожить мысль о возвращении, я же знал, что спускаться будет труднее ! К тому же все время был соблазн взглянуть вниз, хотя вполне хватало благоразумия этого не делать.

Сколько прошло времени, пока я лез, как высоко я забрался, сколько еще до вершины – ни о чем об этом я не думал. И когда передо мной выросла очередная каменная стенка, я уже привычными движениями стал ощупывать ее руками и взглядом, и в изумлении замер, когда не обнаружил никакой возможности взбираться дальше. Изумление мое перешло в оцепенение, и взгляд мой в этот момент, то есть выражение лица, наверное, было похоже на баранье. Прекращение подьема казалось нелепостью, обидой, обманом, которого будто бы я вовсе не заслужил. Немного придя в

себя, я увидел, что нахожусь на скалистой площадке, где даже можно сесть отдохнуть и подумать, наконец, обо всем происходящем. Я сел и, уже сидя, рискнул повернуться лицом к пропасти, ведь все равно придется поворачиваться, чтобы спуститься. Я боялся, что закружится голова, что испугаюсь пустоты и крутизны, но ничего этого не случилось, а совсем наоборот ! Дыхание мое перехватило всепоглощающее чувство восторга.

Передо мной и подо мной лежала страна голубой воды и коричнево-желтых скал. Передо мной был не просто красивый вид вдаль, передо мной был мир красоты, о которой мало что можно сказать словами, от него можно только пьянеть и терять голову.

Чувствовать красоту мира – ведь это значит – любить ! Это значит все прочие чувства на какой-то миг превратить в любовь, которая становится единственным языком общения души с красотой мира.

Это чувство любви и жажды любви захватило меня и словно не только подняло над миром, но и сделало меня равным ему, и я получил возможность удовлетворить неосознанное желание обнять этот чудесный мир и радостными слезами смеяться ему в лицо !

И после много раз я испытывал подобное, но всегда чего-то чуть-чуть не хватало в моей радости, и я до слез жалел, что в тот день, в тот миг не попробовал лететь ! До сих пор сохранилась у меня наивная уверенность, что тогда я мог полететь, мог пролететь над миром, потому что было такое мгновение, когда во мне не осталось ничего, препятствующего полету !

Полет — не есть ли преодоление рубежа, отделяющего человека от Бога, слияние своей души с душой мира ? А жажда полета, не есть ли стремление к совершенству и чистоте ? И однажды взлетевший человек, пожалуй, не смог бы вернуться на землю и продолжать жизнь твари несовершенной. Может быть, он бы умер от тоски, а может быть, изменил бы мир !

Я хорошо, я достоверно помню, что, стоя тогда на каменной площадке над ущельем, я пережил мгновения не своей жизни, но мгновения вечности, которая так же неизмерима, как и мгновение, и потому равна ему !

Потом, помню, все чувства стали как-то притупляться, и приходила усталость удовлетворения, и я снова сел, а мир вокруг будто начал разъединяться из целого в отдельные предметы, тяжелеть и тускнеть в них. Высота превратилась в высоту скалы, в предполагаемое количество десятков метров, уровень солнца говорил о времени дня, прохлада воздуха — о приближающемся вечере. Я пытался было вернуть состояние окрыленности и чистоты, но способность моя к тому исчерпалась, и хотя не было разочарования, реальность грустно вошла в сердце или вернулась в него и диктовала действия. Вместе с реальностью пришел страх крутизны и высоты и неуверенность в ногах, и даже некоторое сожаление о легкомыслии.

С площадки я спустился легко. А вот дальше даже в глазах темнело от страха. И вдруг я увидел, что когда поднимался, просмотрел обход справа, где, кажется, можно было миновать площадку и подняться сразу выше ее. И именно потому, что предстоящий спуск внушал ужас, я вопреки всякой логике снова начал карабкаться вверх, минуя пло-

щадку, на которой провел столько счастливых минут. А может быть часов ?

Пожалуй, я был уже близко к вершине, но вершины не видел, как и сосны на ней.

Подтянувшись очередной раз, я вполз на новую площадку, значительно больше первой, скорее даже не площадку, а большой уступ, образовавшийся, возможно, от обвала в этом месте части скалы. Дальше снова шла стена, но столько сил отняло у меня восхождение, что я уже был бы рад, если бы эта стена оказалась недоступной.

Я на четвереньках вполз на уступ, а когда поднялся на ноги и сделал несколько шагов вперед, между громадными камнями, в глубине уступа, в нише скалы, на каменном кресле увидел ... старуху!

И вот тут, наконец, наступает самая трудная минута моего повествования.

Я уже говорил, что чудо – это есть то, что вопреки. Но вопреки чему ? Конечно же, нашему опыту. И потому, чем опытнее человек, тем недоступнее ему чудо, тем невозможнее ему принять его, примириться с ним.

Сознание ребенка еще не связано столь жестко с выводами человеческого опыта, хотя уже достаточно отягощено ими. Но у ребенка все же чувства еще сохраняют некоторую самостоятельность по отношению к опыту, и потому он способен доверять своим чувствам в значительно большей степени, нежели взрослый и, как мы часто говорим, мудрый или умудренный человек.

Я часто думаю о том, что люди, сошедшие с ума, не есть ли как раз те, кто в зрелом возрасте встретились, столкнулись с чудом, но не справились с ним, не смогли примирить в себе чувство и разум

и сохранили в себе память о чуде в виде бреда, навязчивой идеи, потому что, воистину, человек, принявший детерминизм материального мира как неизбежный закон бытия, разве сможет жить, столкнувшись с чудом ?! Нет, конечно ! Чудо станет для него неизлечимой психологической травмой.

Я подозреваю, что сумасшедшие, обрети они снова здоровье, могли бы поведать о многом удивительном и чудесном.

Когда на скале, на которую никто никогда не лазил, на которую сам-то едва забрался, я увидел старуху, в первую минуту у меня тоже было состояние, близкое к помрачению рассудка. Но я видел старуху, это было очевидно и ясно, и потому мое остолбенение в этот момент было лишь удивлением высшей степени.

Будь это обыкновенная старуха, я наверняка спросил бы ее, как она сюда попала, и этот вопрос был бы логичным.

В данном же случае вопрос такой был излишним. Она никак не могла сюда попасть в том смысле, как обычные люди попадают в те или иные места.

Это была такая старая старуха, что старее и придумать нельзя. Морщины по ее лицу шли вдоль и поперек, и пересекались между собой, а в квадратах между морщинами пересекались другие, поменьше, и вообще все лицо ее состояло из морщин. Плотно сжатые губы подтягивали большой подбородок к самому носу, глаза сидели так глубоко в пачках морщин, что она казалась слепой. И при том она была одета во все голубое и воздушное; и это голубое и воздушное окутывало ее всю с головы до ног, и только руки в голубых перчатках по самые

локти не давали подумать, что в этом голубом коконе только одна голова.

В первое мгновение я не уловил ни малейшего движения в лице старухи, и у меня мелькнула спасительная мысль, которая могла бы, подтвердись она, все упростить до обычного. Я подумал, что, может быть, она из чего-нибудь сделана ? Такой вариант тоже был бы почти чудом, но это самое "почти" – как легко было бы его принять !

Но, увы ! Вздрогнули морщины над глазами старухи, глаза, и без того узкие стали сужаться еще более, и тут уже никаких сомнений быть не могло. Это была живая старуха, и, хуже того, это была злая старуха, и неоспоримость факта вошла в меня паническим страхом. А когда я услышал ее голос, то затрясся от ужаса.

– А ну, подойди сюда, жалкий заморыш ! – проскрипела она угрюжающе и таким отвратительным голосом, какого я сроду не слыхал.

В ужасе я стал пятиться к краю уступа, но у самого края из-под моей ноги вывернулся камень и с грохотом полетел вниз. Я невольно шагнул вперед, и снова другой камень пополз от ноги и сорвался с уступа. Теперь я приближался к старухе, а из-под ног у меня выскальзывали камни, и грохот настоящего горного обвала поднимался из-за уступа серо-желтой пылью.

– Стой ! – взвизгнула она.

Я уже стоял в полуметре от нее, и вблизи она была еще страшнее.

– Тебе разве не говорили, лисий выкормыш, что сюда нельзя лазить ! – прошипела она.

– Говорили ... – пролепетал я и не узнал своего голоса.

– А ты, значит, себя умней всех посчитал, недоумок несчастный !

Я трясся и молчал.

– Отвечай, зачем сюда лез ? Чего вынюхивал? Чего высматривал ? Говори, птенец трясогуски, а то полетишь у меня сейчас вниз головой со скалы !

Глотая слезы, я пропищал:

– Там сосна... сосна ... я не хотел ... я хотел...

– Врешь лживый трусишка !

Она хлопнула по колену рукой в голубой перчатке, и все голубое, что было на ней, будто вспорхнуло и затрепетало, как живое, а ее страшное лицо торчало, как иногда страшное может выглядывать из красивого и оттого быть еще страшнее.

– Врешь ! – провизжала она. – Нет здесь никакой сосны ! Здесь ничего нет ! Здесь не растут деревья !

– Там сосна ! – уже увереннее повторил я, цепляясь за эту маленькую мою правду, как за соломинку.

– Нет там сосны ! – упрямо проскрипела старуха, краснея от злости.

Я понемногу приходил в себя. Если старуха не знает про сосну, значит она не все может.

– Есть ! – не уступил я. – И у нее четыре... руки...

Сам не знаю, почему я так сказал ! Оговорился ? Старуха аж вся подалась ко мне.

– Чего ты мелешь, сорока общипанная !

– А чего вы ругаетесь ! – осмелел я.

Старуха обомлела, подбородок ее отвис, глаза округлились.

– Да знаешь ли ты, кукушкин подкидыш, кто я такая !

Страх снова превратил меня в былинку.

– Я — Са́рма ! – сказала она торжественно и гордо. Ее имя было мне знакомо, но я не был способен что-либо вспомнить.

– Я – Са́рма ! – повторила она, шипя. – Я правнучка Великого Сибира ! Я все могу !

Вдруг на нее напала задумчивость, она замерла в своем голубом коконе и смотрела то ли сквозь меня, то ли мимо меня. Она молчала долго, и я опять немного успокоился.

Потом она словно опомнилась, посмотрела на меня подозрительно.

– Там снова много людей ? – спросила она, будто выведывала у меня тайну.

– Где ?

– Там, откуда ты пришел ?

– Я из Маритуя ... – начал было я, но она вся вскинулась, ткнув в мою сторону растопыренными пальцами.

– Молчи ! Молчи ! Болтливый козленок ! Отвечай, если хочешь жить, откуда тебе известно это имя ! Имя моего сына !

— Какое имя ? — не понял я. — Так называется станция на берегу Байкала !

— На берегу чего ?! — буквально окривела она от изумления и испуга одновременно.

Похоже, сообразил я, что она только болтает, что все может, а сама ничего не знает !

— Там, внизу, — осторожно разъяснял я, — озеро, оно называется Байкалом, на берегу станция, называется Маритуй.

Старуха окаменела.

— Откуда люди узнали эти имена ?! — прошептала она. — Это я, наверное, слишком часто шептала их, а ветер разносил по свету.

Она опустила голову и стала жалкой и несчастной. Однако, я не забыл, как из-под ног у меня вываливались в бездну камни, но страх уже наравне боролся с любопытством. Я старался припомнить, где совсем недавно я слышал ее имя, хотя, кажется, звучало оно не совсем так ...

Са́рма подняла голову.

— Иди туда ! — приказала она.

Там, куда она указывала, у стенки скалы лежал громадный камень, величиной с полкомнаты. Что старуха задумала ?! Страх снова подавил все мои чувства.

— Я что тебе говорю ! — зашипела она. — Иди к камню !

— Зачем ? — пропищал я.

Всколыхнулось все голубое на ней, и я догадался, что она топнула ногой.

— Отпустите меня ! Я больше сюда не приду !

Она затряслась от ехидства всеми своими морщинами.

— Сколько тебе лет, зайчишка ?

— Двенадцать ! — прохныкал я.

– Двенадцать ! – искренне удивилась она. Тебя, что, родители не кормили, или ты родился в неурожайный год ?!

– Отпустите меня ! – жалобно пропищал я.

Она гордо прищурилась и стала еще противнее и страшней.

– Мой сын Марит в двенадцать лет уже был мужчина. Скорее месяц упал бы в долину, чем кто-либо увидел его слезы ! А ты, тьфу !

Она плюнула мне под ноги и ткнула пальцем в сторону большого камня.

– Иди, куда тебе говорят, а не то я избавлю твоих родителей от заботы по заморышу ! Ну !

Я подошел к камню и повернулся к старухе.

– Сдвинь его ! – приказала она.

У меня даже язык отнялся. Десять мужиков не смогли бы даже пошевелить его.

-– Двигай ! – заорала она. – Не выводи меня из терпения !

От ее крика я дернулся всем телом и привалился к камню, то есть даже наваливаться не стал, что толку ! Но камень сдвинулся и от этого легкого толчка, а я даже не удивился, а только обрадовался, что могу выполнить ее приказ. Лишь бы она больше не кричала ! Я нажал на камень сильнее, и он сдвинулся сразу на полметра. Я навалился на него, и он пополз в сторону, открывая за собой вход в темную пещеру.

Са́рма долго смотрела туда, в темноту, причмокивая губами.

– Иди туда ! – сказала она негромко, но это был приказ.

Я все понял. Она хочет упрятать меня в пещеру, где я умру с голоду в темноте. С истошным криком я бросился прочь от пещеры, проскочил мимо старухи к тому месту, откуда забрался сюда,

и уже спустил было ноги, чтобы спрыгнуть на камень, что был ниже, как все повторилось: камень лениво перевернулся с боку на бок и загрохотал в бездну. Потом закачался камень у меня под рукой, и я вынужден был отступить от края и вскоре снова оказался у каменного кресла старухи.

Если бы презрением можно было бы извлекать огонь я уже испепелился бы.

– Такому трусу нельзя жить на свете, и я сделала бы доброе дело для людей, избавив их от тебя ! Представляю, какой позор терпит за тебя твоя мать !

Она с гримасой отвращения отвернулась от меня и продолжала говорить, не поворачиваясь и не глядя в мою сторону.

– Несчастные люди, если у них рождаются такие дети !

Помолчала немного, поджав губы.

– Но раз уж ты пришел сюда, куда тебя никто не звал, то будешь делать то, что я тебе прикажу! Ты пойдешь сейчас туда, все увидишь там, а потом вернешься и расскажешь мне о том, что увидел ! Понял ?

Что мне оставалось делать !

– Вы меня отпустите домой, а ? Потом отпустите ?

Я пытался поймать ее взгляд, чтобы узнать по нему, обманывает она меня или нет. Но старуха не повернулась. Она смотрела в темноту пещеры.

– Я устала с тобой ! Устала ! – прошипела она. – И если не хочешь умереть под камнем или превратиться в камень делай, что я тебе велю !

И все-таки по интонации ее голоса я почувствовал, что, пожалуй, ей действительно нужно,

чтобы я сходил туда. Сходил и вернулся. А что будет потом, потом и увидим !

Я подошел к пещере, и хотя с каждым шагом у меня сжималось сердце от страха, все же не остановился у входа, а сразу шагнул в темноту.

Пока я шел по пещере, всего каких-нибудь двадцать-тридцать шагов, за это время я успел припомнить до мелочей все эти три дня, что прожил на новом месте. И стало мне ясней ясного, что случившееся сейчас не случилось внезапно – вдруг ни с того ни с сего увидел на скале старуху и прочее ! Нет ! Все началось еще той ночью, когда в раскрытую дверь вагона услышал я незнакомый и непонятный шум, и пусть это был всего лишь шум прибоя, но с того момента вся моя жизнь пошла рядом с чудом, вплотную к нему. А чудо, в сущности, оно только в одно мгновение вопреки правилу. Увидел старуху на скале – это против правил. А дальше – что камни падали из-под ноги, что пещера открывалась, и все, что потом будет, все это, хотя и по другим правилам, но все же по правилам, просто это другой мир, и страшен только первый миг соприкосновения с ним. Впрочем, если я буду утверждать, что вот таким образом думал тогда, то, конечно же, совру. И все же испытывал я и чувствовал нечто подобное.

Не успело потемнеть в пещере, как начало светлеть, и свет шел оттуда, куда мне нужно было идти. Впереди не то ступенька, не то барьер, и я оказался в комнате или в зале, трудно понять. Комната была круглая, в центре ее стоял круглый мраморный стол, заваленный большими, толстыми книгами, а от стола во все стороны одиннадцать длинных труб почти упирались раструбами в одиннадцать ниш – окон, заросших с внешней стороны скалой. Окна были как мертвые или как слепые,

и только двенадцатое окно, в которое я вошел, зияло темнотой. Я догадался, что это вершина какой-то башни, а трубы – телескопы, в которые когда-то смотрели на небо, но башня заросла скалой, если такое вообще возможно, и в ней уже очень давно никто не бывал, потому что на полу у меня под ногами, на трубах, на книгах – везде лежал толстый слой пыли, а я шагал по ней, как по ковру, и пыль поднималась от моих ног и светилась кристалликами в общем свете в комнате, который ниоткуда не исходил, а был будто сам по себе. Просто в комнате было светло. Только свет этот непривычно отдавал легкой голубизной.

Я подошел к столу, осторожно сдвинул пыль с одной из книг, зачихал, но все же пытался раскрыть книгу. Она у меня в руках превратилась в пыль, и я испуганно зажмурился от одной мысли, сколько же лет прошло с тех пор, когда люди покинули башню!

Я отошел от стола и увидел лестницу вниз. Попробовал ногой первую ступеньку, убедился, что она каменная, и осторожно начал спускаться вниз.

Сердце зашлось восторгом, когда я с последней ступеньки шагнул в комнату ниже. Комната, – а точнее, зала – была раза в два больше верхней, она тоже была круглая, и ее круглая стена вся была увешана оружием. Здесь были кинжалы с узорными ручками и сверкающими лезвиями, сабли кривые, большие и поменьше, копья, арбалеты, луки – и не было двух одинаковых предметов. Пол в комнате был устлан медвежьими шкурами, и каждая много больше той, какую я видел у Светки.

Почти сразу же я заметил, что из этой комнаты лестница снова ведет вниз, но я не мог не пере-

трогать руками все эти чудесные вещи. Здесь, в оружейной, не было пыли, и все предметы выглядели так, будто их только что почистили и развесили. Я не мог определить, из какого металла сделано то или другое оружие, но, пожалуй, здесь было много серебра.

Я, наверное, очень долго пробыл в этой комнате и немного испугался, когда вспомнил, что отсюда лестница ведет дальше вниз, и едва ли Сарма просила меня посмотреть именно оружие, скорее всего мне нужно увидеть все, что здесь есть !

Уже ступив на лестницу, я еще раз оглянулся и успокоил себя тем, что на обратном пути еще раз все осмотрю.

Теперь лестница была длиннее,и привела она меня в огромный зал с колоннами. Колонны двумя рядами как бы образовывали коридор, и в конце коридора уже виделось что-то, кажется, какие-то статуи, и там было светлее. И наоборот, по бокам коридорной колоннады стояли почти сумерки, и здесь, как и наверху, непонятно было, откуда идет свет, и здесь свет этот был необычным, чуть с голубоватым оттенком. Я пошел по коридору туда, где виднелись статуи, но не дошел метров двадцать и остановился в изумлении и настороженности.

На небольшом возвышении от пола в кресле с высокой спинкой сидел старик, или таким он мне показался из-за густой, белой бороды, спадающей ему на грудь. Его одежда, что-то среднее между халатом и пальто, была темно-синего цвета, и белая борода на синем фоне была подобна пене морской ... Белые брови низко нависли над глазами. Лицо было грустным и суровым.

По его левую руку, склонив голову на подлокотник его кресла, сидела девочка лет одиннадцати или двенадцати. Ее темнорусые волосы падали с подлокотника, с руки старика ему на колени. Кресло, в котором она сидела, было чуть меньше, но тоже с высокой спинкой. А слева от нее, положив голову на вытянутые лапы, лежал черный щенок с коричневыми надглазниками.

И все трое они ... спали !

За двадцать шагов от них, ни единого движения не уловив, я, тем не менее, уже не имел никаких сомнений в том, что это не статуи. Мне казалось даже, что я слышу их дыхание, хотя, конечно, ничего не слышал. И все же я уже знал, что это живые люди, и уже не было того удивления, когда увидел Сарму. Теперь я знал, что именно сюда, к ним, послала меня старуха.

Я стал тихо приближаться к ним, и, когда до помоста осталось три или четыре шага, поднял голову щенок и, честное слово, удивленно посмотрел на меня. Дрогнули локоны на руке у старика, и девочка, с трудом открыв глаза, как после долгого и тяжелого сна, подняла голову и тоже посмотрела на меня, как-будто не верила своим глазам.

Глаза у нее были синие, как одежда старика, как самый-самый синий цвет, и хотя она очень была удивлена, глаза ее были так печальны, что сразу все вокруг в этом зале заполнилось и тихо зазвучало печалью. Печаль вошла и в мое сердце, и оно заныло, а мне стало так нехорошо, как, наверное, никогда не было в жизни !

Девочка была такая красивая, что ничего об этом словами не скажешь, но мне тогда показалось, что, если на нее все время смотреть, то только этим можно и жить до самой смерти !

Дрогнули ресницы, и голосом, похожим на ручеек в камнях, она сказала:

– Посмотрите, отец!

Я понял, что она сказала, хотя все звуки в словах она произносила не так, как мы, как-то по-особому, в звуках ее речи совсем не было глухоты, будто она говорила одними гласными.

Отец (теперь я видел, что он не так стар, как показалось сначала, из-за белых волос и бороды) тоже медленно, с трудом открыл глаза, и они оказались такими же синими, как и у девочки, но были еще более печальными: уже не только печаль – горе и что-то еще, может быть, большее, чем горе, было в его глазах.

Все трое они долго смотрели на меня молча, словно во время этого молчания припоминали все, что было с ними до моего прихода, и даже взгляды их сначала, хотя они и смотрели на меня, были обращены куда-то в себя, а когда я почувствовал, что вот, наконец, они видят меня по-настоящему, дрогнули губы у старика (так я называл его про себя), и я услышал его тихий, глухой и очень печальный голос.

– Кто ты и как сюда попал?

– Меня послала Са́рма, – сказал я дрожащим голосом.

– Са́рма! – как эхо повторила девочка и прильнула к руке отца на подлокотнике, все так же печально глядя на меня.

– Са́рма! – глухо повторил старик. И хоть убей, не понял я по интонации его голоса ничего, что хоть немного бы прояснило всю эту историю, странную, непонятную и грустную.

– Она все сидит там, да? – спросила девочка, и опять я ничего не уловил в ее голосе.

— Сидит.

— А ты... откуда ты ? И зачем она тебя послала ? — как-то без особого интереса спросил старик.

— Она велела посмотреть и рассказать ... А я из Маритуя ...

Вот и они оба вздрогнули при этом слове, и особенно девочка. Я, не дожидаясь вопроса, спешил разъяснить:

— Там, внизу, озеро, оно называется Байкалом ...

Подскочили удивленно брови старика, и девочка в изумлении взглянула ему в лицо.

— На берегу, — продолжал я, — поселок. Он называется Маритуй !

Снова взгляды их, хотя они и смотрели на меня, от меня будто ушли, и они опять думали или припоминали что-то, и тем горестнее становились их лица.

— Там везде вода, отец ! — с болью в голосе сказала девочка.

— Но там снова живут люди ! — с тревожной надеждой как-будто возразил ей отец.

— Откуда же они знают имена ? — прошептала девочка.

Я насмелился и подошел к самому возвышению, на котором стояли кресла.

— Почему ... вы ... здесь ? — робко спросил я.

Девочка закрыла глаза и снова положила голову на руку отца. Другой рукой он погладил ее по волосам, и столько было в его взгляде боли, когда он смотрел на дочь, что даже глаза его потемнели.

— Я устала, отец ! — прошептала девочка.

— Она устала, — сказал он мне, — тебе надо уходить !

И щенок положил голову на лапы и закрыл глаза.

– Можно, если Са́рма позволит, я приду завтра ? – спросил я, страшась услышать отказ. Но не услышал его. Рука старика замерла на голове девочки, и он тоже устало закрыл глаза. И будто не говорили они со мной минуту назад, и будто не звучал в этом зале голос с необыкновенным произношением звуков ... Но только – будто. Голос девочки звучал у меня в сердце и словно прокалывал его тысячами игл сострадания.

Сначала я пятился, не мог повернуться к ним спиной, потом все же повернулся, но пока дошел до лестницы, много раз оборачивался, надеясь уловить хоть какое-нибудь движение в их неживых позах, готовый броситься к ним, что-то сказать или сделать ...

Са́рма ! Она должна сказать мне, почему они здесь, кто они, почему она сидит на скале, и все прочие "почему" пронесли меня по лестнице скалой заросшего замка наверх без единого взгляда на все, что было в верхних залах.

Дневной свет ослепил меня на выходе из пещеры, и я некоторое время стоял, щурясь и мигая, затем побежал к Са́рме.

На лице ее было торжество и злорадство, и она могла уже ничего не объяснять мне. Я знал, что это она виновата в печали на лице девочки ... Это все она ...

– Ну, что ? – спросила Са́рма, прищуриваясь и злобно ухмыляясь

– Что ? – ответил я вопросом на вопрос и не скрыл своей ненависти к ней.

– Они о чем-нибудь просили меня ?

– Нет !

На лице ее лишь мелькнула досада, но сменилась непонятной радостью.

– И девчонка ?

– Она тоже ни о чем не просила.

– В Долине Молодого Месяца даже девчонки были мужественными и не пускали слюни, как некоторые ... – явно в мой адрес сказала она. И тут вдруг слетели с ее лица и злорадство и презрение, и лицо ее стало такое же печальное и горестное, как у тех, в скале, и она словно осела вся в своем нелепом голубом одеянии, и голова ее беспомощно склонилась на бок, и казалось, что вот-вот из глаз ее потекут слезы ... Но ни слезинки не упало. Она лишь шептала что-то, что я не мог разобрать, и тихо покачивала головой.

И у меня пропали к ней всякие недобрые чувства. Захотелось поговорить с ней ласково и просто, притом смутно верилось, что такой разговор мог бы разрешить какое-то страшное недоразумение, которое есть причина печали и боли ее и всех ...

– Бабушка ! – сказал я тихо и ласково.

Она вскинулась удивленно, точно опомнившись.

– Бабушка ?! Разве я похожа на бабушку? – спросила она, странно хихикнув.

Конечно, она не походила на бабушку, она походила на пра-пра-бабушку.

– Ну, пожалуй, ты действительно можешь называть меня бабушкой ...

Она снова хихикнула, стала препротивной, особенно, когда пыталась закатить глаза, как это любят делать девчонки, когда кокетничают и воображают. "Ненормальная какая-то!" – подумал я.

– Почему они там ... а вы здесь ... и вообще ...?

Губы ее плотно сжались, подбородок подтянулся к носу, глаза прищурились, зло засветились.

– Ты хочешь знать, чего не знаешь, мальчишка? А способна ли твоя цыплячья душа вместить знание о душах настоящих людей ! Не лопнет ли, не разорвется она, как пузырь ! А заячий умишка твой, он способен понимать мысли героев, разве приспособлен он для знания великого горя и великой радости ?! Что ты знаешь о знании, жалкий недокормыш ! Знание – это клич к подвигу, а не лепешка, которую проглотил и по животу себя погладил !

Я не очень-то понял, о чем она говорила, однако, понял, что она снова меня ругает, но уже не боялся ее ругани.

– Нет, – лукаво оговорился я, – если это тайна, то конечно ...

– Тайна ! – насмешливо повторила она. – Что ты понимаешь в тайнах ! Но раз уж ты пробрался сюда, куда тебя никто не звал, я скажу тебе кое-что ...

Тут она покосилась на меня, пошамкала губами.

– Любишь ли ты своих родителей, паучок тонкорукий ?

Причем здесь родители ?!

– Еще бы тебе их не любить ! – фыркнула она. – Другие родители такого недородыша в пропасть выкинули бы, чтобы стыда миновать !

И чего она меня обзывала ! Я же был не слабее других мальчишек моего возраста, а некоторых так и половчее !

– Слушай меня хорошо ! – сказала она торжественно, подняв кверху палец в голубой перчатке. – Слушай ! Ты здесь многое увидел, кое-что услышал и услышишь еще ! Но запомни, если там,

внизу, ты захочешь проболтаться кому-либо, то лучше сразу проглоти свой язык ! Потому что, когда твой язык еще не перестанет ворочаться на первом слове, родители твои уже будут мертвы ! На двадцать пять лет я связываю твой язык ! Понял ?

Я похолодел от ужаса. Ведь можно нечаянно проболтаться, можно забыться и заикнуться ! Я представил, как я кому-то начинаю рассказывать про Мертвую скалу, а в это время мама, а за ней и отец падают мертвыми, и уже ничего нельзя исправить !

— Ага ! — злорадно квакнула старуха. — Кажется, ты начинаешь понимать, что такое тайна ! Ты думал, тайна — это безделушка, с которой можно поиграть в молчанку ! Но тайна — всегда есть не твоя тайна ! Раскрытие тайны — кому-то вред ! А за вред надо расплачиваться ! Ты еще пожалеешь о своем любопытстве !

Может быть, я уже жалел ! Не помню.

— Ты хочешь знать, почему старик с девчонкой сидят там, в скале ? Я скажу тебе !

Взгляд ее стал мутным, глаза ушли куда-то глубоко-глубоко.

— Скажу ! Она, эта девчонка, и ее отец ...

Будто колебалась, говорить или нет.

— А знаешь ли ты, кто ее отец ?

Откуда мне было знать.

— Это князь Долины Молодого Месяца — Байколла ! Когда-то весь серп Долины был подвластен ему ! И вот он сидит там и будет сидеть всегда, потому что совершил страшное злодеяние ! Он и его дрянная девчонка ... они убили моего младшего сына ...

Последние слова она проговорила шепотом, и будто сама вслушивалась в значение этих слов и ужасалась. Потом тоже шепотом несколько раз повторила: ”Убили ! Убили! Убили !”

Обо мне она забыла и смотрела куда-то в сторону Байкала.

– Это было так давно, что, кажется, будто это было вчера !

Потом она долго молчала, а я думал и никак не мог представить себе, как могли кого-то убить эта девочка и ее отец ! Может быть, это произошло случайно, но тогда за что же ”вечно” сидеть в скале! Нет, тут что-то не так ! Я вспомнил выражение вечной печали в глазах узников, и, пожалуй, в них все же и вправду была вина ... Князь Байколла ... Байкал ... А сына ее звали Марит ... А поселок зовется Маритуй ... Как все странно и непонятно.

Снова и снова передо мной возникали глаза девочки, и я слышал ее грустный голос, и все более утверждался в мысли, что во всем этом – несправедливость. И исходит она от этой старухи, хотя у ней и убили сына, как она говорит. Нет, я знал точно, девочка не может быть в чем-либо виновата.

Об этом я уже хотел задать вопрос, но старуха опередила меня.

– Ты еще здесь ?! Чего тебе еще надо ! Уходи с глаз моих !

Я послушно закивал.

– Да помни о своих родителях !

Об этом она могла бы и не говорить !

– Можно, я приду завтра ? – спросил я робко.

Но старуха уже снова ушла в себя и ничего не слышала.

Я спустился со скалы, странное дело, о скале совершенно не думая, и ни один камень не выскользнул из-под моей руки или ноги. И только когда уже стоял на дороге около развилки, когда взглянул на скалу снизу вверх, только тогда озноб прошел по спине, и показалось, будто я вовсе не спускался, а сразу оказался внизу.

Снизу скала действительно выглядела мертвой, и сосна на самом верху с четырьмя ветвями, в общем, тоже была, как все сосны, но теперь я уже знал тайну этой скалы и пытался представить, как выглядел замок, где заточен с дочерью князь Байколла, до того, как он оброс скалой ...

А был уже вечер, и как он наступил, я не заметил.

– Эй, – раздался у меня за спиной девчоночий голос. Я обернулся и как-то не сразу узнал Светку, потому что в моих глазах будто припечатался образ другой девочки, красивой и несчастной.

А у Светки глаза светились, как и положено было по ее имени, и вся она была такая веселая и легкая, как кузнечик, и оттого еще больше стало обидно за ту, что осталась там, в голубом полусумраке скалы.

– А тебя мамка искала ! А ты где был ? Чо, опять на скалу смотрел ! Здорово она тебя напугала !

Светка прыгала вокруг меня по камням и хихикала. Что она знала об этой скале !

И вдруг, как молния в голову: одно слово – и мать с отцом упадут мертвыми !

Я так крепко сжал зубы, что они заныли.

– Айда за коровой !

Я не стал отказываться, и мы, обогнув Мертвую скалу слева, чуть поднялись в распадок, в березняке по особому звону колокольчика отыскали Светкину корову и погнали ее, то-есть, собственно, пошли сзади, потому что корова шустро и деловито направилась к развилке, встряхивая хвостом и взбрыкивая ногами на камнях по тропе. За ней увязались еще две других, Светка знала, чьи они, и как их зовут, я же вплотную не отличил бы их друг от дружки.

Дома мама конечно, немного поругалась, потом налила подогретых щей и спросила: "Где был-то?"

Я подавился супом. Она ведь не представляла даже, чем рискует, задавая этот вопрос.

Опять перед сном вышел я на крыльцо и долго смотрел в сторону Мертвой скалы. Было прохладно. Из пади тянуло сквозняком, а со стороны Байкала слышался тот самый шум, что был первым звуком, услышанным мной в ночь приезда. Оттуда же шел тот особенный запах, что так поразил меня тогда. Теперь я знал: так пахнет свежесть и прохлада, я знал – это запах Байкала.

"Там везде вода!" – вспомнилась мне фраза девочки из Мертвой скалы. Значит, когда-то воды не было ! А что было ? Скорей бы утро ! Я знал, что с утра, как только встану, сразу пойду туда, снова буду карабкаться по камням и уступам. Са́рма не запретила мне приходить – значит, можно ! Теперь я все равно знаю их тайну, хотя и не всю ! Но узнаю всю !

Было у меня предчувствие, что не просто свидетелем этой тайны мне предстоит быть ! Четыре́ ветви сосны, выросшей на Мертвой скале – это четыре руки, и хотя две из них безвольно опущены

вниз, две других воздеты к небу, и в них мольба о помощи ...

А ночью мне приснилось, что стоят передо мной мать и отец, и я начинаю рассказывать им про Сарму и замок в скале, и при моих словах мама закрывает глаза и падает навзничь на спину, а папа, тоже, закрывая глаза, падает вперед к моим ногам. Я дико кричу и продолжаю кричать, уже проснувшись. Мама трясет меня за плечо и говорит испуганно. "Что с тобой, сынок ! Успокойся !"

Я обнимал и целовал ее горячо, она, ничего не понимая, успокаивала меня. Но я вдруг вспомнил про отца и закричал: "Где папа? Он живой ? Пусть придет !"

Отец тоже сел на кровать, и я заснул, держа их обоих за руки.

— 3 —

Проспал я часов до десяти, а просыпался с трудом. то вроде бы уже и встать готов, то снова – в дремоту; и видел во сне, что встаю, одеваюсь и иду куда-то, а между тем лежал, закрывшись одеялом с головой. Потом, уже окончательно проснувшись, некоторое время гадал, отчего такое плохое настроение. Потом вспоминал все, что случилось вчера и, не понимал, случилось ли это, или во сне приснилось.

Затем вскочил как ошпаренный, начал быстро одеваться и уже злился на себя, что проспал так долго. Но взглянул в окно и понял, почему плохое настроение. Мир в окне будто подменили. Хмурая серость от неба до земли заполонила мир и даже в окно просочилась сумраком. Ни синего неба, ни желтых скал, ни зелени на склонах – и куда подевались цвета ! "Будет дождь !" – с ужасом подумал я. Можно было, конечно, и в дождь лезть на скалу,

но это самоубийство ! По скользким камням, чем выше бы я забрался, тем шибче падал бы вниз.

"А, может быть, разойдется!" И, накинув куртку, я вышел на крыльцо. Надежды не оставалось. Вся полоса неба над ущельем была просто облеплена серо-черными тучами, которые ползли со стороны Мертвой скалы медленно, но так упорно и плотно друг к другу, что казалось, будто там, за горами, их скопилось несметное множество и даже больше, и что если им не хватит места в небе, они начнут падать в ущелье и завалят его по самые верхушки скал.

Мимо дома по дороге к Байкалу вприпрыжку промчался Юрка, махнул мне рукой, а я не понял, зовет он меня или просто так. Потом Валерка пробежал и тоже махнул мне рукой, но вернулся и крикнул от угла дома:

– Айда на Байкал ! Баргузин плот прибил ! Во какой !

Большой палец Валерки заинтриговал меня, и я как был в ботинках на босу ногу, так и помчался за ним, соображая, однако, что когда вернусь, дома ждет меня неприятность похуже вчерашнего. Родители заняты делами по устройству, но не все мне будет сходить с рук !

За Валеркой я проскочил под мостом, вылетел к Байкалу, ахнул по поводу волн и потом еще долго прыгал по камням за Валеркой вдоль берега в том направлении, куда ходил рыбачить с Юркой третьего дня.

Плот представлялся мне громоздким сооружением на воде, почти паромом, но даже и это представление было смутным, и потому, когда у больших камней увидел мотающиеся на волне железнодорожные шпалы, то и мимо проскочил бы, если бы Валерка и Юрка не остановились.

– Видал ! – восхищенно крикнул Валерка. Я подумал, что он говорит про волны, и закивал в ответ.

Вот что значит – привычка к необычайному ! Такие волны были, а я пробежал по берегу, наверное, двести метров и не остолбенел, не выпучил глаза ! А ведь это и был Баргузин ! Так называется вал, идущий с севера, хотя, если правильно говорить, Баргузином называется ветер. Этот ветер на севере взбаламучивает воду и гонит к нам волны, и потому у нас может быть и небо чистое, и без ветерка, а волны лезут на берег, как-будто их снизу, из глубины кто-то выпирает и выбрасывает. Волны шли ровными рядами, а вдали это движение скрадывалось, и море казалось застывшим в черных горбах, что оживали у берега и на нем срывали досаду и усталость. А берег каменными россыпями у подножья железнодорожного полотна будто подставлял плечи под их ярость и злость и своей непоколебимостью раздражал волны еще сильнее, доводя некоторые до бешенства.

Но именно так думать хотелось менее всего, и когда понимаешь, что так думать не хочется, то уже и нет никакой вражды между морем и берегом, и это лишь померещилось и показалось !

"Ух, как сейчас трахну!" – невсерьез грозится волна, вздыбливаясь пеной на подходе.

"Ах, ах, как я испугался!" – шепчет берег, притворно поеживаясь каменными позвонками.

И все же, когда небо все в серой пакости, когда волны то черные, то темно-синие, когда берег будто голову спрятал под каменный панцырь в ожидании дождя и непогоды, то нет между берегом и волной ни вражды, ни игры, а есть работа, у каждого своя, а если иная волна и ударит по камню звонче другой или прорвется мокрым щупальцем меж кам-

ней дальше прочих, то это просто по нерасчету сил, потому что ничего такого ей вовсе не надо, потому что не в этом ее работа!

Но что бы там ни мерещилось и ни думалось, здорово стоять на последнем камне перед волной и смотреть чуть вперед на бегущие под ноги волны и ощущать опасность головокружения и маяты от видимости своего противостояния и противоборства чему-то, что не только сильнее и больше тебя, но и совершенно иное по своей природе и по своему предназначению в мире.

Юрка с Валеркой о чем-то спорили, размахивая руками, показывая в разные стороны. Хоть я и стоял близко, слышал лишь одни восклицания, прорывавшиеся сквозь непрерывный грохот и рокот волн. Теперь я обратил внимание на шпалы, застрявшие между камнями и подпрыгивающие одним боком на каждой волне. Я увидел, что шпалы соединены скобами, и догадался, что это и есть плот, и не то, чтобы разочаровался, а недоумевал, для чего может понадобиться такое жалкое сооружение, на которое и ступить-то страшно, а на плотах ведь плавают ...

Я прыгнул на большой плоский камень, где топтались Юрка с Валеркой, и, указывая на плот, спросил-прокричал:

– Этот что ли?

Валерка снова показал мне большой палец, и я вовсе не понял его восторга.

– Спрятать его надо! Рыбачить с него будем, нырять!

В поселке было всего две лодки. С лодки, понятное дело, рыбачить сподручнее, а купаться тем более, хотя я уже знал, какие здесь глубины, и купание с лодки было не про меня! Но по мне лучше век не купаться, чем отвалить от берега хотя бы на

метр на таком плоту ! Я сосчитал, он был из восьми шпал.

— Маленький ! — прокричал я в самое ухо Валерки.

Он выпучил глаза.

— Мы на трех шпалах рыбачим !

И сунул мне под нос три пальца.

Спрятать плот нужно было и от других мальчишек, и от взрослых. И вот мы трое часа три под волнами, вымокнув, конечно, до нитки, перетаскивали плот за мысок в большие камни, где он не был бы виден с насыпи. Перетаскивали — это значит, проволокой, зацепленной за скобу, тащили вдоль берега, используя только откат волны для рывка. Когда же волна налетала на берег и на плот, мы лезли под самую волну, не позволяя ей выкинуть плот на камни или швырнуть между камней, где он мог застрять безнадежно для наших сил. Потом мы еще долго привязывали плот к камням, чтобы его не унесло штормом.

Пока копошились и суетились, холода как-то не чувствовали, но только присели отдохнуть после всего и взглянули друг на друга, то не только я, но и приятели мои, коренные байкальцы, встревожились.

— Айда, домой. Сушиться надо ! — сказал, хмурясь, Юрка. — Хорошо, что хоть мамки дома нет !

Валерка загрустил, как и я. Наши мамы были дома.

Пока меня сначала раздевали, а потом одевали, я схлопотал полдюжины затрещин, выслушал неисчислимое количество упреков, сам успел выдать тысячу и одно обещание относительно своего поведения впредь, мужественно принял в себя все гадости, именуемые лекарством и вообще проявил себя с са-

мой хорошей стороны в процессе осознания своего легкомыслия.

Однако ни это, ни шуба, которой меня укутали, ни педагогический бодрячок отца ("ничего с ним не случится ! Он же мужчина, а не девчонка!") не спасли меня от простуды, которая началась температурой к вечеру, ночью уже обернулась бредом, а к утру воспалением легких.

Впрочем, я отделался достаточно легко. К концу второй недели уже вышел на крыльцо и долго сидел греясь на солнце и наблюдая, как оно незаметно для глаза крадется от скалы к скале, как затем медленно всплывает над скалами и повисает над ущельем, и как оживает северный склон ущелья и раскрывается всеми красками камня и дерева.

Мама сказала, что в бреду я все какую-то старуху поминал, и когда она мне сказала это, я похолодел сердцем. Но рассудил, что если в бреду, то-во-первых, это не сознательно и значит не считается за "проболтание", а во-вторых, если в бреду, то никто не примет бред всерьез, и значит тайна останется тайной.

И все же страшно было. Ведь это я так рассуждал, а как рассуждает старуха Са́рма, неизвестно !

Я был еще слишком слаб, и эта слабость притупляла нетерпение скорее снова оказаться на скале, немедленно побежать туда, ведь с крыльца я видел Мертвую скалу и мог разглядеть сосну на ней, хотя отсюда и не было видно ветвей ...

Прибегал Валерка, рассказывал взахлеб о том, как они плавают на плоту, как рыбачат на отмелях, как здорово перепрятывают плот от других мальчишек.

Генка-лодочник пробегал мимо, приткнулся у крыльца и хвастливо поведал, как его дед подстрелил здорового кабана одним выстрелом, и хотя

деду его семьдесят лет, он еще охотник, будь здоров !

С обеда меня снова уложили в постель, и я читал "Последнего из могикан", но без особого интереса, все время ловя себя на том, что лишь гоняю глаза по строчкам, зная из последней страницы, что сына Чингачгука Ункаса убьют, и не понимал, зачем нужно описывать истории, смысл которых исчезает в смерти, да еще случайной ...

В моей жизни, например, все не так ! Все, происходящее со мной с самого начала, если за начало посчитать переезд на Байкал, пронизано и наполнено смыслом, а все события, что уже произошли и произойдут, похожи на разматывающийся клубок нити, в конце которой, наверное – да чего там, наверное, я уверен был, – конец нити, что сейчас упрятан в клубке, это что-то важное не только для моей жизни, но и вообще и для всех, и потому не может быть плохого или внезапного конца, а может быть, конца и нет вовсе, как нет конца жизни, если она только началась.

Са́рма, правда угрожала, что знание – это что-то там такое, что может быть плохо, но ерунда ! Знать всегда интереснее, чем не знать ! Конечно, лучше бы знать такое, что можно рассказать всем ! Но даже когда и нельзя рассказать – это все-равно интересно !

Я несколько раз поднимался на ноги, когда казалось, что уже здоров и могу бежать к скале, но каждый раз снова опускался на ступеньку крыльца с головокружением и досадой.

А потом, когда я уже был уверен в себе, когда уже был вовсю здоров, родители не отпускали меня с крыльца и следили за мной так добросовестно, что не было никакой возможности перехитрить их.

Была самая середина лета, погода стояла отличная, и мальчишки словно выбыли из поселка. Еще не наступила пора орехов и ягод, но зато было самое время купаться, и я только по рассказам забегавших друзей знал об их приключениях на Байкале: кто нырнул глубже всех, кто пересек на одной шпале Маритуйскую бухту, кто дольше всех под водой просидел с камнем в обнимку.

Росла моя обида на судьбу, на мою дурацкую болезнь, на родителей, которые из упрямства держали меня дома в самое время мальчишеского счастья.

Росла моя тревога о том, что случилось на Мертвой скале. Иногда мне начинало казаться, что ничего там вовсе не было, что не лазил я на Мертвую скалу, а это лишь померещилось в бреду во время болезни, потому что такое было надо мной и над миром яркое солнце, такой аромат зелени шел с обоих склонов ущелья, и вообще вокруг был такой прекрасный реальный мир, осязаемый всеми человеческими чувствами, что не верилось, будто где-то есть место, где нет радости и солнца.

Наступил, наконец, день, когда мать строго-настрого, под угрозой порки запретила мне выходить на берег Байкала. И это означало, что я свободен ! И сначала я, конечно, побежал на Байкал.

Под железнодорожной насыпью,немного в стороне от моста на узкой полосе берега у старой пристани располагался мальчишеский пляж. На берегу горело несколько костров – купались с кострами даже в самые жаркие дни, ведь купались целыми днями до заката, а вода в Байкале, я уже знал, какая ! Но хоть я и прибежал на берег, купаться не рискнул. Я даже не подошел к пляжу, а остался в стороне, щурясь на сверкающую гладь озера, которая сегодня почему-то была чуть-чуть с зеленью, может быть, оттого, что яркой зеленью горели склоны ущелья и горы вдоль железной дороги. Волн не было, и лишь от места купания вдоль берега и вдаль, но не очень далеко, расходились голубовато-зеленые круги и терялись в каком-то серьезном и достойном спокойствии всего безграничного озера. Спокойствие воды порождало благодушное и улыбчивое настроение, и совсем не хотелось думать о том, что под тонким, сверкающим стеклом поверхности могут быть сотни метров глубины, где вечная темнота и покой, похожий на покой могильный. Думать не хотелось, но нет-нет, да думалось так, и становилось не по себе, если представить себя утонувшим в этой бездонной темноте, ушедшим в глубину, куда и водолаз не доберется !

И, наверное, по мрачной ассоциации с водяной бездной мысль вернулась к Мертвой скале, к ее узникам, погребенным заживо, к тайне неразгаданной и требующей разгадки.

Путь до скалы в этот раз мне показался в три раза длиннее, а подъем в десять раз тяжелее. Это,

может быть, оттого, что велико было мое нетерпение, а может просто еще слаб был после болезни.

Перед последним подъемом я затаился, прислушиваясь. Думалось, что услышу бормотание Сáрмы или шорох ее голубого одеяния. Но – ничего ! И сомнение зародилось, там ли она ? И потому на последний уступ почти запрыгнул.

До чего же она была страшной, эта старуха в каменном кресле и в воздушно-голубом ореоле своего платья !

– Припорхал-таки, птенчик ! – сказала она немного удивленно, но больше с ехидством, потому что, пожалуй, без ехидства и злобы она вообще говорить не умела.

Я ничего не ответил, только слюну сглотнул, справляясь с одышкой.

– Разве я разрешала тебе приходить сюда еще раз ?

Она прищурилась и стала похожа на бабу Ягу из сказки.

– Если один раз я отпустила тебя отсюда живым, ты думаешь, и теперь ... Или ты вообразил, что я по тебе соскучилась !

И она хихикнула, поджав плечи к самому затылку, так, что голова будто на колени опустилась.

А кто знает, что ей в ум взбредет ! Я поежился.

– Что, язык откусил от страха ? – спросила она.

Я же никак не мог сообразить, что нужно сказать. Мне нужно было туда, в скалу, а с этой злой старухой я вообще не собирался разговаривать.

– Я хотел ... – промямлил я. – Я думал...

– Ты думал ! – она затряслась в хихиканье, заколыхалась в голубом. – Ты умеешь думать !

Вот уж чего о тебе не скажешь ! Разве в твоей цыплячьей голове есть то, чем люди думают !

Это уже было слишком. Я зло нахмурился и засопел.

– Ух, как страшно ! – притворно вскрикнула она. – Чего же ты так долго думал, что я даже успела позабыть о тебе !

– Болел !

– Болел ! – ахнула она. – Это, наверное, тебя с того страха икота поразила, и тебя молоком отпаивали !

– А я и не к вам пришел! – выпалил я. Чего с ней разговаривать да объяснять !

Старуха надменно скособочилась.

– Очень мне нужно, чтобы ты ко мне приходил ! У меня в прошлый раз от твоего кваканья да писка три луны голова болела !

И все-таки она обиделась !

– Ладно, – проворчала она, – иди, куда пришел. Только придет время, ты пожалеешь о том, что узнал сюда дорогу !

"Каркай! Каркай! " – шептал я, направляясь к камню.

На камень навалился не без робости. Такой он был большой, что, сдвинув его однажды, все равно не верилось, что это возможно.

По пещере, по комнате с телескопами, по оружейной я проскочил, не задерживаясь, лишь коснувшись рукой одной из труб, лишь кинув взгляд на сверкающие мечи и кинжалы. Зато с последней ступеньки в зал с колоннами ступил тихо и замер, всматриваясь в силуэты тех, что видны были в противоположном конце зала. И подходил к ним тихо, не слыша собственных шагов. Но все равно за несколько шагов до возвышения, когда я еще не успел остановиться, снова, как и тогда, поднял голову

черный щенок с коричневыми надглазниками. Но я смотрел не на него. Я смотрел на девочку. За эти дни я уже успел забыть, какая она красивая и необыкновенная и печальная даже во сне. И снова все мои мысли и намерения были вытеснены обжигающей сердце жалостью.

Она так же сидела, склонив голову на руку отца, и волосы ее, перехваченные на голове голубой ленточкой, спадали на колени старика, и рука его так же лежала на ее волосах, как он положил ее в прошлый раз, будто и не прошло с тех пор столько дней, а будто я вернулся сюда, лишь выйдя на минуту.

Она подняла голову и посмотрела на меня, словно припоминая что-то, но так было только – мгновение, а сразу за тем я уловил мимолетное, но несомненное выражение радости на ее лице. И отец ее тоже смотрел на меня, правда не поднимая склоненной головы, а как бы сквозь брови, но и в его взгляде не было ничего плохого для меня.

– Са́рма разрешила тебе приходить сюда ? – спросила девочка.

– Разрешила, – ответил я не очень уверенно, потому что, кто ее знает, старуху, разрешит она прийти еще раз потом или нет !

– Скажи ей, Байколла благодарит ее за доброту !

В его голосе не было насмешки ! Он искренне благодарил ее ! Но за что ?! Значит, подумал я, он действительно виноват перед Са́рмой, значит, он и вправду убил ее сына ! А девочка ? Она никого не могла убить !

– Расскажи нам, – попросила она, – что теперь там, в долине !

– В долине ? В какой долине ?

– Дочь моя, там больше нет долины ! – с болью и горечью возразил ей отец.

– Да ... – печально согласилась она. – Там больше нет долины ! Но ты ... там, где живешь ... и другие люди с тобой ... расскажи !

– Там озеро, я же прошлый раз говорил, и оно называется Байкалом !

– Ты неправильно произносишь это слово, почему ?

Я пожал плечами.

– Так все говорят, и в книгах так написано и в картах !

– У людей твоего племени есть книги и карты ? – спросил отец девочки, и, пожалуй, он был не столько удивлен, сколько обрадован.

Я понял, что они не представляют нашей жизни, что если начать им рассказывать, то никакого времени не хватит, а мне надо узнать, почему они здесь, кто они, кто такая Сарма ? Мне все нужно было узнать. И я ответил вопросом на вопрос.

– А вы ... почему вы здесь ? А долина ... где она была ?

Девочка растерянно взглянула на отца, словно спрашивая разрешения. Но он молчал и смотрел на меня спокойно, и не знаю, видел меня или нет.

– Сарма разрешила тебе спрашивать об этом? – осторожно спросила девочка.

"Как они ее боятся !" – подумал я. Старуха не разрешала мне спрашивать, но ведь и не запрещала. Я решил слукавить.

– Она велела мне молчать обо всем, что я узнаю ...

– Отец, можно мне рассказать ему Предание? – робко спросила девочка.

— Са́рма знает, что делает, если пустила его сюда ! Расскажи !

Он опустил голову на грудь и закрыл глаза.

— Тебе нужно сесть ! Предание нельзя слушать стоя !

Глаза ее заблестели, оживились, и вся она стала еще прекрасней, и я мог только догадываться, какой она была бы, если бы смеялась или улыбалась, если бы вывести ее отсюда на солнце, на берег Байкала, если осыпать цветами ....

Я хотел сесть на возвышение, где стояли их кресла, но пол был мраморный и холодный, и я, вспомнив, бегом кинулся в верхний зал, схватил там с пола первую попавшую под руки медвежью шкуру, приволок ее в зал и расстелил у ног девочки рядом с щенком.

Глаза девочки горели. Она уже не обращала на меня внимания, с нетерпением дожидаясь, когда я буду готов ее слушать.

— Готов ли ты ? — спросила она строго.

Я кивнул головой и замер.

— Давно, давно, — начала она, — когда ночи людей были темны, и в небе еще не было месяца, на берегу далекого океана жило великое племя смелых и добрых людей. Люди ловили рыбу в океане и охотились на зверей в тайге, что была вокруг, люди делали из дерева и камня прекрасные вещи и дарили их друг другу. У людей было все, что нужно для счастья, и потому они не пели песен о счастьи, но были их песни счастливыми.

Но однажды из океана вышла черная смерть и накинулась на людей племени, не щадя ни малых, ни старых, ни мужчин, ни женщин.

Смерть подкарауливала людей на берегу и на воде, пробиралась в дома и выслеживала людей на таежных тропах, и не было никому спасения, и не было никому защиты, потому что знахари и колдуны умирали наравне со всеми, и мудрость их была бессильна перед смертью, вышедшей из океана.

Старейшие люди племени с утра до ночи думали о том, как спасти свой народ, и многие умирали в думах, не дожив до следующего утра.

Люди перестали трудиться, потому что ждали своей смерти, и утром, просыпаясь, лишь удивлялись, что живы еще, и уже не скорбели, не найдя среди живых кого-нибудь из своих близких.

Замолкли в селениях песни и голоса, люди перестали выходить из домов, люди начали умирать от голода, потому что никто не хотел идти в океан или тайгу, а хотел умереть дома.

Но вот пришли к старейшим четверо братьев, самых отважных охотников племени. Старшего из них звали Байколлой, другого Баргуззи, третьего— Ольхонной, а самого младшего звали Бурри.

Сказали братья старейшим, что охотничьими тропами уходили они далеко от побережья и видели за тайгой, куда уходит солнце, страну голубых гор, видели стада оленей и кабанов, уходящих в ту сторону во время таежных пожаров, видели стаи птиц, улетающих туда по весне.

Где могут жить зверь и птица, может жить и человек ! А смерть, порождение океана, может быть, у океана она и останется !

И предложили братья увести племя в ту далекую страну, куда и дорог не было, где никто не бывал, откуда никто не приходил.

Девочка замолчала. Она была взволнована, а в ее глазах была радость и была гордость, и голос дрожал, и руки крепко сжимали подлокотник кресла.

– Ты слушаешь меня ? – спросила она строго.

– Да, да, рассказывай !

– Не было у людей другой надежды на спасение, и, похоронив мертвых, забрав с собой лишь самое необходимое и дорогое, положив на носилки умирающих, но не умерших, двинулось племя в глубину тайги, куда вели их отважные братья-охотники.

Забеспокоилась, засуетилась смерть. Не хотела отпускать она людей, погналась она за ними по таежным сумеркам, нагнала на ночном привале и поразила первого, о кого запнулась в темноте.

Утром люди похоронили умерших и двинулись дальше, но торопилась и смерть. Она настигала людей и, войдя в одного к вечеру, утром уже цеплялась за одежду другого, а в полдень сжимала горло третьему.

А люди шли и шли, и уже далеко ушли от океана. Смерть же боялась не найти дороги назад и злилась, и свирепела.

Уже дошли люди до первых гор, ущелий и пропастей, когда смерть догадалась, наконец, кто уводит от нее людей, и ночью она вползла в сердце одного из братьев, которого звали Ольхонной. А утром люди проснулись от его громкого голоса. Ольхонна стоял на скале, на краю пропасти, и кричал людям:

– Братья ! Смерть вошла в меня ! Глубока пропасть, и пока смерть будет выбираться из нее, спешите уйти как можно дальше !

С этими словами он кинулся в пропасть, а люди, вскочив на ноги и взвалив на себя больных и ус-

тавших, кинулись прочь, туда, куда вели их трое оставшихся братьев, ни слова не проронивших с утра до самой ночи.

Но в те времена еще не было на небе месяца, и люди могли идти только днем. Смерть же, как долго ни выбиралась она из пропасти, все-таки выбралась, кинулась по следам людей и к ночи, догнав их, вошла в другого брата, которого звали Бурри, и был он самым молодым из братьев.

Уже сплошные горы окружали людей, все трудней и трудней становился их путь, и многие гибли, срываясь в пропасти, других заваливали обвалы, третьи тонули в водоворотах горных рек, через которые пролегал путь.

Утром следующего дня на краю еще более глубокой пропасти встал Бурри и только крикнул людям: "Уходите!" И кинулся в пропасть.

Молча вытерли слезы Байколла и Баргуззи и повели людей дальше, туда, где уже видны были голубые вершины гор, намного больших, чем те, через которые они сейчас проходили.

Долго выбиралась из пропасти смерть, проклиная мужество братьев, но выбралась все же и ко второй ночи настигла племя.

И утром Баргуззи на глазах проснувшихся людей, не сказав ни слова, бросился в пропасть, дна которой не было видно, и где лишь туман ходил клочьями.

А люди все шли и шли, и забирались все выше и выше.

Однажды утром Байколла, последний из братьев, показал рукой вперед и сказал: "Дальше вы дойдете сами ! Ищите долину и начинайте новую жизнь. А я пойду назад, туда, где остались мои братья. Мы сделали все, что могли. Если смерть еще гонится за

нами, я встречу ее и уведу от вас как смогу дальше!"

Больше ничего не сказал Байколла, повернулся и пошел назад, навстречу смерти. Люди не благодарили его, потому что никакими словами не смогли бы высказать свою благодарность. Люди пошли вперед.

Непроходимыми становились места, и нигде не виделось долины для жизни. И, наконец, на пути людей вырос громадный хребет, весь покрытый снегом и льдом, и люди упали на землю в отчаянии, потому что не было сил карабкаться на неприступные склоны хребта.

Вдруг потемнело вокруг, грохот оглушил людей и, подняв глаза, увидели они над горами великана. Он стоял над хребтом, ловил в небе тучи и, сшибая их вместе, высекал молнию и гром.

Это был богатырь Сибир, в чьи края и владения забрались люди в поисках долины жизни.

Сибир сшиб две громадные тучи, и искра попала ему в глаз. Он начал тереть глаз рукой и присел на вершину хребта, который был ему всего лишь по колено. Он протер глаз и вдруг увидел на одном из склонов людей. Увидел и удивился. Удивился и спросил громовым голосом: "Люди ! Зачем вы пришли в мои края ? Здесь нет вам места для жизни, здесь кругом только камень и лед".

Хоть и испугались люди его голоса, но рассказали ему всю правду о себе, о смерти тысяч своих братьев, о братьях-охотниках, что привели их сюда и погибли за них.

Не было никого в мире сильнее богатыря Сибира, и потому он был очень добрым. Тронули его людские беды и задумался он, но был он очень сильным и потому не мог долго думать. Встал он во весь свой богатырский рост, посмотрел

вокруг – ничего не придумал, посмотрел под ноги – увидел ледяной хребет, серпом изгибающийся под ногами. Нагнулся он, напрягся лишь чуть и вырвал хребет из земли с корнем. Поднял Сибир хребет над головой, посмотрел на север, посмотрел на юг, на восток посмотрел и на запад – некуда кинуть его, везде жизнь. Тогда раскрутил богатырь руками хребет над головой и закинул его в небо.

Видели люди, как исчезала в небе ледяная громада и услышали довольный хохот богатыря Сибира. Там, где только что был неприступный хребет, теперь была глубокая долина.

– Живите ! – довольным и радостным громом сказал богатырь и зашагал прочь через горы и хребты.

Люди начали спускаться в долину, и чем глубже спускались, тем теплей становилось вокруг, и цветы на их глазах расцветали по склонам, и хрустальные ручьи пробивались из камней, и птицы запевали песни жизни, и по горным уступам, обгоняя людей, спешили в долину звери большие и малые.

Но долог был путь, и не успели люди до ночи спуститься в долину. А когда пришла ночь, с удивлением увидели они в небе светящийся серп – это ледяной хребет, заброшенный в небо могучей рукой богатыря Сибира, светил в ночи, как и светит поныне ...

Тут, на этом месте рассказа я, кажется, как дурак, расплылся в улыбке. Девочка замолчала, удивленно и осуждающе глядя на меня.

– Ты смеешься ?! Чему ? Разве можно смеяться, когда рассказывают Предание !?

Я начал оправдываться:

– Да нет ... я так ... но месяца не бывает, это же луна, она круглая как мячик ...

— Ну и что ? — ответила девочка недоуменно.— В Долине Молодого Месяца были великие ученые, они сосчитали все звезды на небе и умели по звездам читать судьбу людей ! Но это же совсем другое дело ! Я рассказываю тебе Предание, а в Предании каждое слово — только правда, иначе это бы не было Преданием. Предание — это самая большая правда !

Я не очень понял, о чем она говорит, но искренне жалел о своей дурацкой улыбке.

— Рассказывай дальше, пожалуйста ! — попросил я.

— Но ты должен верить каждому слову, иначе тебе не нужно знать Предание !

— Я верю, честное слово ! — поторопился заверить я.

Она немного помолчала, собираясь с мыслями.

Прошли годы, и люди расселились по всей Долине Молодого Месяца — так стали называть долину жизни, которую подарил людям богатырь Сибир. Люди разделились на четыре племени, и каждое племя взяло себе названием одно из имен четырех братьев-охотников, спасших народ от черной смерти. На севере долины жило племя Ольхонны, и славилось оно несметными стадами оленей. Люди племени Баргуззи были великими охотниками. Племя Бурри на востоке славилось длинногривыми конями, способными перелетать через широкие и глубокие пропасти. Племя Байколлы на юге долины было признано старшим, и князь племени Байколлы был князем и всей Долины Молодого Месяца. На земле князя Байколлы цвели чудесные сады, а дворец Князя не имел себе равных.

Никто не тревожил мирную жизнь Долины, и все сохранившееся оружие племен нашло себе вечное место в одном из залов замка князя Байколлы,

и ни разу вражда не возникала границей между племенами.

Девочка замолчала, и грусть вернулась в ее глаза, когда она посмотрела на отца.

– Я правильно рассказала Предание, отец?

Он ласково погладил ее по голове и не ответил.

– Ты видишь перед собой последнего князя племени Байколлы и Долины Молодого Месяца!– сказала она грустным полушепотом.

– А что случилось потом ? Почему последний ... – нетерпеливо спросил я.

Девочка прижалась к отцу, смотрела куда-то мимо меня, а я чувствовал, что вопросом причиняю ей боль, но я должен был узнать все, иначе не имело смысла приходить сюда ! Меня не оставляло предчувствие, что должно быть изменено что-то в этой истории, изменено не без моего участия.

– Должна ли я рассказать ему, отец ? – спросила она срывающимся голосом.

– Ты можешь рассказать ! – ответил он тихо.

– Потом, – шепотом начала девочка, – потом случилась беда ...

Она замолчала, закрыла глаза, и когда открыла их снова, они блестели слезами, хотя слез не было.

Прошло много, много лет, когда однажды в Долине появилась неизвестная женщина с двумя сыновьями. Никто не знал, откуда она пришла, как нашла дорогу в Долину, зачем пришла – никто этого не знал и не расспрашивал ее, потому что она сама об этом не рассказывала. В Долине много было свободных земель, женщина никому не помешала, и никто не помешал ей. Она поселилась со своими сыновьями отдельно от всех племен, ни с кем не сходясь, ни с кем не знакомясь.

Она была очень высокого роста, выше даже самых высоких мужчин Долины, и сыновья ее ...

Тут девочка снова замолчала и закрыла глаза.

– Я ... не могу ! Я устала !

– Она устала ! – сказал Байколла. И пусть это был не приказ, но я понял, что мне надо уходить. И это означало, что сегодня я больше ничего не узнаю. А завтра ... До этого "завтра" еще надо было дожидать !

Я сказал "до свидания" и, ничего не услышав в ответ, медленно поплелся к лестнице в верхние залы.

Сверкающее оружие на стенах уже не доставляло мне никакого удовольствия. Я машинально потрогал рукой длинное, остроконечное копье, присел на пол на шкуры, лег на спину и лежал, кажется, долго и слышал голос дочери князя Байколлы, рассказывающий Предание. Еще я пытался понять, как Предание может быть правдой, если там есть то, чего не бывает. Но ведь и старух в голубом одеянии тоже не бывает на скалах, однако там, за камнем, открывающим вход в замок, сидит старуха Сарма – и это факт ! А разве другой, кто не видел бы этого своими глазами, разве он поверил бы, если б я рассказал !

А что, если попробовать упросить Сарму рассказать о том, что не успела девочка ?! И я ведь до сих пор не знаю, как ее зовут ! Она не спрашивала об этом меня, а я не решался спросить ее. Да и случая такого не представлялось.

Бегом кинулся я по лестнице, бегом пробежал по пещере, в минуту оказался около Са́рмы. Она же встретила меня окриком.

– А кто будет вход за тебя закрывать, попрыгушка писклявая !

Я вернулся, задвинул камень. Ее голос, ее всегда противный голос охладил меня, и уже не хотелось просить ее о чем-либо. Я подошел и сел около нее на камень. Она подозрительно покосилась, что-то прошамкала губами, но вслух ничего не сказала. А когда через минуту я взглянул на нее, лицо ее было печально, как однажды я уже видел, и как в тот раз, сразу исчезла неприязнь к ней. И я решился.

– Бабушка, – сказал я просто, без всякой натяжки в голосе, – ТАМ мне рассказали Предание. Я теперь знаю, как все было, то есть как все началось ... Раз уж я все равно знаю, может, вы расскажете мне, что случилось, отчего они там ... а вы вот ... сидите здесь ...

Очень мне не хотелось, чтоб она снова начала ругаться, так хотелось услышать от нее нормальные слова ! И это случилось ! Не поворачиваясь ко мне, но без обычного ехидства, она спросила:

– Почему же они не рассказали тебе всего ?

– Девочка хотела рассказать ... но ей было трудно ... она устала.

Мстительное выражение промелькнуло по ее лицу и отразилось в словах.

– Еще бы ! О преступлении всегда трудно рассказывать !

– Расскажите а ? – взмолился я.

Взгляд Са́рмы стал гордым, и она даже мне показалась не такой уж старой.

– Ты хочешь знать, почему я здесь сижу ! Посмотри вперед ! Что видишь ты?

Впереди, в треугольнике ущелья открывался Байкал, и когда я ответил: "Там Байкал!", то заново пережил красоту высоты и перспективы, что открывалась со скалы.

– Пожалуйста не коверкай слова! Слышать этого не могу ! – она вся сморщилась. – Не видишь ты и не можешь видеть ! Там, в водяной пучине, на дне, на глубине, куда и рыбы не заплывают, там стоит мраморный гроб и в нем мой младший сын, мой любимый Мариг !

Она замолчала, и я не смел ее торопить.

– Когда я шла со своими сыновьями в Долину Молодого Месяца, я знала, куда шла, знала, зачем шла. Но людям Долины я не сказала ничего ! Они должны были узнать все потом ...

Она вздохнула.

– Может быть, и надо было мне все рассказать им, может быть, тогда не случилось бы всего ...

Старшему моему сыну, его звали Нессей, было семнадцать лет, но он был уже настоящий мужчина, и ни один мужчина Долины не мог соперничать с ним в силе, в уме или в ловкости ! Самые сильные мужчины Долины рядом с ним казались подростками. Мариту, моему младшему ... ему было десять лет, но он уже мог камнем сбить птицу с неба, оттянуть тетиву самого большого лука и усмирить самого резвого коня племени Бурри. Да ... Вот такие были у меня сыновья !

Старшей дочери князя Байколлы в ту пору исполнилось шестнадцать, и звездочеты прочитали по звездам ее имя и назвали ее Нгарой, что означало "быстроглазая". Звездочеты Долины молодого Месяца знали свое дело ! Она действительно оказалась быстроглазой ! Она высмотрела моего сына и приманила к себе. Мои глаза были не так быстры, и я проглядела их любовь !

Однажды Нессей сказал мне, что хочет жениться на дочери князя Байколлы, и это было для меня неожиданно. Я пыталась отговорить его, уговорить

подождать, но мой сын был мужчиной, и он не хотел ждать и не хотел понять меня !

Тогда я пошла к князю Долины сватать его дочь. О, нет ! Я не просила его отдать дочь за моего сына ! Я сказала ему гордо, что мой сын хочет жениться на его дочери, и что он, князь Байколла, должен быть горд моим сватовством.

Кто я была для князя Байколлы ?! Безродная женщина, чужая в Долине, никакое племя не называло меня своей. А по обычаю брачными союзами из века в век скреплялась дружба племен Долины Молодого Месяца.

На молчание князя Байколлы я ответила дерзостью ! Да, дерзостью ! Потому что имела на нее право ! Я сказала ему: "Чего же ты медлишь, князь, почему не спешишь возвестить старейшим о помолвке, почему не предлагаешь мне место рядом с собой !"

Никогда не кричал на людей князь Байколла. Не закричал и на этот раз. Он сказал глухо, сквозь зубы: "Уходи, женщина ! Я не хочу тебе зла, но и не приглашаю тебя впредь в свой замок!"

Иного он и не мог мне сказать ! Он ведь не знал, кто я ! "Ты пожалеешь, князь !"– ответила я ему и ушла.

В Долине Молодого Месяца был обычай: если кто приходил к Байколле с просьбой, какой бы ответ он ни получил, если он приходил пешком, то возвращался на дареном коне.

У ворот замка мне подвели коня, но я отказалась от него и пошла пешком. Я шла пешком по земле Байколлы и по земле Бурри, и люди племени Баргуззи видели меня пешей, возвращающейся из замка Байколлы. И не было большего оскорбления князю Долины !

Когда я сказала своему сыну Нессею об отказе, он в гневе сломал о землю свой лук. Я просила его не печалиться, я говорила ему, что придет время, и князь Байколла пешком придет к нашему дому и будет просить чести родства ! Я знала, что говорю! Но сын мой решил иначе.

Через младшую дочь Байколлы, ту, что ты видел в замке (ей было только одиннадцать лет, и у нее еще не было имени, ее звали просто Ри, что значит "дочь князя"), Нессей связался с Нгаррой и предложил ей бежать. Та, конечно, согласилась ! Какая девушка Долины отказала бы моему сыну !

Ночью мои сыновья на лошадях прокрались к замку Байколлы, и Ри привела в условленное место свою сестру. Нессей посадил ее на своего коня, и они помчались прочь от замка.

Но мой младший, мой Марит, он тоже почувствовал себя мужчиной и не хотел отставать от брата ни в чем. Он схватил младшую дочь Байколлы, посадил ее в седло впереди себя и помчался вслед брату.

Ах, если бы предчувствие подсказало мне беду ! Я бы спасла своего сына ! Я ведь знала выход из Долины ! Но не знали его мои сыновья ! На крылатых конях племени Бурри метались они по подножьям гор, нигде не найдя тропы спасения.

Утром, в то время, как я одевала свое лучшее платье, чтобы пойти к людям Долины и рассказать им о себе, в это время люди Байколлы уже гнались по следам моих сыновей. Им удалось разделить их, но и до меня уже дошел слух о случившемся. Я кинулась на помощь моим сыновьям и успела тайной силой своей открыть Нессею проход в горах в тот момент, когда его уже настигали.

Но младшему моему я помочь не успела. Люди Байколлы загнали его к пропасти, через которую не рискнул бы прыгнуть самый отважный наездник

Долины. Мой младший, мой Марит, он был отважнее всех людей Долины, он разогнал своего коня и кинулся через пропасть и одолел бы ее... Но натянул тетеву лука князь Байколла, и стрела ударила коня в шею. Конь потерял силу в полете и лишь передними копытами коснулся другого края пропасти.

И вот тогда ... ты слушаешь меня, мальчишка! Мой сын еще мог спастись ! Но он был мужчиной, и он успел лишь скинуть с лошади на уступ скалы свою пленницу, дочь Байколлы. А сам ... рухнул в пропасть вместе с конем.

Голос Са́рмы дрожал, а у меня тоже было что-то такое в горле, что мешало слушать и видеть Са́рму.

– В Долине Молодого Месяца никогда не убивали людей, и когда это случилось, люди замерли в ужасе по краям пропасти и стояли в скорбном молчании до самой той поры, когда я успела прискакать к месту гибели моего сына.

Горе мое ! Кто поймет его ! Только тот, кто, как и я, потерял своих сыновей !

Гнев мой ! Кто не поймет его! Тот, кто не знал горя !

Я взошла над пропастью и сказала людям Долины: "Слушайте и узнайте цену вашего преступления ! Вы убили потомка богатыря Сибира, который подарил вам долину жизни ! Я пришла сюда для того, чтобы спасти вас! Дикие народы движутся к Долине, и не будет у вас сил защитить свою свободу ! Я привела к вам своих сыновей-богатырей, они и я – мы хотели помочь вам, но вы сами решили свою судьбу ! Скорбите же !

Люди Долины упали на колени, и только князь Байколла и его дочь остались на ногах, потому что понимали свою вину и знали, что нет ей прощения, и стояли передо мной, как перед судом.

Я приказала им уйти в замок и ждать моего решения. А людям велела положить тело моего сына в мраморный гроб и унести в самое низкое место долины. Я дала людям срок собраться и указала им безопасный путь из долины. Потом силой, данной мне потомками богатыря Сибира, я растопила лед на вершинах синих гор, вода хлынула в Долину и затопила ее, и стала долина могилой моего сына Марита.

Еще была дана мне потомками Сибира тайна вечной жизни и вечной молодости, и, значит, горе мое тоже стало вечным ! А те, кто был повинен в гибели моего сына, они наказаны вечным раскаянием! И это наказание справедливо ! Кто посмеет сказать иначе ?!

Мы долго оба молчали. Теперь я знал все, но это не значит, что все понимал.

– Но в чем вина Ри ? – спросил я, когда наконец, собрался с мыслями.

– В чем ее вина ! – вскинулась Са́рма. – Разве не она была причиной всему ? Разве не ценой ее жизни потерял свою жизнь мой сын !

Нет, этого я не понимал !

– Но ведь прошло столько лет ! – возразил я. –Почему вы не хотите простить их ?

– Не смей ! завизжала старуха. – Не смей никогда произносить этого слова ! Прощения не существует ! Запомни ! Прощают только те, кто не может мстить ! А я могу ! И месть моя свята, и месть моя вечна, как вечна мука моя ! Простить ! Разве встанет от прощения из мраморного гроба мой сын ! Прощение – это ложь слабого сердца !

– Неправда ! – с искренним изумлением воскликнул я.– Меня мама сколько раз прощала, когда я что-нибудь делал не так !

— Тебя ! — Са́рма презрительно хихикнула. — Да за что тебя прощать или не прощать ! Ты еще ничего в жизни не знал, ни зла, ни добра, ты еще не человек, а человечек желторотый ! За тебя пока и добро и зло вершат твои родители, и с них спрос ! Эх, ты, попрыгунчик ! О чем судить берешься ! Береги свою голову от натуги !

И что у ней была за манера обязательно оскорблять ! Но я уже привыкал к ней и старался не обращать внимания. — Запомни, — продолжала она высокомерно, — запомни, хотя и понять того не можешь ! В прощении больше всего нуждается тот, кто прощает потому что тяжела и мучительна ноша мести ! Но месть — это долг ! А прощение — измена долгу ! А если не будет наказания за зло, то зло будет названо добром, и тогда гибель всему ! Добро памятно за добро ! Память о зле — в наказании ! Если хочешь быть мужчиной, никогда не проси прощения и никогда никого не прощай !

— Неправильно это ! — сказал я сквозь зубы и не хотел, чтобы она услышала. Но она услышала и обомлела.

— Ты смеешь спорить со мной ! Да я сейчас спущу тебя вниз головой со скалы, шакаленок !

Я, было испугался, но ответил ей здорово !

— А вам тогда мой папа будет мстить всю жизнь !

Старуха захлопала белыми ресницами от удивления. У ней, кажется даже язык отнялся.

— Уходи! — прошипела она, наконец, — и больше не смей появляться здесь !

Вот теперь я испугался не на шутку. Не приходить сюда я теперь уже не мог ! Я чуть было не сказал. "Простите меня!", но вспомнил, как она относится к этому слову.

— Я больше не буду так говорить ! Я не буду спорить с вами ! Честное слово !

— Что ты знаешь о честности слова, болтунишка ! — сказала она с обычным презрением, но все же уже мягче и не так зло. Я решил, что на сегодня достаточно, и что нужно уходить, пока вконец не испортил с ней отношения.

— До свидания ! — сказал я как можно вежливее. Са́рма не ответила

Спускаясь со скалы, я задержался на одном из ее уступов и долго просидел, глядя на открывающийся байкальский простор, на уходящую к небу синеву на опускающуюся в воду голубизну летнего байкальского неба.

Значит когда-то здесь не было моря ! Здесь была долина, где жили люди, цвели сады, паслись стада — и вот теперь здесь море, прекрасное, удивительное море, в названии своем сохранившее память о герое Предания Долины Молодого Месяца. А здесь, в скале, последний князь чудесной страны, исчезнувшей под водой и не оставившей о себе никаких следов, кроме знакомых созвучий в названиях ветров, поселков островов.

Но что проку думать о том, что свершилось бесповоротно ! Нужно думать о том, что можно сделать и нужно ли что-то делать для узников Мертвой скалы ! Нужно понять все до мелочей в этой грустной истории и не полагаться на непосредственные порывы души. Люди Долины Молодого Месяца многое понимали не так, как понимаем мы. И я еще не все понял, а что-то, может быть, мне и не дано понять в действиях и мыслях Са́рмы и узников скалы, но это вовсе не значит, что я должен сидеть, сложа руки ...

Не доходя до крайнего дома поселка метров триста, я увидел мальчишек, сбившихся в круг чуть в стороне от дороги. Они что-то горячо обсуждали или спорили о чем-то. Я подошел к ним и из-за спины Валерки увидел, что Юрка раздвоенным концом палки прижал к земле голову громадной змеи. Змея всем туловищем извивалась на земле, колотила по палке, обвивала палку кольцами, но бессильна была вывернуться из Юркиной рогатки. Ребята расступились, чтобы я мог хорошо рассмотреть змею, я ведь еще никогда не видел такой большой змеи. Но, не имея желания подходить слишком близко, я предпочел ужасаться на расстоянии.

— В прошлом году меня вот такая же укусила ! — с гордостью сказал Юрка. Все с завистью посмотрели сначала на Юрку, потом на змею.

— Чего с ней делать будешь ? — спросил я.

— Чего ? Сейчас утащим ее на муравейник, муравьи с ней живо расправятся ! Увидишь, косточек не останется !

Вдруг за моей спиной раздался голос.

— Зачем тварь мучаешь ? Отпустил бы ты ее!

Я обернулся и остолбенел от удивления. Рядом со мной стояла Са́рма ! Конечно, на ней не было голубых одежд, одета она была, как одеваются все нормальные старухи, и голос у нее был немного необычный ! Но разве могут быть похожи две старухи! Я лишь на секунду задумался о том, как она могла так быстро спуститься со скалы, когда успела переодеться, но тут же отмахнулся от такой глупой мысли. Для Са́рмы это пустяки !

— Отпустил бы, а ! — попросила она Юрку.

Ее просьба вызвала общее возмущение. Еще чего ! Жалеть гадюку !

— Она же, падла, укусит потом кого-нибудь.! Не отпущу !

Юрка упрямо сжал губу. Никто из мальчишек не был удивлен появлением старухи. Я толкнул в бок Валерку.

— Кто это ?

— Старуха Васина ! Колдунья ! Она в прошлом году Юрку вышептала, когда его гадюка укусила, а у него рука уже во как раздулась !

Старуха Васина ! Вот оно что ! Ну, конечно, это сначала мне так показалось, что это Са́рма ! Они, конечно, похожи, но не так уж сильно. А главное, стала бы Са́рма жалеть змею ! Как бы ни так !

— Может, эта гадина меня и укусила в прошлый год ! — сказал Юрка зло и сильнее прижал змею к земле.

— Так ведь она не нарочно ! — спокойно возразила старуха. — Ты ягоду собирал, руку протянул, она подумала, что ты ей вред хочешь причинить, и укусила ! Она же за тобой не гналась !

— Ну и что ! А я не имею права ягоду брать, что ли !

— Почему же не имеешь ! Имеешь ! Она тоже имеет право защищаться ! Отпустил бы !

Юрка зло сопел. Но велик был для него авторитет старухи Васиной. А она говорила с улыбкой, глядя на Юрку:

— Может быть, она никогда никого не укусит! А если укусит, так ведь я быстро вылечу ! Пошепчу, и все дело !

— Отпустить, что ли ? — начал сдаваться Юрка.

Мальчишки бурно запротестовали, и я в том числе.

— Разбегайсь ! — крикнул Юрка. — Отпускаю!

Все кинулись врассыпную, и только Васина осталась на месте. Почувствовав свободу, гадюка, из-

виваясь, рывками поползла к камням, у самых камней обернулась головой и прошипела так, что у меня мурашки прошли по спине.

– Это она тебе спасибо говорит ! – сказала Юрке старуха Васина.

– В гробу я видал такое спасибо ! – проворчал Юрка, и я полностью с ним согласился.

Разочарованные и даже рассерженные мальчишки двинулись к поселку, я же незаметно отстал от них и вернулся на то место, где все происходило, в надежде застать там старуху. Уж больно меня тревожило ее сходство с Сáрмой.

Однако в том месте старухи не оказалось, и я пошел дальше по ущелью и скоро увидел ее, что-то собирающую в кустах около ручья. Подкравшись близко, понял, что рвет она какую-то траву, но какую, рассмотреть не успел. Обернувшись, она увидела меня.

Спросила:

– Хочешь знать, чего ищу ?

Я кивнул.

– Вот, смотри, эта травка от желудка помогает !

– Откуда вы знаете ?

– Знаю ! – улыбнулась она.

– Давайте, я вам помогу !

– Поищи, поищи ! – сказала она.

Чего там искать ! Я за минуту нарвал целый пучок и подал ей. Она перебрала его весь по травинке, две из них положила себе в сумку, остальные протянула мне.

– Те, да не те !

– Почему ? – удивился я.

– А вот, смотри, – она достала травинку из сумки, – совсем одинаковые, да ?

— Одинаковые ! — пожал я плечами.

— А пупыречки видишь на стебельке ? Вот в них-то вся и сила ! А та, что без пупырьков, то обман-трава !

— А почему так ?

Старуха присела на кочку, раскрыла сумку, стала перебирать траву, раскладывать ее по кучкам.

— Растет полезная травка, цена ей высокая ! Другой тоже такой цены хочется ! Вот она и подделывается и подкрашивается и в рост и в цвет — все похоже ! А что пупырьки на стебле, так ведь это некрасиво ! Так думает обман-трава ! То ли дело — гладкий стебелек! А тут обман и раскрывается !

— А еще как бывает ? — спросил я. Очень хотелось слушать, как говорит эта странная старуха.

— А еще, например, бывает обман-гриб ! Глядишь, ну совсем подосиновик! А разломишь, он тут же нутром чернеть начинает от досады, что обман его раскрывается !

— А бывает обман-человек ?

— Бывает, как не бывать ! — спокойно ответила старуха.

— А как его узнать ?

— Никак его не узнаешь, пока он тебя не обманет !

— Но это неправильно ! — возразил я.

Старуха неопределенно покачала головой.

— Ну, пусть он обманет тебя ! И что ? Его обман при нем и останется, а к тебе не пристанет ! Худой человек — для себя больше всех худой ! От его худа ему хуже всех !

"Как бы ни так!" — подумал я. — Меня змея укусит, и ей будет хуже, чем мне ! Пусть она кому-нибудь другому сказки рассказывает !

— А ты чей будешь-то ? Что-то я тебя не помню !

— Мы приехали недавно.

— Учительский, стало быть.

Я кивнул головой.

— Ну, если чего случится, зуб заболит или живот, приходи ко мне, хуже не будет !

— Приду ! — пообещал я, надеясь, что такого случая не представится.

— Я далеко нынче пойду, ты за мной не ходи!— сказала она, вставая с кочки.

Мне и так уже нужно было идти домой. Я попрощался со старухой Васиной и пошел к поселку.

Вечером я долго рассматривал в атласе карту Байкала и с волнением натыкался на знакомые слова: Ольхон, Баргузин, Ангара, Енисей ... Я думал о том, как странно сохранилась в памяти людей подлинная история Байкала ! "Дочь Байкала Ангара убежала с красавцем Енисеем !" И все думают, что это только сказка, и не подозревают, что был молодой богатырь Нессей, и была дочь князя Байколлы Нгара, не догадываются, что сказка скрывает действительную историю Долины Молодого Месяца.

А на карте Байкал по форме походит на серп молодого месяца, и хотя на небе нет месяца, а есть луна, круглая, как футбольный мяч, такое совпадение не случайно !

Потом снова вставали передо мной глаза дочери Байколлы, глаза девочки, у которой еще даже не было имени, и которую звали просто Ри. Я пытался понять, в чем видит Са́рма ее вину, и не понимал Са́рму. И все тверже складывалось у меня мнение, что среди виноватых Са́рме принадлежит равное место, хотя она и потеряла сына.

В комнате напротив у настольной лампы сидела мама и что-то писала. Я подошел к двери, привалился к косяку.

— Чего тебе ? — спросила она, не переставая писать.

— Мам, а как это люди прощают друг друга ?

— Как прощают ? Прощают и все !

Она по-прежнему писала, не поворачивась ко мне.

— Вот, например, человек в чем-то виноват, а его прощают, значит, забывают про его вину, да?

Мама посмотрела в мою сторону, но, кажется, все еще думала о своем и ответила машинально.

— Когда-нибудь, может быть, и забывают ! Ты разве не видишь, что я занята ?

Но мне нужно было выяснить вопрос обязательно и до конца.

— Мам, а когда прощают, вина куда девается?

Она отложила ручку и повернулась ко мне.

— Какие-то глупые вопросы ты задаешь!

— Ну, вот, если бы меня кто-нибудь убил, ты бы простила ?

— Что за ерунду ты городишь ! Кто тебя собирается убивать ?!

Мама начинала сердиться.

— Нет, ну, а если бы ! Простила бы ты ?

— Нет, не простила !

— А если бы этот человек много лет мучился бы и раскаивался, простила бы ?

Мама посмотрела на меня подозрительно.

— Признавайся, ты что-то натворил сегодня, да ?

— Ничего я не натворил ! Мне просто знать надо !

Мама убрала с другого стула книжки, позвала.

— Иди, сядь !

— Если бы прошло много-много лет, простила бы ?

— Не знаю ! —подумав, ответила она. — Может быть, нет !

— А вот помнишь, я разбил патефон ! Ты меня тогда на улицу не пустила. А вечером я попросил прощения, и ты простила ! А почему ?

— Ну, ты же не нарочно его разбил !

— А если не нарочно, за что ты меня на улицу не пустила ?

— Вот тебе раз ! — засмеялась мама. — Патефон-то ведь ты все-таки разбил !

Я крепко задумался.

— Да. И потом патефона уже больше не было! А ты меня простила. Почему ?

— Не понимаю, чего ты хочешь ! Потом мы купили радиолу, это же даже лучше, чем патефон, правда ?

— Мама, — пытался я объяснить ей, — ведь патефон уже было нельзя исправить, его не стало вовсе ! Значит я перед ним на всю жизнь виноват остался, так получается, да ?

— Перед кем виноват ? — нахмурилась мама, теряя терпение.

— Перед патефоном !

Она пощупала у меня лоб, посмотрела на меня тревожно.

— Ты, что, болен или дурака валяешь ?!

— Ну, пойми, мама, вот ты мне тогда сказала: "Я тебя прощаю" . А патефон-то остался разбитым, и после того, как ты меня простила, он не собрался и не заиграл ! А.как же ты меня простила, если ничего не исправилось ?

— Чего ты путаешь ? — сильнее хмурилась мама. — Ты был небрежен и разбил патефон. Я не пустила тебя за это на улицу. Ты попросил прощения, и я тебя простила ! Чего еще ?!

— А почему я просил прощения ?

— Час от часу не легче ! Ты разве не чувствовал себя виноватым ?

— А после того, как ты меня простила, я перестал быть виноватым ? Да ? А ведь патефон-то не исправился !

Потеряв терпение, мама взяла меня за руку.

— Ну, подожди, мама ! — взмолился я. — Ну, если я не понимаю ! Ты не пустила меня на улицу, это ты как бы отомстила мне, да ?

— Ты что говоришь !

Кажется, я вывел маму из терпения окончательно, и надо было прекращать дискуссию, но я не мог остановиться и тупо напрашивался на ссору.

— Если я был виноват перед патефоном, значит, ты должна была мне отомстить за него, такой закон, да ?

Мама молча взяла меня за руку, привела в мою комнату, подвела к кровати и приказала:

— Чтоб через десять минут спал !

И как ни странно, через десять минут я, кажется, действительно спал.

— 4 —

Лето во всех краях, где бывает зима, — радость. Но чаще всего лето — просто лучшее время года. Я жил на севере, там лето, как Божий дар ! Но оно там кратковременно, мгновением пролетают два месяца, и природа обретает свое подлинное лицо, суть которого — снега да холод.

На Байкале лето есть смысл и цель природы. Природа готовится к лету, и каждая поземка, и каждый снегопад, и все ветра, зимние и весен-

ние, и каждый миг, и всякое состояние обретают смысл и значение в лете.

В белом бесцветии зимы накапливаются, зреют и выспевают цвета байкальской воды. Только очень тонкий художник смог бы определить названия всех оттенков цвета байкальской волны, но едва ли бы сумел он воплотить их на полотне, потому что кисть способна уловить мгновение природы и остановить его для глаза. Цвет же байкальской воды – это и есть сама жизнь Байкала,ни одним, самым ярким мгновением не характеризуемая. И потому сáмое талантливое полотно будет лишь фотографией момента, мгновения, коих тысячи, и один другого прекраснее, и каждое в равной степени – суть !

Лето на Байкале – это радость ! Радость не только в душе, это уже следствие, это само собой. Радость вокруг: и в теплоте обогретого солнцем камня, и в прохладе брызг байкальской волны, и в букете запахов с гор, где бесчисленное множество цветов и цветущих кустарников, и в гомоне чаек над отмелями, и главная радость оттого, что ты живешь в таком чудесном месте земли, живешь со всеми правами родства с красотой, тебя окружающей!

Против этой радости не устоять никаким тяготам жизни, радость пробьет дорогу к сердцу, как полуденный луч летнего солнца пробивается сквозь чащу в самые потаенные уголки байкальских ущелий и расцветает там во влажных сумерках малиновым бархатом цветов – Марьиных корений !

Печальная тайна Мертвой скалы приковала к себе все мои чувства и ощущения. И все же каждый день, прежде, чем отправиться в падь, я сначала бежал на берег Байкала, плавал и нырял с мальчишка-

ми, осваивал все более дальние заплывы и более отчаянное ныряние, не уклонялся от "догоняшек" и от плаванья на шпалах и плотах, и от всех прочих проказ на воде.

Иногда вместе с мальчишками лазил я на горы и поднимался с ними до самых вершин и в вершинных распадках собирал черемшу, неповторимое лакомство сибирской тайги.

Лазил, как мог, по деревьям, в основном, по кедрам за молодыми, смолистыми шишками, но часто и на невысокие березки, чтобы, ухватившись за самую вершину, спарашутить вниз, рискуя переломать ноги о камни и корни.

И камни спускали со скал, вызывая обвалы и замирая от восторга, когда камни летели вниз с грохотом взрывов, от крайних уступов пружинили в воздух, а затем врезались в воду, поднимая брызги, как тучи осколков хрусталя.

Но все же, как бы ни был я увлечен той или иной забавой, наступал час, и взгляд мой устремлялся к Мертвой скале, я все бросал, бежал в падь и карабкался на скалу.

Всегда бывало примерно одно и то же. Я здоровался с Са́рмой, она всем своим видом изображала, как я ей надоел и как я ей противен. Я несколько минут топтался около нее, потом она говорила раздраженно : "Ну, чего мнешься, иди, не ко мне ведь пришел!" – "Так я пойду ?!" – говорил я и, не получив ответа, шел к камню, отодвигал его и бегом несся по полутемной пещере.

А в зале с колоннами уже не удивлялись моим приходам, и, кажется, Ри радовалась, когда видела меня.

Правда, если взглянуть ей в глаза, радости в них не было, казалось, будто вообще ее глаза были

не приспособлены для радости. Иногда в них появлялся блеск жизни, когда она рассказывала мне, например, о красоте своей старшей сестры Нгары или о праздниках в Долине Молодого Месяца, о состязаниях юношей Долины, или когда описывала красоту Долины в солнечный день. Но стоило ей замолчать, глаза ее словно потухали, и тогда жалость к ней захлестывала меня до отчаяния.

Князь Байколла почти никогда не принимал участия в наших разговорах. Он обычно сидел и смотрел на дочь, и взгляд его переполнялся любовью и жалостью, и тогда он закрывал глаза, спасая их от слез.

Мне же, если говорить откровенно, всегда было тяжело слушать Ри. Но еще тяжелее было рассказывать ей о моей и вообще о нашей жизни, когда она меня просила об этом. Многое она не могла понять, многое изумляло ее, я же часто ловил себя на том, что стараюсь рассказывать неинтересно, потому что ее интерес к жизни за каменными стенами замка мог только обострить боль заточения.

Для себя я знал одно: я должен вывести ее отсюда, я должен спасти ее, хотя бы только ее ! Уж не говорю о Байколле, даже щенок, молчаливый собеседник наш, и тот своим грустным видом мог разжалобить кого угодно !

И только Сарма, будто сама став каменной в своем каменном кресле, ничего и слушать не хотела о прощении узников. Я уже не заикался об этом. Я теперь пытался выяснить отношение Байколлы и его дочери к возможности освобождения. Несколько раз я пытался заговорить на эту тему, но Байколла отмалчивался, Ри печально качала головой, и лишь однажды, когда я слишком настойчиво насел на них, Байколла сказал мне:

— Дочь моя рассказала тебе Предание, и ты знаешь, какой ценой и каким чудом обрел наш народ Долину жизни, и моя вина не только в гибели сына Са́рмы, это для нее — все горе только в этом, для меня же еще тяжелее гибель долины и все, что, наверное, пришлось перенести моему народу, покинувшему Долину. Слава звездам, что мне о том ничего не известно !

— А Ри ! — воскликнул я. — Она при чем здесь! Она за что !

Еще угрюмее стал Байколла.

— Она ни за что ! Она есть мера моего наказания !

— Это все Са́рма ! Она толком не разобралась, вредная и злая старуха! — крикнул я, стукнув кулаком по полу.

— Старуха ? — спросил Байколла. — О ком ты говоришь ?

— О Са́рме, о ком же еще !

— Сарма стала старухой ?! Но ведь она знала тайну вечной молодости !

Я пожал плечами:

— Она старая и противная, как сто самых старых и противных старух !

Байколла задумался, покачал головой.

— Значит, ее горе оказалось сильней вечной молодости !

— А может, не горе, а вредность ! — проворчал я.

— Нехорошо так говорить ! — укорила меня Ри, а я аж зубами заскрежетал от досады: Са́рма лишила ее счастья жизни, а она ее защищает !

В тот раз я вышел из замка более, чем прежде, зол на Са́рму. Когда подошел к ней, захотелось сказать ей что-то обидное, и я спросил, будто так, между прочим:

— Вот Байколла говорит, что вы знали тайну вечной молодости, а почему же вы стали такой старой ?

— Старой ? — шепотом спросила Сáрма. — Ты говоришь, я стала старой!

Рука в голубой перчатке взметнулась вперед, в руке появилось круглое зеркальце. Старуха взглянула в него, глаза ее расширились, она поднесла зеркальце ближе, рот ее раскрылся, лицо и без того страшное, перекосилось, она задрожала вся и вдруг с силой швырнула зеркальце в боковую стенку скалы, а тут же эта стена сначала осела, как сугроб, и в то же мгновение рухнула вниз.

Сáрма вскочила с кресла и закричала так, что у меня волосы встали дыбом. Она скинула с головы голубой капот и вцепилась руками в свои белые, как снег, волосы. Потом она сорвала с руки голубую перчатку и обезумевшими глазами уставилась на свои желтые костяшки пальцев и снова закричала страшно и дико, а кругом падали камни и устремлялись вниз. Облако пыли поднялось над скалой, и в этом облаке кричала и металась старуха в голубом одеянии.

Мне стало так страшно, что ноги сами вынесли меня на спуск, и я, не обращая внимания на срывающиеся с уступов камни, на грохот настоящего обвала буквально в двух метрах от моего места спуска, кинулся вниз; забыв про осторожность, я словно скатывался со скалы, спасаясь от преследующего меня истошного крика Сáрмы.

Уже внизу под самой скалой что-то ударило меня по голове сзади и начисто отключило от всего этого кошмара.

Обиднее всего было утверждение Генки, будто я кричал, испугавшись обвала. Но не мог же я

объяснить, что кричал вовсе не я, а Са́рма, да и кто поверил бы такому объяснению !

Генка со своим дедом возвращались из тайги с сеном на волокуше и услышали обвал и крик. Они нашли меня у подножья Мертвой скалы с разбитой головой, всего в крови и сначала подумали, что я уже мертвый. Они принесли меня в поликлинику поселка, что находилась на самом берегу Байкала, и первое, что я улышал, когда пришел в себя, это шум волн за раскрытым окном. Потом я почему-то увидел генкиного деда, и мне показалось, что это Байколла, потому что у деда была такая же белая борода, и в глазах тоже было что-то невеселое, похожее на постоянную печаль в глазах Байколлы. Я долго и пристально смотрел на деда, и хотя в голове у меня было больно и шумно, я все же сообразил, что это не Байколла, и опасный вопрос не сорвался с моего языка.

Потом деда заслонило лицо незнакомой женщины, и только увидев на ней белый халат, я догадался, что нахожусь в больнице. Я пошевелился и вскрикнул от боли в голове, и тотчас же перед глазами заметались какие-то люди, и я не то чтобы потерял сознание, а словно стал ко всему равнодушней, а когда среди мелькающих вокруг людей появились сначала мама, а потом и отец, мое состояние апатии оказалось как нельзя кстати, ибо нет большей муки, чем когда мама плачет и причитает.

Камень ударил меня по затылку плашмя, и этой случайности я был обязан жизнью.

И опять потянулись дни в постели. Чаще других посещал меня Генка-лодочник. Он чувствовал себя героем и не переставал рассказывать, как они с дедом нашли меня, как летели камни и как я кричал ... Меня хоть и злили его рассказы о моих воплях, но я понимал его: не каждый день бывают об-

валы на Мертвой скале, и не каждый день под обвал попадают жители поселка.

Приходили Валерка с Юркой, приходила Светка и угощала меня голубикой. Приходил Светкин отец и рассказывал какую-то непонятную историю моему отцу про Генкиного деда, которого в поселке, оказывается, называли Белым дедом за его бороду. Я не очень прислушивался к рассказу, но все же услышал имя старухи Васиной и когда заинтересовался, рассказ уже был окончен и говорили о другом.

В поселке началась пора голубики, и мальчишки приходили ко мне с синими губами и языками. Лица их были обкусаны комарами, потому что голубика росла по таежным низинам, где только и водятся в прибайкальской тайге комары ...

Когда же оставался один, мысли мои сразу возвращались туда, на каменные уступы Мертвой скалы, и передо мной вставало перекошенное ужасом лицо Са́рмы и ее старческая рука с растопыренными узловатыми пальцами. В ушах возникал шум обвала, и тотчас же возвращалось состояние того панического страха, что бросил меня прочь со скалы от истошных воплей старухи, считавшей себя молодой.

Теперь понятно было ее одеяние, и гримасы ее, и жесты – она вела себя как молодая и красивая, и потому была так смешна и неприятна в своих ужимках и гримасах.

А что теперь?! Пустит ли теперь она меня в замок ?

Все же в душе была уверенность, что это не конец, потому что такого конца быть не может, ибо тогда не понятно, зачем было само начало...

Поправлялся я довольно быстро. Рана на голове была неглубокая, а во всем остальном я был здоров, и каждым утром мне казалось, что можно вскочить с кровати и мчаться или на Байкал или в падь, но первое же резкое движение отдавалось-таки ощутимой болью в голове и отрезвляло.

Через несколько дней, однако, с перевязанной головой я все же уже сидел на высоком, плоском камне на берегу Байкала и, обхватив коленки руками, слушал и смотрел волны, не очень быстро и не очень громко набегающие на камень, под самые мои ноги. Но Баргузин был в этот день ленив и вял, это были всего лишь отголоски вчерашнего шторма, и потому даже брызги не достигали вершины камня, где я сидел.

День был пасмурный, и волны были светло-серые. Но иногда в разрывах облаков появлялось солнце, и я, хоть и сидел спиной к солнцу, его появление угадывал намного раньше, замечая, как вдруг начинали голубеть волны и просвечиваться-просматриваться отмель вправо от камня.

Еще я поймал себя на том, что как только волны начинают голубеть, я начинаю улыбаться просто так, без всякой причины, и догадался, что улыбка на моем лице появляется как бы в ответ – когда улыбаешься потому, что кто-то улыбается тебе. И тогда я понял, что голубой цвет воды байкальской– это ее улыбка. И ведь когда волны снова становились серыми, сразу становилось на душе серьезно и даже грустно, и даже вздохнуть хотелось, как вздыхают от усталости или скуки.

Потом на лодке подплыл Генка, и мы с ним долго просто качались на волнах метрах в ста от берега. Генка был озабочен. Заболел его дед, тот самый, что притащил меня в поликлинику и которого звали в поселке Белым дедом. Генка расска-

зывал, как они с дедом рыбачат, бьют шишку и даже охотятся, и хотя Генка не допускал самого худого, по голосу его чувствовалось, что за деда он боится всерьез.

Когда еще через несколько дней я стоял напротив Мертвой скалы, ноги мои никак не решались сделать первые шаги подъема. Я долго бродил вокруг скалы, иногда даже уходил от нее, забирался на склон ущелья и как-то не заметил даже, как оказался у меня в руках букет цветов. Забираться на скалу с букетом цветов было очень неудобно и трудно, и все же я полез ...

Перед последним уступом затаился, прислушиваясь, и никак не решался сделать последний шаг. Как примет меня Са́рма, кто ее знает ?!

И вдруг я услышал ее голос.

–Ну, что прячешься !

Я вздрогнул и съежился, пытаясь по голосу определить ее настроение. Прятаться больше не было смысла, и я поднялся на уступ.

В первое мгновение мне показалось, что Са́рмы на месте нет. Я ведь привык к ее ярко-голубому наряду. Теперь же она была во всем серо-желтом под цвет скалы и камней, и ее даже плохо видно было, потому что и лицо ее тоже было серое, и вся она словно растворялась в цвете камней.

Я, наверное, пристально смотрел на нее или, по крайней мере, в ее сторону, и она заворчала недовольно.

- Ну, что уставился ! Не смей на меня так смотреть !

Я растерянно забегал глазами.

– Сама знаю, что страшная ! – прошептала она. – Может быть, и умру, и это было бы счастьем!

— Ну, что вы ... — попытался я что-то сказать.

— Да, счастьем ! —повторила она громче. — Для всех счастьем ! И для них тоже !

Я понял, о ком она говорит, и мне стало противно и стыдно, что про себя я почти согласился с ней, и чтобы загладить эту нечаянную вину, я шагнул к ней и положил ей на колени цветы.

Она сбросила их под ноги, как-будто это были не цветы, а жаба с бородавками.

— Не смей меня жалеть ! Ты, жалкий недокормыш ! Са́рма не нуждается в жалости ! Иди к кому пришел ! Ну !

Я бегом кинулся к камню, но она окликнула меня и, когда я вернулся, сказала уже совсем другим голосом:

— Забери свои цветы ! Тому, кому ты их собрал, они нужнее !

— Спасибо ! — радостно крикнул я и, подняв все до единого цветка побежал к входу в замок.

Что было с дочерью Байколлы, когда она увидела цветы !

— Отец ! — шептала она в волнении — смотрите, это же цветы Долины ! Они росли вокруг замка, и Нгара делала из них венки победителям состязаний !

Она стала называть цветы, и удивительно ! — они назывались в Долине Молодого Месяца так же, как и у нас ! Кукушкины сапожки, кукушкины слезки, ирисы, саранки, жарки ! Она перебирала цветы по цветку и улыбалась каждому, и это были первые ее улыбки, и лучше бы я их не видел ...

Мне показалось, что Байколла укоризненно посмотрел на меня Наверное так и было. В сущности я мучил девочку, пробуждая в ней жажду жизни и тем обрекая ее на страдания еще большие.

Но что я должен был делать ! Оставить их и не приходить более ? Для меня это было невозможно. Освободить я их не мог, потому что они сами не хотели этого освобождения, да уж и Сарма наверняка предусматривала возможность моих попыток.

Было бы вполне справедливо сказать, что я страдал, но если так сказать, то это было бы просто смешно в сравнении со страданиями Ри, младшей дочери Байколлы, и его самого !

Каждый раз, возвращаясь домой, я строил планы, один фантастичнее другого. Сначала все мои планы основывались на таком повороте дела, когда можно было бы привлечь к этой истории кого-то еще или многих. Сначала мне казалось: знай о моей тайне еще кто-нибудь или многие, или все — и решилась бы судьба узников Мертвой скалы.

Но чем больше задумывался я над всей этой историей, тем отчетливей вырисовывалась мысль, что покончить с жестокой бессмыслицей тайны Мертвой скалы одинаково могут или не могут все или один, что не количеством и не силой можно

спасти ставших мне столь близкими людей. Мне казалось иногда, что не только Ри и ее отец, но и даже Са́рма – все они ждут от меня каких-то действий, которые мне по силам, хотя я всего лишь мальчик, и мне часто хотелось думать, что Са́рма, например, устала сама от своей мести и от своей тоски, что Байколла надеется на меня, что Ри втайне верит в то, что будет жить.

Когда мне все вот так казалось, я пытался вызвать на откровенный разговор Са́рму, старался быть с ней как можно вежливей, но она будто требовала от меня не вмешивать ее в мои тайные мысли и не собиралась помогать мне в чем-либо.

И тогда резко менялось мое отношение к Са́рме. Она становилась для меня ненавистной, и я тогда забывал о том, что она потеряла сына, и она казалась мне злой ведьмой, испытывающей радость от чужих страданий.

А между тем кто-то из жителей поселка увидел меня, спускающегося с Мертвой скалы, и по этому поводу дома разразился настоящий скандал.

В общем, мама была права, когда кричала что, дескать, чего мне там надо и что, мол, других интересных мест нет вокруг, и почему мне обязательно нужно лезть туда, куда никто не лазит ! Конечно, если бы Мертвая скала была бы обычной скалой, чего бы мне туда лазить ! Это было бы действительно глупо !

И я ничего не мог объяснить, ничего сказать в свое оправдание Хуже того, я даже не мог дать маме обещания больше туда не ходить и это особенно возмущало маму, и она в отчаянии разводила руками. В конце-концов папа сказал: "Еще раз полезешь – выпорю !". Папа никогда зря не грозился !

Мое упрямое молчание было оценено, как признак наступления "переломного возраста", и что у меня начал портиться характер. Ничего этого не было, и я лишь надеялся, что когда все откроется (если это случится), меня поймут и простят.

Каждое утро я, так, чтобы видели родители, уходил на берег Байкала и даже давал им возможность проверить, что я близко. Но потом, через час или два, где прячась за дома, где за заборы, пробирался в падь и лез на скалу. Когда однажды мама не нашла меня на берегу и вечером учинила мне подробный допрос о том, где я провел весь день, измучившись вывираться, на другой день я взял с собой учебник и сказал, что хочу готовиться к школе, а дома этим заниматься скучно. А ведь читать учебник можно не обязательно на берегу и уж тем более, не в куче мальчишек, а где нибудь в кустах, на горе – во всяком случае, моя прилежность тронула маму, хотя и удивила и я получил право быть не на глазах.

Мамы всегда готовы легко принять на веру похвальные намерения своих детей ! Но ведь только законченный зубрилка и выскочка мог бы читать учебники в летний день на Байкале, вместо того, чтобы купаться и носиться по горам !

Вот так, с учебником за пазухой появился я однажды в замке Мертвой скалы. За летнее время я основательно позабыл и грамматику и арифметику, и когда Ри попросила меня рассказать о чем написано в моей книге, я оказался в затруднительном положении. И постепенно сложилось так, что вечером дома я сидел и корпел над учебниками, а назавтра рассказывал Ри, и это заметно отвлекало ее от всех тяжких дум, или по крайней мере, так казалось.

Что до мамы, то, когда я утром уходил из дома с учебником, а то и с двумя, а вечером, решив задачу или пример, зубрил правило грамматики, хотя еще и темно не совсем и можно быть на улице, – наблюдая все это, мама все тревожнее и тревожнее стала поглядывать на меня и все чаще шептаться с папой

Само собой, так мог себя вести только ненормальный ! К тому же я регулярно пропускал обед и мало бывал на солнце, ведь большую часть дня я проводил в замке, и оттого лицо мое было бледнее, то есть оно не загорело на солнце так, как у всех мальчишек.

Приходила женщина-врач и пожимала плечами и говорила, что мне больше нужно бывать на свежем воздухе.

– Да он все дни пропадает на улице ! – восклицала отчаянно мама.

Врачиха снова обслушивала меня со всех сторон, и мне было жалко ее.

Если бы Ри училась в школе, она была бы круглой отличницей Она все схватывала с полуслова, и буквально через несколько дней наступил такой момент, что я уже ничего не мог сказать ей нового. А я сам не мог же выучиться за пятый класс ! Я хотел читать ей книжки, но мама не разрешила мне выносить их из дома. И я вечерами теперь читал и перечитывал книги какие были у меня, а назавтра пересказывал их Ри.

То, что я оставил учебники и перешел на книжки, мама с папой приняли как сигнал моего излечения, и кажется они были бы счастливы, если бы я покидал все книги и учебники под кровать !

Однажды (ах, как я помню этот день !) мы о чем-то говорили, кажется, я рассказывал Ри о том, как проходят занятия в школе, как мы играем на переменах и вечерами и т.п. В этот день Ри была ме нее оживлена, чем в прошлый раз, но я сначала этого не заметил. Я сказал что через месяц начнутся занятия в школе и когда сказал это, то с ужасом подумал о том, что ведь тогда я не смогу приходить на скалу и как же я тогда буду жить ! Я замолчал растерянно, Ри вдруг сразу погрустнела, и в секунду лицо ее стало таким же печальным, каким я увидел его в первый раз. Она словно догадалась о моей мысли и сказала тихо:

– А я никогда ...

Только это и сказала. Но как !

Байколла тревожно взглянул на нее.

– Не надо !

Потом посмотрел на меня и повторил уже для меня:

– Не надо !

– Я устала отец ! сказала Ри, и как в тот первый раз моего прихода, закрыла глаза и склонила голову на руку отца.

– Она устала ! – повторил Байколла и немного помолчав, добавил:

– Не нужно больше ... приходить ! Она устала !

Какое горе, какое несчастье обрушилось на меня с этими словами ! Я стоял около Байколлы будто придавленный громадной скалой к полу и не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Байколла опустил голову на грудь, и я не видел его глаз но видел зато застывшее в маске нечеловеческой печали лицо его дочери Она уже больше не открыла глаз, и можно было подумать, что она спит, если бы не морщинка на лбу, что появляется, когда бывает больно, и две стрелочки бровей стянувшиеся к этой мор-

щинке, и губы, сомкнувшиеся плотно, как бывает, когда сдерживают слезы боли или обиды, и волосы, словно в отчаянии упавшие на колени Байколлы !

Я стоял и не верил, что это все ! Слезы сами потекли у меня из глаз, я не мог их остановить и не пытался. Почти ощупью поднимался я по лестнице замка, и когда вышел из пещеры, солнце как обычно, не ослепило меня, потому что видел я его сквозь пелену слез.

Сделав несколько шагов от пещеры, услышал скрипучий голос Са́рмы.

– А вход опять забыл закрыть, раззява !

Я вытер слезы и взглянул на старуху. Такой ненависти к ней как сейчас, я еще ни разу не испытывал. Меня даже затрясло !

– Если тебе надо, сама и закрывай ! – крикнул я ей в лицо

Са́рму точно паралич разбил.

– Да я тебя ... – прошепелявила она в изумлении, но я не дал ей договорить. Я подскочил к ней так близко, что она отшатнулась и будто влипла в каменную спинку своего кресла.

– Не боюсь ! – кричал я. – Старая, злая старуха ! Ты за что мучаешь Ри !

Я подступил к ней еще ближе.

– Что она тебе сделала ! Что ! Злая ! Ты и состарилась от злости и тайны твои тебе не помогли ! Ненавижу ! А что ты камни умеешь со скалы скидывать, так я тоже могу ! ...

Я схватил камень у ее ног, тяжелый камень, поднял его, сделал несколько шагов к обрыву и кинул, и еще несколько камней отправил туда же, и, наверное, там был уже обвал, потому что, когда ка мень летит вниз, он и другие камни сшибает.

Потом я еще кричал на старуху и обзывал ее страшными словами, а она уже оправилась от испу-

га или, скорее, от удивления и смотрела на меня в упóр пристально и не мигая. Ккогда я выкричал все, что мог, когда уже охрип от крика и задохнулся, она сказала странным тоном:

— Значит, ты очень хочешь, чтобы девчонка жила и была свободна !

Я насторожился, хотя все еще не мог прийти в себя после истерики, и сердце колотилось так громко, что я плохо ее слышал.

— Ты хочешь ее спасти ? — спросила она снова.

— Да ! — крикнул я, и волнение нахлынувшее на меня, ударило в голову тупой болью.

Са́рма подозрительно или недоверчиво, или (кто ее поймет) презрительно щурилась на меня.

— И ты готов совершить подвиг, чтобы спасти девчонку ?!

Теперь, кажется, в ее голосе было ехидство, и я подумал, что она разыгрывает меня, что просто издевается, но все же ответил: "Да !" Хотя слово ' подвиг" звучало уж слишком по-книжному.

Са́рма помолчала, что-то прочмокала губами, а затем спросила торжественно:

— Готов ли ты на все, чтобы спасти дочь князя Байколлы ?

Я не очень представлял себе, что может озна чать "все", но ответить что-либо другое кроме "да", разве я мог !

Она впилась в меня взглядом, словно насквозь проткнуть хотела.

— Я предоставляю тебе такую возможность !— сказала Са́рма, и я не сразу понял смысл сказанного, а когда понял, замер в лихорадочном ожидании.

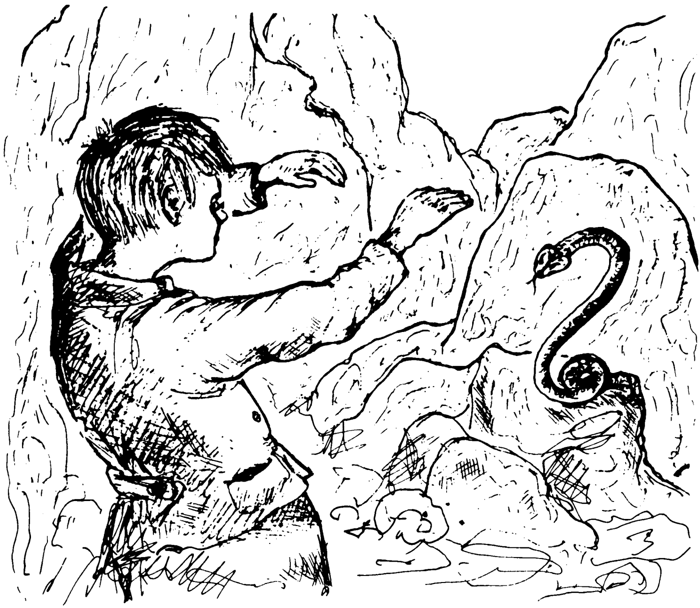
— Вон там, на камне, — она показала рукой, — лежит славная, длинная жирная змея ! Поди, дружок, к ней, протяни руку, и пусть она укусит

тебя ! А после пусть рука твоя распухнет, как березовый гриб, и ты познай боль и муку змеиного яда ! Иди !

Еще не веря ей, я, как во сне, сделал несколько шагов к камню и действительно увидел на камне огромную, толстую гадюку, намного больше той, что поймал Юрка. Я обернулся к Са́рме, надеясь, что она не всерьез, что она пошутила, но по выражению ее лица понял, что мне действительно приказано поступить именно так !

Я попятился от змеи, которая в этот момент шевельнулась всеми витками скольцованного туловища, повернула ко мне свою голову, и изо рга ее выскочила рогатка язычка.

Я шарахнулся прочь, чувствуя, что от страха глаза мои висят на самых бровях.

– Не... е... е... – хрипло пролепетал я, сглатывая слюну. Я замотал головой, замахал руками, я весь задергался, потому что никак не мог выговорить слово "не буду'

– Иди и делай, что я сказала ! – крикнула Сарма.

– Нет ! – громко и пронзительно взвизгнул я.

Ты, жалкий гнилой опенок ! Вот цена твоей доброты ! Да не только мои сыновья, самый слабый, самый хилый мальчишка Долины Молодого Месяца сделал бы это, не задумываясь, чтобы спасти дочь князя Байколлы ! Да разве только это ! Жизнью пожертвовал бы любой ! Ты же трепещешь и скулишь как бесхвостый щенок перед одним укусом змеи, от которого за две луны вылечивает самый ленивый знахарь ! Ты, жалкое подобие человека ! Прочь отсюда ! И нет тебе больше дороги к страданиям людей Долины ! Прочь с моих глаз ! Прочь ! Прочь ! Прочь !

Сарма тряслась от ярости. А я и не заметил, когда успел отступить к самому спуску, и дальше некуда было отступать, нужно было спускаться. Я уже сделал какое-то движение, то ли ногу занес, то ли пригнулся ... но перед глазами возникло лицо девочки из замка в печальной вздернутости бровей, и, как получилось не помню, не знаю, но, раскрыв рот, стуча зубами, трясясь всем телом, я стал приближаться к камню, на котором меня ждала змея. Вроде бы и был как в бреду, но помню точно, что в это мгновение мелькали в голове мысли, кажется, что вот старуха Васина есть, что лечит от змей, и что, если и будет больно, то ведь не всю жизнь, а пройдет время, и боли не будет, и что Юрку кусала змея, и ничего, все прошло, и он живет себе, как ни в чем не бывало ! ...

Змея смотрела на меня в упор и стреляла язычком. Но скоро я перестал ее видеть, пелена слез закрыла все и страх, скрутив все мое тело судорогой, начал выходить через горло каким-то странным звуком – не то "а...а...а", не то "э...э...э" – в общем, я завыл от страха, а судорога свила правую руку, и рука вопреки всему страху сама потянулась навстречу змее ! Я не видел змеи, я ждал укуса, как удара молнии, или чего-то еще страшнее, я не мог отдернуть руку, хотя, кажется, всю силу вкладывал в эту попытку. Но рука тянулась к змее. Я чувствовал, что теряю сознание !

И вдруг услышал громкий хохот Са́рмы. Я несколько раз моргнул, чтобы сбить слезы, и, когда открыл глаза, то увидел сначала свою нелепо вытянутую вперед руку, а затем в нескольких сантиметрах от пальцев руки кривую, высохшую, сучковатую ветку сосны. Никакой змеи не было ! Я еще продолжал держать руку и смотрел на нее, как на что-то не мое, а Са́рма хохотала еще громче и визгливее. Наконец, вернулась чувствительность руки, и я не без труда согнул ее и прижал к животу, будто она вправду была укушена змеей.

Са́рма хохотала и что-то говорила сквозь смех, а я пытался сообразить, как это случилось, что я сам протянул руку змее, пусть даже это вовсе не змея, а палка ...

Позднее много раз когда я вспоминал об этом, уже будучи взрослым, я всегда удивлялся, и приходила мысль, что страх, когда его так много, что в душе не остается ничего, кроме страха, может обернуться своей противоположностью, и это будет похоже на подвиг. И любопытно было, сколько же в истории записано событий под названием подвигов, в действительности случившихся в

состоянии абсолютного страха ! Ведь вот сейчас, когда я уже взрослый, я все же с трудом могу представить такую ситуацию, в которой я добровольно подставил бы свою руку под укус змеи. Как-то очень хочется надеяться, что жизнь не представит мне такого нелепого и неприятного случая ! Но ведь несерьезно было бы сказать что в детстве я был смелее, чем сейчас !

Ну, что бы там ни было, а было так: Сарма хохотала, а я стоял у камня и держал руку на животе.

– Иди сюда ! – приказала старуха и я пошел к ней, просто подчиняясь приказу, и остановился около нее, ни о чем не думая и лишь ощущая подступающую к горлу тошноту.

– Ну, как, – насмешливо спросила Сарма, – не разорвалось на части твое сердечко ? Сгибаются ли коленки ?

Я не ответил. Насмешка не трогала меня.

– Ступай домой ! – сказала Сарма. – Считай, что сегодня ты впервые прожил день настоящей жизни ! Сегодня с тебя хватит !

Слова эти были сказаны незнакомым тоном, но обрадоваться этому у меня не хватило сил.

– Иди ! – повторила Сарма. – Я сама закрою вход в замок.

Смысл ни одного из этих слов не дошел до меня, даже лень было подумать: какой вход ? в какой замок ? Я повернулся, подошел к спуску, сел на уступ и сполз с него, и потом также, кажется, не спускался вовсе, а сползал со скалы до самого подножья. Медленно брел по дороге к поселку, не доходя, свернул в кусты, лег на траву и пролежал там до вечернего холода.

Мама несколько раз пощупала мой лоб, когда я лег в постель, сунула мне градусник, долго рассматривала его потом, долго стрясала, тревожно глядя на меня.

Утром они с папой говорили на кухне о том, что я опять очень плохо спал и кричал во сне о каких-то змеях. Упоминание о змеях не встревожило и не всколыхнуло меня. Я чувствовал вялость и долго провалялся в постели. Потом, после завтрака, пошел на Байкал, разыгрался с мальчишками и вошел в норму. Но только почему-то всякий раз, как только вспоминал о Мертвой скале, гнал от себя это воспоминание.

Так было и на следующий день, и я весь день провел в воде с мальчишками, уже почти привыкнув к температуре воды, хотя, может быть, и чаще, чем другие, подбегал к костру на берегу.

Когда прошло еще несколько дней, однажды я подслушал разговор мамы с отцом о том, что та ночь, когда я кричал во сне о змеях, была для меня "критической", и что теперь я уже лучше выгляжу и вообще поправляюсь. Мама и папа были довольны, хотя я начисто забыл, где лежат учебники и книги.

— 5 —

Мы с Юркой чинили наш плот. Ночью был сильный Баргузин, плот выкинуло на камень, и две шпалы лопнули в местах крепления. Мы сначала всякими самодельными рычагами вытаскивали скобы, потом вколачивали их в новых местах, затем связывали проволокой треснувшие шпалы. И еще долго возились, стаскивая плот с камней на воду, когда прибежал Валерка и сообщил, что умирает Белый

дед, то есть дед Генки-лодочника, что вызвали врача из Слюдянки, и он должен приехать на дрезине.

Мы промчались по берегу к Генкиному дому. Около дома уже было много людей, сам же Генка сидел на борту лодки на берегу растерянный, с опухшими губами и красными глазами.

—Живой еще ? – спросил Юрка.

Генка шммыгнул носом, сверкнул глазами.

– И будет живой ! Наша врачиха ничего не понимает ! Вот приедет доктор из Слюдянки и скажет всю правду !

—Может, старуху Васину позвать, она же это... ведьма !

Генка замотал головой.

– Не! она не придет !

– Почему ? – спросил я.

– Не придет ! – уверенно сказал Генка. – Она моего деда всю жизнь ненавидит !

– Врешь ! – насупился Юрка. – Она всем помогает !

– Всем, а деда ненавидит !

– За что ? Что он ей сделал ?

– Ничего не сделал ! Ненавидит, и все !

На крыльце дома показалась женщина, Генкина мама. Она села на ступеньку, закрыла лицо руками и, наверное, заплакала. Генка засопел еще сильнее.

Из дома вышла еще одна женщина и сказала хмуро:

– Дело-то какое ! Просит, чтоб старуха Васина пришла !

– Правильно ! – подумал я. – Знает дед, кто ему поможет !

Генкина мать покачала головой.

– Не придет !

– Не иридет ! – согласилась другая женщина.

— Ведь умирает же ! Как это она не придет ! Не может быть ! Я такого не мог понять и уже подумал, не сбегать ли мне за ней, я знал, где она живет, но вдруг услышал удивленный шепот.

— Идет ! Надо же ! Истинно ведьма ! Будто услышала !

Я от радости чуть ни запрыгал на месте. Я знал, что она придет. Она мне сразу понравилась, эта старуха ! Хотя змею от Юрки она совсем зря спасала !

Все поздоровались с ней и расступились. Генкина мать пошла вслед за ней. Никто ничего не сказал. Мне так было интересно узнать, как она будет лечить деда, что я готов был кинуться за ней в дверь. Но меня, конечно же, не пустили бы. Я метнулся туда-сюда, обежал дом, заглянул в одно окошко, в другое — и увидел Белого деда. Он лежал на кровати или полусидел, облокотившись на несколько больших подушек. Лицо его было какого-то серо-зеленого цвета, он тяжело дышал и в левой руке сжимал край простыни.

Я видел как вошла старуха Васина и как вошедшая вместе с ней Генкина мать сразу же вышла из комнаты. Я уперся ногами в завалинку, руками вцепился в наличник и, всунувшись в окно только носом и одним глазом, замер, затаив дыхание.

— Ты пришла, Анюта ! — сказал хриплым голосом дед, и я сначала подумал, что он бредит, и лишь потом догадался, что Анюта — это имя старухи. И как это было чудно ! Наверное, никто не знал, или все забыли, как ее звали, потому что все звали ее только старухой Васиной.

— Пришла ! — ответила она тихо и села на стул около кровати деда. В руках ее ничего не было,и было непонятно, как она собиралась лечить !

— Вот, умираю ! — сказал дед.

— Умираешь ! — подтвердила Васина, и у меня мурашки пробежали по коже.

Они смотрели друг на друга.

— Каешься ли, Гриша ? — спросила она.

— Каюсь ... каюсь ! — торопливо ответил дед.

— А раньше-то чего же ?

— И раньше каялся ... и всегда ... Да ведь знал, не простишь !

Старуха кивнула головой, то ли соглашаясь, то ли машинально.

— Дай водицы ! Сухо ... Говорить не могу !

Старуха подала ему стакан, что стоял на табурете рядом. Он пытался взять стакан в руку, но не смог, и она напоила его и полотенцем, что висело на спинке кровати, вытерла губы.

— Могилки-то ведь не оставил ? Боялся ?

— Оставил, Анюта, оставил, как положено, с крестом ...

— Оставил ! — простонала старуха. — Есть могилка, значит !

Она закрыла глаза, покачала головой.

— И как же тебя простить за такое, Гриша ! Как ?

— Как можешь ! — шепотом прохрипел дед.

— Где же ? Говори !

— Скажу ! — дед закашлялся, затрясся. — Найдешь ! В Сухой пади родничок ... знаешь ... от родничка вверх ... на сосне засеку увидишь ... Не по корысти это было, Анюта ! Люди болтали ... про золото ... Не было там золота ... никогда не было ... По ссоре это было ... по глупости ...

Мне было очень неудобно висеть на завалинке, и, наверное, от напряжения я плохо понимал, о чем они говорят.

Дед еще хотел что-то сказать, но снова закашлялся, и Васина сказала ему :

– Молчи ! Молчи !

Дед кашлял, и белая борода прыгала у него на груди.

Завалинка была покатой, нога моя соскользнула, и я оборвался вниз. Вскочив на ноги, кинулся прочь от дома, подбежал к мальчишкам и на всякий случай спрятался среди них. Меня о чем-то спросили, я что-то ответил, сам же пытался восстановить все фразы, что услышал, чтобы понять смысл разговора.

– Васина вышла ! – крикнул Юрка, а Генка сорвался с места и побежал в дом.

Старуха уже почти прошла мимо, но остановилась, повернулась в нашу сторону и поманила пальцем ... конечно, меня. Красный, как рак, я подошел к ней. Она смотрела на меня спокойно, погладила по голове и сказала:

– В жизни такое бывает чего знать никому не на пользу !

Какой у нее был голос ! Я крепко сжал ее руку обеими руками и сказал шепотом, но горячо:

– Если я кому скажу, пусть умрут мои родители !

Она покачала головой.

– Даже, если ты на семь ветров скажешь, пусть всегда живут твои родители ! Таких тайн нету, что дороже отца с матерью !

И мне стало стыдно за мою дурацкую клятву. Она еще погладила меня по голове и пошла. Мальчишки насели на меня, пытаясь узнать, о чем мы говорили. Я что-то соврал им.

Генкиного деда увезли на дрезине в Слюдянку. С ним поехал и Генка, успевший крикнуть нам, что привезет деда назад здоровехонького.

Я долго ходил по берегу Байкала и думал о том, что услышал. И хотя я догадывался о том, что произошло в тайге в Сухой пади, и это было страшно и интересно, но я почему-то все время слышал только одну фразу и даже произносил ее вслух, пытаясь повторить интонацию, какой она была сказана.

И как же тебя простить за такое, Гриша ?

Когда, наконец, мне удалось воспроизвести точно интонацию, мое радостное подозрение перешло в уверенность. Старуха Васина именно этой фразой уже простила Белого деда ! И когда он ответил ей: "Как можешь !" – это было почти "спасибо" !

Тогда я вспомнил другую старуху, которая простить не может и не хочет, и вспомнил все остальное, хотя, конечно, и не забывал вовсе но будто какой-то зарок давал себе не думать о том.

А все, что было со змеей ! Это очередная шутка Сармы ? А вдруг нет ! А вдруг она всерьез обещала освободить Ри ! Я столько дней потерял, а точнее, украл у Ри ее дни свободы ! Да как же я мог забыть или не думать или думать о чем угодно, только не о самом главном !

Немедленно бежать к Сарме и требовать, чтобы она выполнила обещание ! И пусть змея оказалась палкой, но ведь палка БЫЛА змеей, и я протянул ей руку ! Ведь протянул !

Никогда еще так быстро я не забирался на Мертвую скалу ! Будто на одном дыхании ! Перед

Сармой предстал запыхавшийся, но полный решимости.

– А ее уже там нет ! – сказала Са́рма, хитро ухмыляясь.

– Как нет ! А где ?

– Она живет среди людей ! Ты не доволен ?

Я растерялся, торопясь разобраться в собственных чувствах. Такого варианта я не предвидел.

– А где она ? – снова спросил я.

– Тебе же сказали, она живет среди людей !

– А я ...

Я хлопал глазами.

– А ты должен радоваться, но радости твоей я что-то не вижу ! – ехидно ответила Сарма. – Ты, конечно, надеялся, что я выдам ее тебе в ручки, ты уведешь ее и женишься !

Она, эта старуха не иначе как спятила ! Но в одном она была права ! Я тысячу раз представлял себе, как вывожу Ри из пещеры на солнце, как веду в поселок, как показываю Байкал !

– А можно мне ее увидеть ?

– Зачем ? Ведь она теперь тебя больше не знает !

– Не знает ! – в ужасе вскричал я.

Са́рма усмехнулась, но сказала без зла:

– А как бы она жила среди людей, если бы помнила все ! Разве она смогла бы жить ?

– Как ? Она все забыла ? И отца, и Предание, и все ... !

Я хотел сказать "и меня", но удержался.

– Конечно ! – ответила Са́рма. – Иначе она не смогла бы жить !

Что была какая-то немыслимая, жестокая правда ! Нельзя было возразить, но и согласиться было еще труднее.

— А Байколла ... он как ... он теперь там один.. совсем один ...

Сарма зло насупилась.

— Молчи ! И не смей больше ничего говорить! И того, что я сделала, так много, что тебе не понять! Но я еще не все тебе сказала ! Ты способен слушать и понимать ?

— Да.

Я врал. Я был не способен что-либо понимать. Мысли мои, будто пьяные шатались в голове и налетали друг на дружку.

Сарма говорила нравоучительно и торжественно.

— Я освободила девчонку Байколлы ! Это значит, я освободила ее от горя. Главное — это ! Вывести из замка — и ты бы мог ! Но смог бы ты дать ей спокойствие души ? То-то ! Но понимаешь ли ты, что печали и горя не бывает без человека, что освободить кого-то от горя, это значит — передать его кому-то ! Понимаешь ли ты это ?

Я кивнул головой, и конечно, соврал. Я не понимал !

— Так знай же ! Ее беду принял на себя ты ! Придет время, и ты, хилое дитя несчастных родителей, возопишь от тяжести взятого на себя, и ты прибежишь ко мне и попросишь, чтобы я освободила тебя, и обещаю, я сделаю это, потому что не по твоим хрящикам такой груз ! И тогда девчонка вернется на свое место, ибо не может быть пустым место печали ! Вина, что порождает печаль, никогда не исчезает и потому вечны печаль и горе ! Девчонка вернется к отцу, а ты забудешь все, что знал ! Вот так будет !

— Она не вернется ! — крикнул я. И так не будет !

Из всего, что сказала Сáрма, я понял, что по моей вине Ри может снова оказаться в скале. Но если это зависит от меня, такому не бывать ! В это мгновение мне казалось что сто раз, если потребуется,я протяну руку змее ! Или что-нибудь, что еще страшнее !

Сáрма презрительно ухмыльнулась и скорчила гримасу.

– Можно, я пойду к нему !

– Иди и спроси, доволен ли он !

Когда я подошел к Байколле, он впервые сам заговорил со мной и голосом, какого я не слышал:

– Ты уже знаешь ! Она живет среди людей ! Скажи Сáрме, что я благодарен ей !

– А вы ... как же вы ... ?

Белые брови его опустились, померк свет в глазах, но все же это были другие глаза, совсем другие, и я только теперь понял, какую долю его печали унесла отсюда Ри.

– Я – это другое дело,–сказал он спокойно.– А она еще не жила ... Ты видел ее там ?

– Нет ! с горечью ответил я. Но что никогда не увижу, не сказал.

– Если увидишь ты будешь добр к ней, неправда ли ? Ты хороший сын хороших родителей, и я верю, что в ночь зрелости звезды дадут тебе достойное имя.

Понятно, почему они ни разу не спросили моего имени ! Они думали, что уменя его еще нет ! И Сáрма не спрашивала, хотя ей мое имя, как вороне галстук !

Байколла нагнулся с кресла и погладил рукой щенка. Теперь когда в замке не стало Ри, он такими несчастными глазами глядел на ее пустое кресло,

что нельзя было без боли смотреть в его глаза. И Байколла сказал мне:

– Возьми его себе ! И пусть он будет тебе другом !

Я запротестовал. Как же ему совсем одному, ведь собака – все же живая душа рядом !

– Возьми ! Он тоже еще не жил !

Я взял щенка на руки, и он прижался ко мне и задрожал отчего-то.

– Можно, я буду приходить к вам ?

Байколла сначала покачал головой, как бы говоря: "К чему это !" Но потом сказал:

– Если встретишь мою дочь среди людей, то придешь и расскажешь о ней !

– Обязательно приду !

А у самого сердце сжалось от мысли, что, может быть, уже никогда не увижу ни Ри, ни Байколлу.

Я попрощался и пошел к выходу. И странное дело, пока я подымался по лестницам, шел по залам и по пещере на выход, щенок на руках становился все тяжелее, и когда солнце полудня ударило мне в глаза, то с рук моих на землю спрыгнул вовсе не щенок, а почти большая собака, то есть когда пес встал на задние лапы, то передние коснулись моих плеч.

Сарма увидела собаку, и лицо ее вытянулось. Но я опередил ее:

– Байколла мне подарил !

Она что-то пробурчала себе под нос, но ничего не сказала, и это значит – разрешила !

– Я назову его Другом ! Байколла сказал, чтобы он был мне другом ! А я так его и назову !

Сарма не удостоила меня даже взглядом. Я подошел к ней, сел рядом, рядом сел Друг.

— Скажите, — решился я, — неужели вы никогда не простите Байколлу !

Она зло прошипела сквозь зубы:

– Я слишком много позволяю тебе, и это тебе не на пользу !

— А я вот знаю одну женщину, у которой тоже убили ... (я не знал, кого), и она простила !

Са́рма посмотрела на меня с жалостью.

— Эх, ты, неумелый лгунишка ! Придумал небылицу и надеешься, что я не отличу ее от правды ? Это потому ты надеешься,что понять не можешь, что прощения не бывает ! Если совершено преступление, и если есть горе в душе значит там не может быть прощения ! Я же тебе объясняла ! Простить — это значит предать горе ! Забыть о нем ! Слабые люди, забывая горе и по слабости отказываясь от мести, свою слабость и забывчивость называют прощением ! Опять же, если на том, кого прощают, вина есть, то разве он ее забудет, если ему скажут: "прощаю !". Виновные в прощении не нуждаются, потому что знают, что от вины никуда не денешься ! И если бы существовала такая женщина, о какой ты говоришь, и если бы она сказала :" прощаю !", то она либо солгала бы, либо она уже забыла того, кого потеряла ! Простить ! Ну, подумай сам ! Это что же, вину назвать не виною, а горе не горем ! Это же даже смешно !

Она разговаривала со мной снисходительно, но и я думал о ней также, потому что своими ушами слышал за окном Генкиного дома фразу прощения, и своими глазами видел горе на лице говорящей. И понять этого Са́рме было не дано ! А я впервые подумал о том, что она, очень даже может быть, не умная или по крайней мере, не очень умная, и вот от этого она еще более несчастная, больше чем старуха Васина. Она несчастная оттого, что не может про-

стить ! И мне стало жалко Сарму. Еще более было жалко Байколлу, и от всех этих чувств и сомнений вдруг появилась в сердце тихая боль.

Никак не удавалось представить, что где-то живет среди людей дочь князя Байколлы и ничего не знает о себе, ничего не помнит ...

— Значит, я уже никогда не увижу Ри ! сказал я.

— Может быть, и не увидишь ! А может, увидишь ! — ответила Сарма.

— Может, увижу ?

Она пожала плечами. Неопределенно. Без всякого намека

— Только, если ты увидишь ее, запомни: если хоть одним словом намекнешь ей о том, что она забыла, чего ей не нужно помнить, то причинишь ей боль ! Она все равно не вспомнит, но ей будет больно !

Я не очень обратил внимание на эти слова, но они заронили в душу крохотную, как светлячок, надежду.

— Ну, мы пойдем! — сказал я, погладив Друга.

Сарма посмотрела на меня, сделала рукой какой-то непонятный жест вроде бы что-то сказать хотела еще, и будто бы ей трудно было это сказать.

— Я могла бы тебе этого не говорить, но, пожалуй, скажу ... Тебя сюда никто не звал, но раз уж ты пришел ... да еще вмешался ...

Она удивленно покачала головой.

— И ведь цыпленок, в чем только душа держится ! А вмешался ...

Похоже, она и сама не понимала, как случилось, что я вмешался ...

— К большой тайне ты причастен теперь, а это вовсе не радость, и скоро ты это поймешь, и пусть

будет тебе награда ... Знай, что пока ты живешь на берегах Долины, с тобой ничего не случится дурного !

– А что может со мной случиться ? недоуменно спросил я.

– Многое может случиться с таким чахлым стебельком ! – насмешливо ответила Са́рма.

Я устал от ее насмешек, мне уже не хотелось разгадывать смысл ее слов, я устал от этого разгадывания. Я попрощался с ней как можно вежливей, и мы с собакой начали спускаться со скалы. Друг прыгал с камня на камень, с уступа на уступ так, словно делал это каждый день, и я уже не показывал ему дорогу и не предупреждал об опасности сорваться, как сначала, а только хвалил его, и он на каждую мою похвалу и вообще на каждое мое к нему обращение отвечал и хвостом, и глазами, и ушами, и, казалось, понимает он каждое слово.

Дома своим родителям я заявил категорическим тоном, предупреждая их возражения, что эту собаку мне подарили, и она будет жить с нами. Отец с матерью растерянно переглянулись, и мама сказала:

– Ну, а собственно, разве мы возражаем ?!

– Пусть живет ! сказал папа. – Только надо место определить.

И до самого вечера папа провозился, устраивая под крыльцом конуру Другу. Сажать же его на цепь я категорически отказался. И папа примирительно сказал: "Посмотрим!" А когда я заявил, что тогда сам сяду с Другом на цепь папа тут же забеспокоился и стал убеждать маму, что такая умная собака ни за что не будет давить куриц и кусать хороших людей. И Друг поблагодарил папу хвостом за справедливое слово.

Вечером пришел Светкин отец и сказал, что Белый дед умер в Слюдянке в больнице. Мне было очень жалко и деда и Генку !

– Что поделаешь ! – сказала мама.

– Врач предсказывал, что мучиться будет дед перед смертью, болезнь такая ! А он умер, как в иной мир отошел !

Папа развел руками.

– Что ни говори, а медицина знает о человеке только самое внешнее. Да ... И вместе с дедом, значит, умерла история местного золота !

-- Не было там никакого золота ! – крикнул я из кухни.

Они все вышли на кухню, и папа спросил:

– Где это там ?

– В Сухой пади !

– В Сухой пади ! – воскликнул Светкин папа. – Верно ! Есть такая, Сухая падь ! А ты откуда знаешь ?

Я пожалел о сказанном, хотя, кажется, ничего важного выболтать не успел. Я помнил слова Васиной, что есть тайны, которые никому знать не на пользу.

– Знаю и все ! – ответил я, давая понять, что больше из меня и слова не вытянешь.

– Ишь ты ! –удивился Светкин отец. – Значит и про Сухую падь слушок есть ! Всю жизнь здесь живу, а такого не слыхал ! Я тоже думаю, что нет у нас золота ! Геологи уже давно все обшарили, много чего нашли, а золота нет ! Сухая падь ! Надо же ! Хм ! У Белого деда там когда-то зимовье стояло, потом пожар был, и зверье почему-то не взлюбило эту падь ! Воды там нет, один маленький родничок на километры !

Наступила тем временем пора орех, и мальчишки один за другим стали исчезать по нескольку дней с байкальского берега. Появлялись они с черными от смолы руками, на щеках, на лбу и на шее тоже были пятна смолы, и хотя керосином или бензином смола смывается легко, мальчишки не спешили избавиться от следов кедрача. Все карманы мальчишек были теперь полны орех, а разговоры у костра на берегу велись в основном вокруг ореховых дел. Один хвастался, что как вдарил по кедру колотом, с одного удара двести шишек свалилось, а десять штук по голове хлопнули. Постепенно количество падающих шишек с одного удара достигло пятисот, и мальчишки ревниво осматривали затылки друг друга, носящие следы от прямых попаданий.

У кого-то колот обломился от удара, у кого-то балаган ночью загорелся, у другого россомаха ночью уволокла все продукты, кто-то обнаружил свежие следы медведя около зимовья !

И только я один был на положении слушателя и угощенца. Все угощали орехами и требовали сказать, у кого орехи были прокалены лучше. Я же их и щелкать не умел. Мальчишки перекусывали скорлупу поперек, и пока я мучался с десятком, они справлялись с горстью.

Но вот наступил день, наступило утро, когда я с вещмешком за спиной шагал по узкой таежной тропе, что вела в кедровые места. Впереди меня шел Светкин отец дядя Сережа, Юрка и его брат дядя Витя, а за мной по пятам шла Светка.

Тропа петляла, извивалась, то задираясь кверху, то скатываясь вниз, то исчезая на поворотах. Шли уже второй час но усталости не было, а была

одна радость, потому что нелегко было уговорить маму отпустить меня, и не отпустила бы, если бы не дядя Сережа. И каких только глупостей не говорила мама, пытаясь сорвать это дело: и что я слабенький и не выдержу длинного перехода, и что простыть могу ночью, ведь мы шли с ночевой, и что я еще не оправился от болезни, и еще много говорила она лишних и несправедливых слов. Но как бы там ни было, я шел сейчас по тропе и ушел уже так далеко, что никто вернуть меня уже не сможет !

Мы вышли еще затемно, сначала даже дорогу было плохо видно, и холод утреннего байкальского сквозняка подгонял нас. Потом рассвело, потом за спиной появилось солнце, и птичий гомон вокруг непривычно оглушил меня. Но чем дальше шли, тем тише становилось вокруг, тем мрачнее становился лес. Уже кругом были одни кедры, и на ветвях их и на макушках висели шишки, а я не понимал, почему мы проходим мимо и зачем идем далеко, если здесь можно набрать сколько угодно ! Спросил Светку, она хихикнула :

— Разве это кедрач ! По десять штук на кедре ! Неделю колотить будешь !

По пути встречалось много интересного, незнакомого, непонятного, но мы шли "по делу" и останавливаться и глазеть времени не было. Особенно поражали меня огромные муравейники и упавшие кедры с вывороченными корнями.

Много раз тропа раздваивалась, на одной такой развилке дядя Сережа, не останавливаясь, крикнул мне :

— Видишь !

И показал на тропу, что ушла влево от нас.

Мы пришли к большому балагану из веток и жердей. Быстро попили чай, и началась работа. Мы разделились на две партии. Юрка с братом пошли в

одну сторону, а мы со Светкой и ее отцом – в другую. Дядя Сережа свалил топором большую березу, маленькой пилой отпилил метровую чурку, по середине вырубил косой паз и в этот паз вбил длинную палку. Получился колот. Он был такой тяжелый, что я даже приподнять его не мог.

Мы со Светкой взяли по мешку, а дядя Сережа поставил колот рукояткой на землю перед первым кедром, отвел колот на себя и ударил по стволу. И посыпались с кедра шишки ! Некоторые летели со свистом, врубались в мох, а другие, шурша, прыгали по веткам, сыпались вдоль ствола, отскакивая от сучков в разные стороны.

– Собирай ! – крикнула Светка.

Я кинулся к дереву, начал шарить по земле, кое-как нашел пять шишек. Дядя Сережа ударил еще раз и тут меня так треснуло по спине, что я, вскрикнув, упал в мох. Светка закатилась от смеха! А когда я подошел к ней, у ней в мешке уже было около полсотни шишек.

Ух, какая это была трудная работа ! Дядя Сережа колотил и колотил, и я носился под деревьями, больше затаптывая шишки в мох, чем собирая их. Светка – та ничего не боялась, она бросалась собирать шишки, когда они еще только летели с дерева. Шишки стукали ее по голове и по плечам, она вскрикивала, взвизгивала, хохотала, а я не мог понять, как ей не больно. Меня всего три раза стукнуло, а голова гудела, рука так болела, что притронуться нельзя, а позвоночник будто вообще треснул ...

От постоянного наклона вся спина немела и стонала от усталости, ноги тоже, они проваливались в мох, а во мху попадались камни, ноги то застревали, то подворачивались, то скользили.

Шишки мы сваливали в кучи, но, обколачивая один участок за другим, все время удалялись в каком-то направлении, и я не понимал, как мы потом разыщем кучи.

Когда уже казалось, что я больше шага шагнуть не смогу, дядя Сережа сказал, чтобы мы со Светкой шли к балагану и готовили обед. И когда Светка крикнула: "Пошли!", я захлопал глазами – я даже представить не мог, в какую сторону подаваться. Светка вывела меня так, как-будто шла по поселку, и оказалось это совсем близко, потому что мы ходили кругами вокруг балагана. Пока мы готовили обед, дядя Сережа и дядя Витя начали стаскивать шишки к балагану. Они приносили по мешку, высыпали и уходили снова.

Светкин суп я ел, как ни разу не ел мамин, и все не верилось, что наемся. Потом лег на спину и сразу заснул. Меня разбудили, подняли, и мы снова пошли работать. Как ни странно, после обеда работалось легче, да я уже и освоился немного, научился примечать, где падают шишки, находить их быстро, уворачиваться от ударов, хотя избежать их вовсе не могла даже Светка.

Перед вечером нас опять отправили готовить еду, и опять это было для меня очень во время, устал я невообразимо !

Мужчины стаскали шишки, и их набралось с целую гору. Потом валили сухие деревья и стаскивали к балагану. Нужен был костер на всю ночь, потому что всю ночь предстояло обрабатывать шишки. Из балагана вытащили большой брезент и растелили на земле. Оттуда же достали железные противни с дырочками разной величины – это были сита. Запалили костер.

Еще раньше я обратил внимание на большую колодину, на которой были вырублены зубцы. На

эти зубцы клалась шишка, по ней ударяли небольшой дощечкой тоже с зубцами и одним движением растирали шишку. И вот так нужно было переработать всю гору шишек. Потом еще предстояло просеять орех через три сита и под конец прокалить орехи на костре в противнях уже без дырочек.

Мужчины и Юрка растирали шишки, а мы со Светкой насыпали сита и просеивали орех. Такая была это работа, что я даже не заметил, как начало темнеть, как стемнело, как наступила ночь. Гора шишек, казалось, не уменьшается нисколько ! Но когда она все же уменьшилась, Юрка подключился на просеивание, и мне стало немного легче. Первые листы с чистым орехом уже стояли на огне, и мне поручили перемешивать, чтоб орех не подгорал, но он подгорал, орехи щелкали и стреляли раскаленной скорлупой прямо в лицо.

– Вот теперь будешь знать, как достаются орешки ! – сказал дядя Сережа. – Второй раз и пойти не захочешь !

– Захочу ! – ответил я, но едва ли искренне.

Всему бывает конец. Наступил конец и нашей работы. Чистый и прокаленный орех был засыпан котелками в вещмешки. Мне досталось четыре котелка из того расчета, что больше я не донесу. Светке тоже четыре, а Юрке шесть – и это было обидно. Я был не слабее Юрки, а уж со Светкой то чего меня равнять ! Но я не спорил.

А вот мешки дяди Сережи и Юркиного брата были ужасными, даже не верилось, что кто-то может поднять их с земли !

– А теперь спать до опухания ! – объявил дядя Сережа.

В балагане оказались одеяла, хоть и старые, но целые, и телогрейки, и даже шапки. Ночи в байкальской тайге холодные это я уже знал.

Старшие расположились у костра, а нас троих определили в балаган. Юрка сразу ушел туда, а мы со Светкой попросились немного посидеть у костра.

Ночь была темнущая. И только теперь, оглядевшись, я почувствовал, как страшно все вокруг ! Костер освещал только саму поляну, и свет его кончался в двух шагах, а дальше все кругом было наполнено страшными тенями, шорохами, звуками, незнакомыми и тревожными. На фоне неба виднелись или угадывались вершины кедров, и, казалось, будто вершины нависают над головой, готовые в любую минуту свалиться на голову живыми чудовищами ночи. В темноте мерещилось движение, кто-то подкрадывался или ходил около – так и хотелось прижаться к костру и спрятаться в нем.

– Страшно ? – шепотом спросила Светка.

Я хмыкнул, будто мне наплевать.

– А мне всегда страшно ночью ! – призналась Светка, и я тогда тоже согласился, что мало приятного.

Все уже спали, а мы еще сидели и слушали ночные звуки и смотрели в костер, а мне вообще было жутковато уходить в темный балаган, и я сказал, что останусь здесь. Запахнувшись телогрейкой, я привалился к зубчатой колодине и скоро заснул.

Когда проснулся, было жарко, было солнце и вторая половина дня. Был уже готов и обед, он же и завтрак. Все тело ломило так, будто меня долго били ногами и палками. Но Светка потащила меня к ручью, заставила долго мыться, и после этого стало легче и свежее, и мы даже немного поборолись с Юркой на поляне.

В углы вещмешков были заложены большие шишки, к этим шишкам привязали широкие и мягкие лямки и затем стянули их на горловинах мешков. Светке, Юрке и мне мешки помогли надеть, а

дядя Сережа и Юркин брат надевали мешки, сидя на земле, и потом с трудом поднялись, покачиваясь и одобрительно покрякивая. Мне мой мешок казался легким, и стыдно было тащить столько же, сколько девчонка !

Мы пошли в обратный путь в том же порядке, что и вчера. Не прошли и километра, а ремни стали ощущаться на плечах, и скоро я уже не жалел, что несу только четыре котелка. Я стал подкладывать под ремни ладони, и уже шел не прямо, как сначала, а согнувшись, и было уже вовсе не весело ...

А на полдороге случилось вот что. В том самом месте, где вчера дядя Сережа о чем-то крикнул мне, но мы потом оба забыли про это, то есть на развилке троп, впереди нас на нашу тропу вышла старуха Васина. Все были удивлены не меньше меня. Она была в телогрейке, в сапогах, в руках с палкой.

– Ты чего это, Васина, по тайге одна шастаешь ? – спросил дядя Сережа. – На зверя нарваться можешь ! Никак из Сухой пади идешь !

– Где была, Сережа, оттуда и иду ! – ответила она, улыбаясь.

Так вот что хотел сказать мне вчера Светкин отец ! Что эта тропа в Сухую падь !

–Значит, в Сухую падь ходила – сказал снова дядя Сережа, пристально глядя на старуху Васину.– Что ж не сказала мне, я б с тобой сходил ! Не те твои годы, чтобы одной по тайге плутать !

Васина ничего не говорила и только улыбалась и щурилась на нас. Обогнав ее, все двинулись дальше, а я, пропустив Светку, задержался, подошел к старухе и спросил шепотом:

– Вы ... нашли ? Да ?

Она опять, как в тот раз, погладила меня по голове. Мама тоже любила гладить меня по голове,

а я этого терпеть не мог. Но вот когда старуха – совсем другое дело ! Даже наоборот, хотелось, чтоб она гладила еще и еще. Какая-то особенная у ней была рука !

– Нашла ! Нашла ! – сказала она. – Сорок лет искала и вот нашла !

"Сорок лет !" – ахнул я.

– Теперь и в самую дальнюю дорогу можно ... Это она сказала как бы для себя.

– Ну, иди ! Иди ! Отстанешь – устанешь ! Нога в ногу идти легче !

– До свидания !

Она кивнула.

Я шел и думал: "Кто же у ней там, в Сухой пади ? Сын? Муж ?" Пытался представить картину убийства, но не вписывался в нее Белый дед, а того, другого, я не видал никогда ... Картина не получалась. "Взять бы ее к нам жить !" – подумал я. – Но согласится ли ?". Сорок лет она жила одна ! Как это представить ! Хотя ведь вот Сарма, она уже сколько сидит одна на Мертвой скале – эти годы никто не сосчитает, потому что люди даже не знают, что на месте Байкала была Долина Молодого Месяца !

Я нагнал Светку, но остальных не было видно, они ушли вперед. Вместе со Светкой мы отстали от всех больше, чем на километр, а последний километр я уже еле полз, отдыхая каждые пятьдесят шагов.

Когда дома отец снял с меня мешок, то я закачался, таким легким показалось мне мое собственное тело без груза. Мама начала ахать по поводу смолы на моем лице, в волосах на голове, на руках, но заставить смыть таким трудом заработанные следы кедрача она не смогла. Я должен был появиться завтра на берегу как равный среди равных, с

собственными орехами в кармане, и у меня тоже будет чем похвалиться — две шишки на голове прощупывались определенно, и я боялся, чтобы они за ночь не исчезли.

Я поужинал, и сон мой был как провал в никуда.

Кончался август, и на склонах ущелья где полосами, где пятнами появился желтый цвет. Это перегорал осинник. Зелень берез тоже уже утратила яркость, и природа словно готовилась к переодеванию, к смене наряда. Холоднее стали вечера, но дни еще были жаркими, и хотя давно прошел Ильин день, после которого нельзя купаться, мы купались до посинения, потому что лишь теперь, к концу августа, кое-как прогрелась вода в Байкале.

На берег я приходил с Другом. Он плавал вместе со мной и лучше меня, хотя я тоже плавал по-собачьи. Он приносил палки, когда я кидал их в воду. Он сидел около моей одежды и ждал меня, когда я играл на воде с мальчишками.

Вообще он был такой умной собакой, что все удивлялись. Все, кроме меня. Они ведь не знали, откуда он у меня. Он никого не кусал, но и не признавал никого из чужих. Если его дразнили, он терпел, если угрожали, он молча показывал клыки. Поселковые собаки, вздыбливаясь загривками, обходили его стороной.

У него был только один недостаток — он не лаял ! Он совсем не лаял, точно был глухонемой. Понимая все мои команды, на команду "голос!" он только чуть шевелил хвостом. И еще. Хотя он и играл со мной, и бегал, и прыгал — глаза его оставались всегда грустными, и мне было очень тяжело смотреть в них.

Я ведь больше не ходил на Мертвую скалу. Но это не значит, что я забыл о ней ! А всякий раз, заглянув в глаза Друга, я читал в них молчаливый укор в чем-то, словно собака говорила мне: "Как могу я веселиться, играть и вообще испытывать радость, когда ТАМ.." Ну, и все прочее !

Мы с Другом иногда ходили в падь и подолгу сидели на камнях у подножья Мертвой скалы. Но чаще забирались на скалу над ближайшим тоннелем. С байкальской стороны она была отвесной. Мы сидели на вершине и смотрели на Байкал. А иногда я громко рассказывал Предание, и Друг слушал его внимательно, печально глядя в байкальскую даль. Если я забывал что-то и запинался на слове, он смотрел на меня, словно хотел подсказать, и когда я вспоминал и продолжал рассказывать, он поддакивал хвостом и снова смотрел в синеву байкальского горизонта.

"Нагнулся богатырь Сибир и вырвал ледяной хребет с корнем ! Поднял он его над головой ...

Я поднимал над головой большой камень.

— ... посмотрел на север, посмотрел на юг ...

Я поворачивался влево или вправо, и Друг тоже смотрел со мной в эти стороны.

— ... на запад посмотрел и на восток ! Некуда кинуть хребет ! Везде жизнь ! Тогда раскрутил он хребет над головой и закинул его в небо !

Я раскручивал камень и кидал его вверх. Но камень вверх не летел, он лишь подлетал чуть-чуть, а затем падал со скалы в воду, и если не было волн, то сверху я видел, как он медленно опускается в синюю темь глубины.

А когда Байкал штормил, мы просто сидели на скале, глядели на волны и слушали их рокот, и

был это не просто рокот, а это теперь волны рассказывали нам свою историю, историю гибели Долины Молодого Месяца.

Наступило первое сентября, и утро этого дня было для меня нерадостным, то есть не было в это утро обычного радостного настроения. Мне казалось, что с началом школьной жизни отодвигается куда-то вдаль все, что связано с Мертвой скалой, все остается в полуясности, в полузавершенности. Школьные будни грозились заслонить для меня тайну Мертвой скалы.

Утром, разбудив меня, покормив и приготовив все необходимое, мама с папой ушли в школу и наказали мне, чтобы я не опоздал на торжественную линейку.

Я собрался быстро и хотел прийти пораньше, чтобы познакомиться с интернатскими ребятами.

В двухэтажном здании школа была лишь на первом этаже. На втором был интернат для живущих на полустанках.

Захватив портфель, я вышел на крыльцо. Друг вылез из конуры и поздоровался со мной хвостом и глазами. Я по привычке, машинально, без всякой надежды на успех сказал ему: "Голос!" И он вдруг звонко пролаял мне в ответ ! Я не поверил и приказал еще, еще, еще и Друг лаял столько, сколько я хотел, и глаза его были радостными и веселыми. Мимо проходил Валерка, тоже удивился, и мы втроем так заигрались, залаялись, запрыгались, что вовсе забыли про школу. А когда вспомнили, то понеслись бегом. Еще бы ! Учительские сынки опоздали на торжественную линейку !

Мы, конечно, опоздали. Линейка прошла, и все уже входили в классы. Валерка влетел первым

и успел еще захватить на двоих последнюю парту. Я вбежал за ним ... и в дверях класса встал как вкопанный. Закрыл глаза и открыл их, и не поверил своим глазам !

На первой парте среднего ряда в коричневом платьице с голубой ленточкой в волосах сидела дочь князя Байколлы, сидела Ри, девочка из Мертвой скалы ! Я подскочил к парте и остановился напротив, расплываясь в счастливейшей улыбке. Она взглянула на меня спокойно и немного удивленно и отвернулась. Она не узнала меня ! Счастливая улыбка превратилась в идиотскую, и с этой гримасой, ничего не видя перед собой, натыкаясь на парты и на чьи-то ноги, я прошел между рядами парт и подсел к Валерке, который уже давно махал мне рукой.

"Она здесь !" И сердце трепетало от счастья! "Она не знает меня !" И сердце сжималось в комок, грозясь превратиться в камень !

В класс вошла учительница. Я вставал и садился. И когда шла перекличка, я не только свою фамилию прослушал, но и ту, которую хотел узнать. Когда Ри встала и ответила на вызов, голос ее, такой знакомый, такой необычный (он не изменился !), так странно подействовал на меня, что в горле стало сухо.

Потом нас рассаживали, и я не надеялся оказаться с ней на одной парте и не оказался. Меня посадили со Светкой. Но место было на редкость удачное ! Я теперь сидел на третьей парте левого ряда и всегда мог видеть лицо Ри, а она моего взгляда видеть не могла.

Стараясь голосом изобразить небрежность, я спросил у Светки:

– Это кто такая ?

– А ! Это Риммка ! Она интернатская с восьмидесятого километра !

Честное слово ! Мне захотелось треснуть Светку линейкой по лбу ! Думает, если она Светка, то и всех можно собачьими кличками называть !

Но имя, что было теперь у дочери Байколлы, огорчило меня, оно было какое-то холодное, чужое, невыразительное, хотя я понимал, что это единственное имя, какое можно было образовать от "Ри". Вот если бы, как было принято в Долине Молодого Месяца, звездочеты дали ей настоящее имя, оно обязательно было бы красивым !

И все же никак не возможно было поверить, что она совсем ничего не помнит. И на первой же перемене я чуть было не подошел к ней, даже подошел к ней, но все же во время спохватился и не спросил, как надумал – не помнит ли она меня ? Я будто услышал слова Са́рмы о том, что ей будет больно ! Я не спросил, но зато я успел взглянуть ей в глаза. Нет, конечно, они были не такими грустными, как там, в скале, но и сказать, что они были веселыми – неверно. Всего лишь в ее глазах теперь не было боли. Но печаль осталась, и я, наблюдая за ней всю перемену, ни разу не видел, чтобы она улыбнулась.

Все четыре урока и три перемены я провел как во сне. И после последнего звонка, первым вылетев из класса, за школой в кустах спрятав портфель, бегом кинулся в падь.

Са́рма встретила меня улыбкой:

– Ну, ты, кажется, доволен !

Я только глупо улыбался в ответ.

– Несмышленыш ! – сказала она. – Все впереди, и ты еще пожалеешь !

Но я не хотел слушать и слышать ничего дурного и без спроса кинулся к камню, закрывающему

вход в замок. Я скатился по перилам лестниц, и еще издалека, через весь зал крикнул Байколле:

– Она здесь, то есть там, у нас !

– Ты видел ее ! Она здорова ? Она счастлива ? – взволнованно спросил Байколла.

Я кивал головой, хотя относительно счастья надо было бы еще подумать.

– Ты ведь не сделаешь ей больно ! Ты будешь беречь ее, да !

Я кивал головой.

– Она должна жить ! Она еще не жила ! Я теперь спокоен ! Ты никому не позволишь ее обидеть!

– Никому !

Пусть попробует ее кто-нибудь обидеть !

Я подошел вплотную к Байколле, коснулся его руки.

– Можно, я буду просить Са́рму, чтобы она вас тоже ...

Он вздрогнул и перебил меня.

– Этого не нужно ! Будь другом моей дочери, и звезды дадут тебе счастье !

Быть другом ! Я бы с радостью ! Но она меня не знает ! Я не стал говорить этого Байколле; и потом – другом можно быть и тайно, а вовсе не обязательно, чтобы она знала об этом.

Главное – что она здесь, и каждый день я буду видеть ее ! Да, в те первые минуты и в первые дни мне действительно казалось, что это главное, что этого достаточно, что я буду счастлив только от того, что вижу ее и охраняю.

Однако скоро, может быть, уже через неделю, в радость мою стал заползать крохотный червячок боли. Не знаю, почему, так сложилось, но перезнакомившись со всеми, с ней, с дочерью Байколлы, я не мог говорить, просто не мог даже обратиться с чем-либо. Ведь со всеми остальными девчонками

мы обходились запросто, не особенно выбирая выражения. Но не мог же я, например, крикнуть ей: "Эй, Риммка, кинь книгу!". С ней невозможен был такой тон ! А другой тон невозможен был без того, чтобы не вызвать насмешки со стороны мальчишек. Правда, нужно сказать, мальчишки тоже избегали грубостей по отношению к Ри, потому что она была очень сдержанной, молчаливой, сама никогда и ни в чем не опускалась до легкомысленного тона.

В начале года, как известно, идет повторение за прошлый год. И когда Ри отвечала и получала за это хорошие отметки, я раздувался от гордости. Ведь это я научил ее всему !

Но я в страхе замирал, когда она затруднялась с ответом. Тогда брови ее обычно поднимались и стягивались кверху, и я знал это ее выражение, я запомнил его, я даже мог заплакать, когда у нее было такое выражение на лице. Да и вообще я знал наизусть каждое движение ее губ, бровей, знал жесты и всегда безошибочно угадывал каждое ее состояние и желание.

Я приспособился так сидеть на парте, что всегда мог видеть ее лицо, но и в любой момент мог отвести взгляд на доску или на дверь, или на учителя.

Но вся беда в том, что мне мало было так смотреть на нее, я хотел видеть ее глаза и прибегал ко всяким хитростям. Когда звенел звонок, я первым вылетал в коридор, а потом будто что-то вспомнив, поворачивался и снова шел в класс, чтобы встретиться с ней лицом к лицу. И когда мне это удавалось, в сердце всякий раз случалось что-то непонятное, что бывает на качелях, а если еще и она случайно успевала взглянуть мне в глаза, тогда сердце захватывало, как-будто оно захлебывалось волнением.

Случалось на лестнице или на повороте коридора встретиться с ней неожиданно, и тогда уж вообще со мной происходило что-то странное, будто я страх пачкой заглотнул и задохнулся страхом ...

Время, что я проводил в школе, было для меня временем жизни. После уроков, когда нужно было уходить домой, время словно застывало, превращаясь в тягучую плазму, и само себя тормозило.

Субботы стали мне ненавистны: в субботу она уезжала домой. Воскресенья превратились в дни бессмысленной жизни, в напрасно прожитое время.

Вечер каждого воскресенья был самым волнующим и тревожным временем недели. Она приезжала, а я у окна ждал, когда она пройдет по дороге мимо дома. Она ведь могла и не пройти: могла опоздать на поезд, могла заболеть — мало ли что могло случиться.

А червячок боли, между тем, рос, рос, и стал уже превращаться в маленького змееныша.

Начал я учиться хорошо. Мне казалось, что со стыда сгорю перед Ри, если получу двойку. Но постепенно понял, что ей собственно, совсем безразлично, пятерку я получу или двойку. И я потерял всякий интерес к учебе.

Хихикать первой начала Светка. Потом другие девчонки. Потом во взглядах мальчишек появилось что-то, что было оскорбительно для меня, но справедливо. Потом еще хуже. Юрка дернул ленточку, что стягивала волосы Ри, и я на следующей перемене отчаянно подрался с ним.

Еще худшее случилось на уроке географии. Прошлый раз учительница рассказывала о происхождении Байкала, о том, что будто бы пятнадцать миллионов лет назад Байкал образовался во время

сброса, то есть провала или трещины, ну, и так далее. Особенно меня возмутили эти пятнадцать миллионов ! Учительница рассказывала так, будто присутствовала, когда все это происходило, как-будто она могла себе представить, что такое пятнадцать миллионов лет ! Ведь не могла же !

А на завтра она именно меня вызвала к доске. Я стоял и молчал сначала. Она повторила: "Ну, так как же образовался Байкал ?"

– Не знаю ! –грубо ответил я. – И никто не знает !

– Как же это не знает ! – удивилась она. – Я же вам вчера рассказывала, что пятнадцать миллионов лет назад ...

– А вы, что: считали эти миллионы ? – спросил я ехидно.

Учительница растерялась. Она была еще молодая, а я раньше никогда не грубил ...

– Не считала, а наука ... – сказала она, моргая.

– Наука ! – презрительно ответил я.

– Сядь !

Весь класс смотрел на меня удивленно, и Ри тоже, и это было очень обидно, ведь я защищал Предание !

Дальше случилось еще хуже ! Учительница вызвала Ри и велела ей рассказать о происхождении Байкала.

– Пятнадцать миллионов лет назад ... – начала Ри, и я больше выдержать не мог. Я хлопнул два раза крышкой парты и крикнул на весь класс:

– Молчи ! Не смей ! Молчи !

Побледнев, трясущимися губами учительница велела мне выйти из класса. То есть я совершил неслыханное – сорвал урок !

Ну, что рассказывать о последствиях ! Самое грустное – я ведь вовсе не хотел обидеть учительницу, а она решила, что я все это проделал специально, и весь следующий урок проплакала в учительской. Я, конечно, извинился, но не в этом дело ...

Единственный, кто понимал меня, это был Друг. На второй учебный день я пришел с ним к школе после занятий и дождался, когда интернатские ребята вышли на улицу. Ри была среди них. Я наклонился к самому уху собаки и сказал:

– Смотри ! Вот она ! Видишь !

Друг заволновался, замахал хвостом, прося разрешения подойти к ней. Я разрешил. Ри испугалась и спросила:

– Он не кусается ?

Я только усмехнулся. Друг встал на задние лапы, положил передние ей на плечи и лизнул ее в лицо. Я свистнул, помчался прочь, потом начал карабкаться по склону ущелья. Друг догнал меня, и мы долго барахтались с ним в кустах, боролись и гонялись друг за другом по склону горы, а потом, обнявшись, лежали на камне и думали об одном и том же.

А змееныш моей печали рос и превращался в змею. Я не мог жить рядом с дочерью Байколлы и не разговаривать с ней, мне нужно было, чтобы она хоть иногда смотрела на меня, хоть иногда что-нибудь говорила мне, но чем дальше, тем невозможнее было найти предлог для сближения. Генка, мой друг, начал слишком часто брать у нее тетрадь на списывание, как-будто ни у кого другого нельзя было списать ! А Валерка вообще ! Я своими глазами видел, как он послал ей на уроке ботаники записку. Светка же прямую подлость сделала, пустила на меня кличку: "Риммочкин здыхатель".

С другой стороны, все они были не виноваты. Они же ничего не знали и считали, что я как дурак влюблен. Я бы на их месте вел себя так же.

Раза два я лазил на Мертвую скалу и, спасаясь от пристального взгляда Са́рмы (все чувствует старуха!), просиживал с Байколлой несколько часов, подробно рассказывая ему о дочери.

Но первого октября случилась настоящая беда. В тот день на севере Байкала был сильнейший шторм, и до нас Баргузин дошел огромными валами, хотя день был теплый и солнечный, а ветер лишь чуть-чуть.

Со второго урока нас повели на медосмотр в поликлинику, что стояла на самом берегу Байкала. После медосмотра все мы рассыпались по берегу – такие волны бывают не каждый день ! Ри стояла на высоком, почти остроконечном камне и тоже смотрела на волны. Она смотрела так, будто вспоминала что-то. Она вся устремилась вперед, губы ее шевелились, а руки, казалось, вот-вот вскинутся навстречу чему-то, что появится впереди или вспомнится ... Она была такая красивая в этот момент, что можно было взглянуть и умереть ! И я, забыв обо всем, что кругом мальчишки и девчонки, тоже забрался на камень, и кое-как найдя опору ногам на ребрах камня, встал рядом с ней.

Волна с размаху налетала на камень, взлетала вверх по отвесному склону его, но, не дотянувшись до наших ног, опрокидывалась навзничь и словно заглатывала сама себя, уже подмятая другой волной, такой же яростной, такой же горбатой. Волны были с коричневым оттенком, а вода мутная, а там, вдали, над самой водой носились рваные черные и серые тучи, раздразнивая волны и ускоряя их бег.

На камне было очень мало места, и я стоял, почти касаясь плеча Ри, а волосы ее при малейшем

дуновении ветерка мягко били меня по лицу, и я весь дрожал, боясь потерять равновесие. Она даже не заметила, что я стоял рядом. Она так пристально смотрела вперед, так погружена была в свои мысли, что даже если бы я коснулся ее руки, то могла не почувствовать !

Я стоял очень близко и потому только, не смотря на грохот волн, услышал вдруг одно слово, которое она произнесла несколько раз.

– Баргузин ! Баргузин ! – шептала она, словно вслушиваясь в это слово, будто прислушиваясь к нему. И тут, забыв о предупреждениях Са́рмы, вообще забыв обо всем, я произнес у ней над ухом это слово так, как оно звучало в Долине Молодого Месяца:

– Баргуззи !

И в ту же секунду волна ударила Ри по ногам, она вскрикнула, покачнулась, ноги ее соскользнули с вершины камня, и она, потеряв равновесие, упала и покатилась по склону камня к воде. Я успел схватить ее за руку, втащил на камень, и увидел ее испуганные глаза и кровь на кисти руки. К нам уже бежали, уже окружили нас, уже учительница, обняв Ри, повела ее в поликлинику, и только тогда, опомнившись, я крикнул кому-то проклятие, и, рискуя поломать ноги, помчался по берегу, прыгая с камня на камень. Несколько раз меня настигала волна, но я этого не замечал. Отбежав далеко, за поворот, откуда не виден был поселок, я остановился и закричал громко и истошно ;

– Будь все проклято ! Будь все проклято !

Я схватил камень и швырнул его на хребет волны. Хребет треснул, проглотил камень и вскинулся на меня пеной.

– Вот тебе ! Вот тебе ! – кричал я и бил волны камнями. Но волны смеялись надо мной.

Я сел на камень, обхватил лицо руками и шептал: "Гад ! Гад !" Я был противен сам себе ! Я презирал и ненавидел себя !

– Все ! Не могу больше ! Не могу ! – крикнул я вдруг и помчался назад к поселку еще быстрее, быстрее, чем вообще мог бежать. Я обогнал всех наших, возвращающихся в школу и, кажется, бежал до самой Мертвой скалы. А когда карабкался по ее уступам, лишь приговаривал с каждым шагом:

– Все ! Не могу больше ! Хватит !

Так и крикнул Са́рме, как только увидел ее.

– Все ! Хватит !

– Ты сделал ей больно болтливый недоумок ! – крикнула Са́рма. – Разве я не предупреждала тебя ! Ты не справился со своим языком ? Да ? Отвечай !

– Не справился ! – глотая слезы, ответил я.

– Ты причинил ей большую боль ?

– Кровь ... – прохныкал я, швыркая носом.

– Ты пролил ее кровь ! – ужаснулась Са́рма.– Ну, что ж, пойди к Байколле, порадуй его, расскажи ему, какой ты есть друг людей Долины ! Иди !

Я замотал головой.

– Боишься ! Стыдно !

– Я больше не могу ! – закричал я сквозь слезы. – Я не хочу больше ! Пусть я все забуду !

– Подойди ближе ! – сказала Са́рма. – Перестань хныкать ! Ближе, говорю, подойди !

Она взяла меня за руку и сказала тихо и грустно:

– Ну, вот видишь ! Я же предупреждала тебя, что будет нелегко, что не по силам окажется для тебя ноша ! Ведь ты же взял на себя боль и печаль дочери Байколлы, а я не имела права делать этого, и я

исправлю ! Ты уйдешь отсюда, и жизнь твоя снова станет счастливой и спокойной !

Я насторожился.

– А Ри ? Что будет с ней ?

Са́рма вздохнула.

– Она вернется в замок к отцу !

– Нет ! – закричал я. – Нет !

– Что нет ? Разве ты не за тем пришел сюда ?!

– Так не справедливо !

– Что ты понимаешь в справедливости ! отвечала Са́рма устало. – А куда же я дену твою печаль, если освобожу тебя от нее ?! Себе что ли возьму ? Я и от своей сохну ! Может быть, ты знаешь, куда мне ее девать ?! Горе, печаль, вина – это все от людей и принадлежит людям ! Иди домой !

– Нет !

– Ну, что опять "нет" ? Что ?

Я вытер глаза рубахой, посмотрел на Са́рму и сказал тихо:

– Пусть все будет как было !

Она глядела мне в глаза.

– Поверь, – ну, совсем необычный был у нее голос ! – поверь, я правда не знаю, куда мне девать печаль ! Ее не утопить, не развеять по ветру !

– Пусть все как было ! – повторил я.

– Тебе будет еще трудней ! Или вдруг ты снова причинишь ей боль !

– Нет ! Ей больше никогда не будет больно !

– Ну, смотри ! Сам выбираешь !

– Можно только ... я не буду рассказывать Байколле ...

– Не нужно ! – согласилась она. – Ему достаточно своего !

– Я пойду !

И вдруг она погладила меня по голове, совсем так, как старуха Васина !

На следующий день на первой перемене Ри подошла ко мне. Рука у ней была забинтована.

– Ты меня спас вчера, спасибо !

– Не за что спасибо говорить ! – горько ответил я.

– Ну, как же, ты ведь ...

– Я не спас тебя, не спас, понимаешь !

– Какой ты ...

Она пожала плечами и отошла. А я пулей вылетел из коридора на улицу.

Ночью мне приснился сон, будто я стою с дочерью Байколлы на высокой скале над Байкалом, и она такая красивая, что невозможно ... Я стою совсем рядом и вдруг целую ее в щеку. Она вздрагивает и падает со скалы. А кругом прыгают мальчишки и девчонки и кричат: "Целовал ! Целовал !" Я кидаю в них камнями и кричу: "Неправда ! Неправда !"

И просыпаюсь на этом месте и шепчу еще, как во сне: "Неправда ! Я не целовал !"

— 6 —

Байкальская осень не успела отгореть всеми красками, как по краскам ударил мороз, и упал снег. Снег, конечно, растаял, но успел прибить цвет, и он поблек в два дня.

По ущелью носились взад и вперед холодные сквозняки, нагоняя дожди и сырость. А Байкал штормил, не переставая. Теперь он уже не бывал голубым даже в ясные дни, теперь он бывал чаще серым, свинцовым, и только когда шел вал Култук с пенистыми хребтами, тогда он бывал темно-темно-синим.

Вторая половина байкальской осени – самое грустное время года. Холодные дожди, холодные ветра, суровое и неприветливое море.

По второму разу снег уже не растаял, и это началась зима. Ручей или маленькая речка, что протекала по ущелью, покрылась ледяными заберегами, но что до нее, то не верилось в силу мороза: ведь вода буквально скакала по камням. Однако однажды ночью она отскакала свое и к утру сверкающим льдом замерла в движении, и это было чудо – разве легко представить, что движение можно остановить и заморозить ! Но здесь каскады и струи воды застыли в падении и броске, и даже брызги на камнях оледенели крупным жемчугом, а камни покрылись блестящей пленкой. Но речка питалась и подводными ручьями, и скоро лед во многих местах сначала вспучило, а потом ледяные вулканы лопнули и вода устремилась поверх льда. Лед нарастал сверху, и мальчишки говорили, что к весне он будет местами до полутора метров в толщину. Разве можно поверить в такое, если речка нигде не была глубже, чем по колено !

Уже кругом была зима, белый цвет утопил в себе все, кроме зелени елей и кедров на склонах, но и эта зелень была неяркой, и вообще не воспринималась, как зелень, а просто как темное на белом.

И лишь Байкал в орнаменте белых заберегов еще сохранял, по крайней мере, в солнечные дни, свою темную синь. Шторма ходили от берега к берегу и вдоль берегов, казалось, что Байкалу холодно, и он штормит, чтобы согреться. По отмелям ледяные забереги белыми щупальцами уползали от берега в даль, но еще были силы у моря противостоять морозу, а у мороза еще не было сил справиться с морем.

У мальчишек началась новая радость – коньки. Коньки веревками прикручивались на валенки, но катались, в воскресенье, например, по целому дню, а какие веревки выдержат ! И потому валенок с коньком чуть окунали в воду, а затем некоторое время держали в снегу, и коньки прирастали к валенкам. Ногам было тяжеловато, зато надежно !

Почти от самой Мертвой скалы до берега Байкала все свободное от домов пространство ущелья покрылось льдом. Мы уходили к самой развилке в падь и оттуда катились вниз иногда без остановки, иногда налетая на трещину, и тогда случалась "куча мала", и этой кучей мы, крутясь и барахтаясь, скользили вниз, потом снова вставали на коньки и вылетали на байкальские забереги.

Еще сколачивали три доски, ставили их на коньки, два сзади и один, рулевой, впереди. Такое устройство называлось рулевушкой. На нее ложились сразу несколько человек и летели по ущелью к Байкалу.

Вечерами и по воскресеньям по всему ущелью гулял ребячий гомон, и это было самое шумное и веселое время в жизни поселка.

Ну, а моя жизнь ? Она раздвоилась. Я жил будто сразу в двух жизнях ! Одна – это когда я бывал с другими. Другая – когда оставался один.

Нет, конечно, мимо меня не прошла ни одна из радостей наступившей зимы. И я допоздна мотался на коньках по ущелью, и я задыхался от удачного попадания снежка, и я кубарем скатывался с оледеневших промоин на склонах ущелья – и все прочее, чем бывали заполнены свободные от школы часы мальчишек, не миновало меня.

Более того, во всех играх и увлечениях я бывал наиболее азартным, даже одержимым, и мало кто поздней меня возвращался домой с улицы, по-

тому что возвращение домой было для меня возвращением к себе и ко всему тому, что составляло ту, вторую мою жизнь.

Шли дни и недели, и ничто не изменилось в моих отношениях с девочкой из Мертвой скалы. Правильнее сказать, отношений никаких не было.

Она, о ком были все мои мысли, жила своей, мне неизвестной жизнью, и эта жизнь проходила мимо моей, как далекий катер мимо берега без пристани.

Ри все забыла, а я же забыть не мог ! Не мог забыть те дни, когда для меня звучал ее голос, когда мы смотрели друг другу в глаза, как смотрят самые хорошие друзья, когда мы все знали друг о друге, и это знание было только для нас !

Будь она обычной девчонкой, как все, я бы и относился к ней просто и легко, я мог написать ей записку и предложить дружбу, как это сделал Валерка. Но я не мог так поступить по многим причинам, и одна из причин заключалась в том, что хоть я и мечтал о дружбе с ней, тем не менее всегда боялся остаться с ней с глазу на глаз даже на минуту. Я ведь не мог смотреть на нее, как на обыкновенную девчонку, она была для меня дочерью Байколлы, и я не был уверен, что словом или намеком, может быть, забывшись, а не специально, не напомню ей о прошлом. Увидеть же слезы на ее глазах еще раз для меня было бы равносильно смерти.

У нас в школе вдруг пошла манера всем со всеми здороваться. То есть я шел в школу и говорил каждому мальчишке и девчонке не как обычно "привет" или просто подножку подставить или снежком стукнуть, а именно "здравствуй" и даже не "здорово" ! Не понимаю, отчего пошла такая мода, ведь нас никто не заставлял ! Но мне эта мода принесла ежедневную минуту счастья. Еще с середи-

ны дня я уже с нетерпением ожидал следующего утра. Я приходил в школу чуть ли не раньше всех, и если видел ее, идущей по коридору с кем-нибудь, то прятался и ждал, чтобы поздороваться с ней один на один. Когда я говорил ей "здравствуй", она обязательно смотрела на меня и тоже говорила "здравствуй", и это единственное слово, но сказанное только для меня, словно давало мне огромные крылья и поднимало в воздух.

И каждое другое утро мне казалось, что сегодня она произнесла это слово лучше, чем вчера, то есть дружественнее или даже сердечнее. Я старался подслушать, как она здоровается с другими мальчишками, и мне казалось, что с другими она здоровается холоднее и тогда в душе возникала такая сладкая надежда, что жить хотелось сильней прежнего.

На переменах я никогда не баловался, не носился по коридору, потому что мне было некогда, я, как правило, стоял где-нибудь неподалеку от нее, к ней спиной, но даже спиной, не только ушами, слушал голоса всех и из всех голосов слышал только ее голос.

Странно, никто не замечал, что у ней совсем особенный голос ! Первое время я даже боялся, что кто-нибудь обратит на это внимание и спросит, почему у ней такой необычный голос, и этот вопрос может разбудить в ней какое-нибудь воспоминание и причинит боль.

Сердце мое начинало громко стучать каждый раз, когда я видел ее грустной или задумчивой, потому что мне всякий раз казалось будто вот-вот она что-то вспомнит, и я даже пытался угадывать, что она может вспомнить, и ловил себя на том опасном желании подсказать которое однажды уже так плохо кончилось.

Иногда в ее забывчивости мне виделась или чувствовалась измена. Измена по отношению к Байколле, ко всему, что было связано с историей Долины Молодого Месяца и ... ко мне !

Мысль эта, конечно, была несправедливой, я это понимал, но осудить мысль, не значит избавиться от нее !

Постепенно странным образом стало меняться отношение ко мне со стороны ребят. Когда меня донимали намеками и хихикали, я не обращал внимания, ни с кем не ссорился из-за этого и даже вообще перестал замечать такое.

Но однажды, когда я пришел в кино чуть позже других, Светка крикнула мне, чтобы я шел к ней, что есть место. Но когда я сел, то рядом оказалась Ри, а Светки не оказалось. Какое это было кино, я, конечно, не помню.

Юрка, с которым я когда-то подрался, вдруг сам пошел на мировую и подарил мне отличные веревки для коньков.

Генка, презиравший меня поначалу, однажды на перемене прижал в углу одного мальчишку за то, что тот что-то намекнул в мой адрес.

А классный руководитель наш, Татьяна Ивановна, придя однажды к нам домой в гости, вдруг спросила меня как-будто между прочим, не лучше ли было бы мне сесть на первую парту, ну, хотя бы среднего ряда. Они переглянулись с мамой, а я покраснел и отказался. Для меня это было не лучше. Я тогда бы не смог смотреть на Ри во время урока.

Приближались школьные каникулы, и я думал о них с ужасом. Ри должна была уехать на две недели, и я не мог представить себе две недели без нее. И тогда пришла мне в голову отличная мысль. Я несколько дней обдумывал ее, и однажды при-

ступил к действию. Я попросил Светку принести в школу какие-нибудь фотографии. Она принесла фото, на котором она стояла рядом с убитым медведем. Фотография две перемены ходила по классу, а на третьей перемене я, собрав все свое мужество, мобилизовав все свои способности к спокойствию, подошел к Ри и небрежным тоном спросил:

– А ты еще никогда не фотографировалась ?

Я был уверен, что она не фотографировалась (когда бы ей успеть !), и моя задача заключалась в том, чтобы пробудить в ней желание сфотографироваться.

Но она ответила удивленно.

– Почему ? Я фотографировалась !

Это несколько озадачило меня. Я готовился к долгой и сложной по замыслу операции, но в ней отпала необходимость. Я растерялся и вдруг сказал каким-то осипшим голосом:

– Привези !

Она посмотрела на меня, опустила глаза и сказала: "Ладно !" До двери класса я дошел нормально, но в коридоре меня зашатало от радости, а ведь была только среда, и как мне было дожить до понедельника !

Я дожил до него. И вместо обычного "здравствуй", в коридоре спросил нервно и торопливо:

– Привезла ?

Она открыла портфель, достала дневник, из дневника вынула карточку и подала мне. Я небрежно сунул ее в свой портфель повернулся и пошел назад к выходу.

На первый урок я не пришел вовсе и это было неслыханное ЧП, но плевать !

Сейчас я пишу эти строки, смотрю на поблекшую фотографию двенадцатилетней девочки, что на пять лет моложе моей дочери, и никак не могу объяснить ту радостную грусть, что охватывает меня ! Годы свои я прожил, да и живу, без натяжки можно сказать, – интересно, но, если на минуту представить, что не было в моем детстве всего того, о чем рассказываю, то жизнь моя потеряла бы цвета, то подумалось бы, что я прожил жизнь при пасмурной погоде, ни разу не увидев солнца, что будто исчез бы чистый свет, теплым и грустным лучом сопровождавший меня всю жизнь по непрямым дорогам жизни !

На некоторое время все изменилось. Ри теперь была всегда со мной. Я мог смотреть на нее, сколько хотел. Я мог разговаривать с ней о том, что она забыла, о чем не должна была вспоминать. Я был счастлив.

В ближайшее после того воскресение я пошел в падь. Снег завалил каменную россыпь перед Мертвой скалой, и пробираться к скале стало много труднее, а лезть на нее, казалось, и думать нечего ! Но я полез и потратил на подъем времени в пять раз больше обычного.

Са́рма была на своем месте. Она сидела, вся укутанная чем-то пушистым и теплым, и руки ее были в большой и тоже пушистой муфте

Я показал ей фотографию, рассказал о том, как живет Ри среди людей, и Са́рма слушала внимательно и долго смотрела на фотографию.

– Люди научились оставлять о себе память на бумаге ! – сказала она и покачала головой. – А

не разучились ли они оставлять о себе память в сердцах ?

Я не знал, что ответить ей.

— Люди стареют и умирают. Зеркало, запечатлевшее мгновение, имеет и цену мгновения, и истина изображения мгновенна в нем. Вечны лишь великие деяния людей ! Понимают ли люди разницу вечного и мгновенного ?

Я молчал.

— К Байколле не ходи ! Не нужно ему видеть этого !

Она вернула мне фотографию, а я взглянул ей в глаза.

— Простите Байколлу ! Ну, сколько же можно !

— Ты так ничего и не понял ! — сказала она сердито. — Я не знаю, как это сделать ! Я не умею!

— Да чего ж тут не уметь ! — воскликнул я в отчаянии. — Простите — и все !

— Уходи ! — приказала она. — Ты все о Байколле да о Байколле ! А до меня тебе дела нет ! А знаешь ли ты мои страдания, мальчишка ! Уходи !

Я все же посидел немного еще, но стал замерзать, здесь на высоте дул ветер, не сильный, но холодный. Я побоялся простудиться, потому что вспотел, когда забирался на скалу.

Уходя, подумал, что не скоро приду сюда снова, потому что нет ничего хуже, чем быть бесполезным для тех, кто несчастен.

Шли последние дни декабря. Каждый день после школы я бегал на Байкал. Все говорили, что он должен скоро замерзнуть. Но никак нельзя бы-

ло в это поверить ! Баикал был теперь всегда одного цвета – сине-черный, а от сине-черного цвета до белого, цвета льда – как представить путь ?

Не верилось, не хотелось видеть Байкал заледенелым ! Было в этом что-то обидное для Байкала, несправедливое ! Но предчувствие подсказывало неизбежность иного состояния, и оно, это другое состояние моря уже предвиделось в брызгах волн – были эти брызги холодными и колючими, как осколки льда, и беляки на верхушках волн тоже казались льдинками, оседлавшими черные валы ; и особенно ветра и белые туманы над Байкалом, что будто связывали по судьбе остывающее море с землей, уснувшей в холодной белизне

На той скале, где летом мы часто проводили время с Другом, на одном из уступов, примерно в двух метрах над водой стояла маленькая елочка. И вот придя туда однажды, я ахнул. Елка стояла, вся разряженная хрустальными бусами и гирляндами. Это декабрьский мороз таким образом распорядился брызгами волн ! И все подножье скалы на несколько метров вверх тоже обледенело и сверка ло желтым зеркалом, отражающим в себе и волны, и небо, и вершины скалы, нависшей над своим подножьем.

Байкал штормил. Байкал работал. И я пытался уловить смысл этой работы. То ли море боролось с морозом, то ли вдруг в торопливом и угрюмом беге валов виделась непонятная спешка, словно спешил Байкал завершить что-то, что начал да не успевал к сроку. Все другие состояния Байкала мне бывали близки и понятны, но вот озабоченность и хмурость ледяной синевы были почему-то особенно близки и вызывали страстное сочувствие.

Каждым утром, выходя на улицу, я первым делом бросал взгляд под мост, в пролетах которо-

го от нашего дома виден был Байкал, и с радостью отмечал, что он еще не сдался, и я махал ему рукой, обещая прибежать после, чтобы подбодрить и просто так поприсутствовать, потому что знаю, как тяжело бывает одному в минуты важных решений и трудных дел.

Когда уходил с берега домой, говорил: ”Ну, ты, давай, держись ! Главное – до утра продержаться !”

Потом, оказалось я был прав. Именно ночью, какой-то одной ночью Байкал расслаблялся, решался на короткий отдых, и тут сонного его и сковывал мороз. Проснувшись утром под жестким ледяным покрывалом, Байкал, бывало, находил в себе силы разорвать его в клочья и выкинуть на берег. Но слишком много сил уходило на этот подвиг, и следующей ночью, выждав нужный час, мороз уже покрепче, закутывал Байкал в ледяной панцырь, и утром не ослаблял объятий, а напротив, превращал их в мертвую хватку, и Байкал покорялся.

В тот день, когда Ри должна была уехать на немыслимо долгое время, на две недели, в тот последний день уходящего года Байкал был особенно встревожен. Я пришел на станцию задолго до прихода поезда, стоял на берегу и вспоминал вчерашний новогодний вечер. Ри была в костюме ночи, и в ее волосах сверкал серп молодого месяца, и когда я вдруг увидел ее около зеркала, то мне показалось, что в зеркале она смотрит именно на месяц, и я испугался, как бы она не вспомнила чего-нибудь лишнего ... Какая она была красивая в этот вечер, разве расскажешь ! Мы все играли в ”почту”. У каждого был на груди номер, а почтальон разносил записки. Я решился и написал: ”Ты красивее своей сестры !” Я имел в виду старшую дочь Байколлы Нгару. Ри

много рассказывала мне о ее красоте. "А у меня брат. Ему два года!" – ответила мне Ри, и я, чтобы не оказаться в дураках, скорее сорвал с груди номер, может быть, она еще не узнала, что это я ей написал, но, проходя мимо, она улыбнулась мне, и я от стыда спрятался среди мальчишек.

А сейчас, за несколько минут до подхода поезда, мне было тревожно и грустно, и еще созвучней была тревога в поспешном беге байкальских волн, так что хотелось обратиться к Байкалу, как к живому, по имени и прикоснуться к нему рукой или щекой, словно был я с ним одной породы ...

У вагона я подошел к Ри и сказал: "До свидания !" Она протянула мне руку, то есть я впервые коснулся ее руки. С этого момента, с ее прощального взгляда я знал, что ни с чем несравнимой пыткой будут для меня дни каникул ! Но зато после них все будет по-другому. С этим нарастающим предчувствием радости я и провел все каникулы, если не считать одного события, происшедшего со мной в эти дни, о котором долго помнили, наверное, жители Маритуя.

Однажды утром, выйдя на крыльцо, я почувствовал в природе какую-то перемену, подумав, догадался, что нет обычного сквозняка, нет ветра ! А сойдя с крыльца и привычно заглянув под мост, Байкала не увидел, на его месте что-то сверкало и блестело, и слепило. Когда добежал до берега, то уже застал там мальчишек, кидающих камни в тонкую пленку льда, которая рвалась от каждого камня, и в отверстия выплескивалась вода. Лед был без единой ущербинки, гладкий, как зеркало, и этому зеркалу не было конца.

– Завтра кататься будем ! – крикнул Валерка. Я не поверил ему. Лед был не толще пальца.

Но следующим утром я уже не увидел ни одного мальчишки на речке, и, скатившись по речке на коньках до Байкала, остановился в изумлении. Черными комочками метались мальчишки по Байкалу вдоль берега. Я боялся даже ногой ступить на лед, потому что он просвечивался насквозь, и дно было видно лучше, чем через воду.

Подкатили ребята и затащили меня на лед. Но ужас ! Лед прогибался под ногами ! Прогибался, но не ломался.

– Не бойся ! – крикнул Юрка. – Во держит!

Он сел на лед, поднял ногу и задником конька ударил по льду. В пробитое отверстие выплеснулась вода, а я опрометью кинулся к берегу. Мальчишки валялись по льду и хохотали.

Насупившись, робко перебирая ногами, я снова подкатил к ним.

– Айда ! Не боись ! – крикнул кто-то, и все стайкой кинулись от берега. Я покатил вслед, стараясь не нажимать особенно на коньки, словно этим уменьшал собственный вес.

Но как говорится, кому что на роду написано !

Я уже почти освоился, почти перестал бояться непонятной мягкости льда и светящейся глубины под ногами. Я летел вдоль берега, а за мной гнался Валерка. Вдруг впереди я увидел пятно льда светлее обычного и будто чуть вспученного. Я не успел ни испугаться толком, ни отвернуть в сторону и проскочил по нему катом. Проскочив, остановился, обернулся и хотел спросить Валерку, почему такой лед, но тот, выпучив глаза, крикнул что-то невнятное и помчался в обратную сторону.

Я машинально сделал за ним несколько шагов, под ногами у меня захрустело, и сначала ноги мои провалились лишь по голень и на долю секунды застряли будто, но я шевельнулся и тотчас же ушел в

воду по уши. Случилось это в метрах ста от берега. На мне были утяжеленные подмораживанием валенки с коньками, тяжелый полушубок, и под полушубком немало одежды, ведь я ушел кататься на весь день.

По всем законам я был обречен. Лед, тонкой пленкой лежащий на воде, выдерживал наш вес как бы за счет общего натяжения. Но, провалившись в "пузырь", как назывались подобные места во льду, я не мог забраться на лед, я только ломал его, как тонкое стекло, и мне предстояло ломать его до самого берега, что было невозможно хотя бы потому, что не хватило бы сил на то, не говоря уже о судорогах холода.

Мальчишки откатились к берегу, и это не было предательством. Они знали цену льду, они не смогли бы подойти ко мне и на десяток метров. Не могу сказать, что чувствовали они, а я, кажется, и как мне помнится, вообще ничего не чувствовал. Я колотил лед обеими руками, барахтался и, кажется, тихо визжал.

Потом и позже, через много лет, когда меня спрашивали, как же я все таки вылез, чтобы успокоить любопытство, я придумал версию о том, что будто бы, ломая лед, я наткнулся на двойную льдину, она выдержала мой вес, и я вскарабкался на нее.

Люди очень не любят непонятного и не хотят знать о непонятном, и вопреки всякой логике они верили этому совершенно нелепому обьяснению, не задумываясь о том, откуда на второй день замерзания могла оказаться двойная льдина.

Теперь же я могу рассказать правду. Когда я барахтался и скулил, проломав проход во льду уже метров на восемь, на краю льда передо мной появилась Са́рма.

— Ну, что ты скулишь, трусишка ! — сказала она возмущенно. — Я же говорила тебе, что пока ты живешь на берегах Долины, с тобой ничего не случится ! Перестань сейчас же визжать ! Слышать противно ! Давай руку !

Я протянул ей руку, но ее руки не почувствовал, ее рука словно отодвинулась и отодвигалась, я же тянулся и подтягивался за ней.

— Не суетись ! — крикнула Са́рма сердито. — Заплывай на лед ! Заплывай ! Не дави лед локтями!

Лед подо мной прогнулся, но не сломался.

— Теперь ползи! Ползи ! Не дави локтями ! Ногами не дрыгай ! Ползи !

Са́рма пятилась к берегу, а я полз за ней по льду, кажется, очень долго, пока она не сказала:

— Все ! Вставай и беги домой, что есть духу !

Мальчишки у берега встретили меня, как покойника с того света. А к берегу уже бежали люди и впереди всех дядя Сережа, Светкин папа. Он схватил меня, поднял на руки и вместе со мной побежал назад. Их дом был ближе, чем наш, и он притащил меня к себе. Меня раздели, растирали водкой, переодели, укутали, уложили в громадную постель и заставили выпить полстакана водки, от чего я закатился в судороге.

Потом в дом влетела мама, шлепнула меня по тому месту, которое для того предназначено, обнимала, целовала меня, плакала и приговаривала:

— И почему именно он ! То под обвал попал, то под лед провалился ! Да что же это такое ! Сглазил его у меня кто-то, что ли !

Но Са́рма верно сказала, я не подцепил даже насморка. Мальчишки приняли Са́рму за старуху Васину, и рассказывали, как она меня вытащила, и, конечно, врали, потому что все было совсем не так !

Итогом этого происшествия были мои долгие размышления по поводу того, как далеко распространяется моя безопасность, дарованная Са́рмой ! Ведь это открывало передо мной огромные возможности ! И я решил совершить проверку этих возможностей.

На правом склоне ущелья, почти над школой была невысокая скала, метров пятнадцать. Внизу под ней на небольшую площадку намело много снега, и я решил прыгнуть с этой скалы. Этого не сделал бы никто, потому что снег снегом, а высота высотой ! Даже в воду с такой высоты не прыгнешь!

Я забрался на скалу, присел на корточки на краю уступа. Отсюда высота казалась еще большей. Если сказать, что было страшно, то это не то слово ! Несколько раз поднимался я на ноги, но каждый раз трусливо приседал снова и так проторчал на скале около часа. И когда, наконец, спустился с нее, так и не решившись на прыжок, то с грустью и огорчением понял, что подарок Са́рмы ничего не прибавил к тому, что я могу сделать и сам, и этот вывод надолго испортил мне настроение.

Близится конец моего рассказа, и конец этот, если брать в соображение чувства двенадцатилетнего мальчика, неизбежно печален. Но почему же, вспоминая и рассказывая об этой печали, я словно прикасаюсь к счастью, которого не мог оценить в свое время, но которое и теперь не потеряло своего тепла и света ?!

Все каникулы прошли в ожидании перемены в наших отношениях с дочерью Байколлы. Притом я вовсе не представлял себе, что, собственно, должно

было измениться, я не знал и не понимал, чего хотел. Пожалуй, я знал только одно — что не хочу и не могу больше быть для нее чужим, я не хотел быть для нее как все. Но не мог же я не понимать, что настоящая дружба наша возможна только на основе всего того, что связывало нас ранее и что было забыто ею безвозвратно ! На что же я тогда надеялся! Кажется, если припомнить, я совсем не думал ни о чем конкретном, я просто вообразил себе, что кончатся каникулы, приедет Ри, и между нами не будет больше невидимой стены чуждости, все образуется само собой, и мы будем также просто и искренне смотреть в глаза друг другу, как это было в замке, когда Ри рассказывала мне Предание, а я учил ее нашим знаниям.

Я встретил ее у поезда, сказал "здравствуй", и она ответила и пошла дальше, и оттого, что ничего не случилось, ничего не изменилось, что мы и теперь, а значит, и навсегда чужие — от сознания этого из меня будто вытряхнулась жизнь.

Значит, все будет снова ! Снова я буду подглядывать за ней на уроках, подслушивать на переменах, подкарауливать у поезда — а зачем ?! Это ужасное "зачем"?, в его безответности, в неразрешимости и в невозможности теперь уже не слышать его и не произносить — оно, как бревно поперек тропы, обрушилось на самый хребет смысла моей жизни !

В школу я ходил теперь, как на муку, на переменах оставался в классе или убегал за школу, после школы часами просиживал над учебниками, но не глядел в них, вечерами уходил с Другом в падь и бродил вокруг Мертвой скалы просто так, не собираясь взбираться на нее. Друг смотрел на меня с тревогой, он пытался развеселить меня, отвлечь, и

я играл с ним скорее ради него, не испытывая, как прежде, удовольствия от игр.

Я прочитал, наконец, печальную историю про сына последнего из Могикан, узнал о его смерти, которую он принял, спасая любимого человека, и в моем воображении одна трагичнее другой разыгрывались истории, где я умирал, спасая Ри. Все истории кончались моей смертью ! А ведь еще совсем недавно такие же истории в моей фантазии имели совсем другой конец ! Вот как изменился для меня весь мир !

Я стал плохо учиться, и это сразу отразилось на моих отношениях особенно с мамой. Упреки ее не приносили мне боль, мне было только жаль ее, потому что я ничего не мог изменить.

Я дошел до того, что пробирался в школу вечерами, когда там никого не было, садился на парту Ри и плакал как последняя девчонка, потому что девчонки часто тоже не знают, отчего плачут.

Случая умереть, спасая Ри, не представлялось. А жить не хотелось. Но не хотелось и умереть просто так. И мои дни проходили в ожидании какого-нибудь события, которое за меня решит мою судьбу. Таким событием оказался мой день рождения.

Позднее, уже взрослым, я узнал о существовании приметы, согласно которой не рекомендуется отмечать тринадцатый день рождения. Это, наверное, ерунда, но тот день, когда мне исполнилось тринадцать лет, окончился плохо, как и предсказывала примета.

Вечером, как обычно, был торт и подарки, и поздравления от папы и мамы, но в этот же день я снова получил двойку, и мама приняла эту двойку, в такой день, когда уж можно было ее не получить, мама приняла ее, как личную обиду. И потому не смогла за праздничным столом скрыть свои чув-

ства, и весь вечер прошел в какой-то неестественности, хотя папа и сделал все, что мог, чтобы сохранить праздничное настроение.

Мама, однако, не удержалась и сначала мягко начала укорять меня моим поведением, я ответил грубо, мама заплакала, и все испортилось. Под конец мама сказала, что она никогда не думала и не гадала, что ей придется стыдиться собственного сына.

Понятно, ведь я был учительский сын ! А она была учительницей !

Я ушел к себе, лег на кровать, и в эту минуту понял, что наступил предел моим мукам, что больше я не хочу жить. Нет, я вовсе не собирался проделывать с собой что-нибудь страшное. Я знал другой способ не жить !

Я дождался середины ночи, встал, оделся и вышел на улицу. Ночь была удивительно светлой ! Над ущельем в чистом небе висела полная луна, и от нее и от снега было столько света вокруг, что можно было подумать, будто уже рассвет.

Друг вылез из конуры, и я обнял его крепко. Я не хотел брать его с собой, ведь он должен жить, для того Байколла и отдал его мне. Я попрощался с ним и пошел в падь. Кое-где, встревоженные моими шагами, в тишину ночи лаем ворвались собаки, но скоро успокоились. В нашем поселке не было чужих людей, шатающихся по ночам.

Я подошел к школе и стоял, глядя на верхние окна, где был интернат, и особенно на одно окно — это была комната Ри. Я говорил шепотом: "Все ! Больше мы не увидимся, и для тебя это пустяки ! А я не жалею, что протянул руку змее, и вообще ни о чем не жалею ! Главное — что дочь Байколлы живет ! А теперь я могу хоть немного помочь и самому

Байколле ! До свидания, девочка из Мертвой скалы, то есть прощай !"

Кажется, я говорил много красивее, чем сейчас рассказал, но мне трудно по прошествии стольких лет сохранить и воспроизвести тот трагически-торжественный тон, каким я прощался с дочерью Байколлы. Но уверяю, все это происходило очень искренно, потому что в душе моей тогда действительно не было желания жить.

Я шел в падь, и в ночной тишине снег так громко хрустел под ногами, что я боялся разбудить всех, кто невидимый и незнаемый спал в эту ночь в сугробах, на деревьях и в камнях. Иногда вдруг мне казалось, что это не под моими ногами хрустит снег, что кто-то идет за мной, я резко оборачивался, и хорошо, что была такая светлая ночь ! Но вообще страха не было. Да и чего бояться ! Хотя после, даже через месяц, когда я вспоминал этот свой ночной поход, меня основательно поеживало.

По засыпанному снегом каменному завалу у подножья Мертвой скалы и по самим уступам я прошел, прополз, пробрался с уверенностью, что со мной ничего не может случиться такого, что не предусмотрено планом моих действий. Оказалось, к тому же, что я наизусть знаю каждый шаг, что, пожалуй, даже и в темную ночь забрался бы на скалу, не сделав ни одного неверного шага.

Но как ни светла была ночь, в скальной нише, где обычно сидела Са́рма, я ее не увидел, пока не вздрогнул от ее крика.

– Ты что, спятил ! Ты же мне на ногу наступил ! Не иначе, как сдурел мальчишка ! Ночью по скале шатается !

– Извините ! – сказал я. – Я пришел ...

– Ты что, лунатик ! Час от часу не легче ! Ах, как он отдавил мне ногу, баламутный мальчишка !

— Я пришел насовсем ! — сказал я, когда она перестала охать. Я больше не хочу жить !

— Та... а... ак ! — протянула она. — Вот, значит, до чего дело дошло ! Значит, познал ты полную меру печали ! Что же ! Я тебя предупреждала ! Но что ты собираешься делать ? Ты хочешь все забыть ?

— Нет, — поспешно ответил я, — пусть Ри живет, а я не хочу ! Я пойду к Байколле и буду там ...

— Вот чего ! — изумилась Са́рма. — Ты хочешь не жить ! Но понимаешь ли ты, что это значит ?!

Я молчал.

— Нет, я не могу тебя туда пустить, ты просто не соображаешь, о чем говоришь ! Ведь ты, если сядешь рядом с Байколлой, забудешь свой мир и всех, кого знал и любил ! Из всех чувств твоих тебе останется только печаль небытия ...

Я все равно не понимал ее слов, и мне не хотелось их слышать, я хотел только скорее перестать жить.

— Все равно не пойду домой, если не пустите!— прервав Са́рму на полуслове.

— Неужели это действительно так ! — тихо проговорила она. — Неужели место печали не может быть пустым ! Но ведь тогда, все, что ты сделал раньше, было напрасным, и значит, я права !

— Я замерз ! Пустите меня к Байколле !

Са́рма собиралась рассуждать, а меня тошнило от ее рассуждений.

— Ну, что ж ! — сказала она. — Иди, а мне надо будет много, много думать !

Ей тоже было невесело, да пусть, как хочет ...

— С моей дочерью ... с ней что-то случилось ?— встревоженно спросил Байколла, увидев меня.

— Нет, нет ! — успокоил я его. — Она живет ... ей хорошо ... Я пришел к вам насовсем !

— Насовсем ?

— Я теперь буду с вами !

Я подошел к креслу и хотел тут же сесть в него. Но Байколла остановил меня рукой.

— Мальчик, понимаешь ли ты, что делаешь !

— Не хочу жить ! — крикнул я, потому что кончалось мое терпение, и поднырнув под его руку, я опустился в кресло Ри.

Ведь как бывает, иногда заснешь на минутку, проснешься, и кажется тебе, что ты спал долго-долго, и будто сон видел длинный с целую ночь, а спал всего минуту.

А бывает наоборот. Заснешь, спишь целую ночь, не видишь никаких снов, проснешься, и кажется, будто и не спал вовсе, а лишь задремал на мгновение.

Со мной произошло что-то подобное. Как только я коснулся кресла, сразу стал проваливаться куда-то и лишь успел рукой нащупать руку Байколлы, а голова уже сама опустилась на эту руку. Я не умер, но и не жил, у меня не стало никаких чувств, но я чувствовал себя, и для меня не стало времени, я словно превратился в точку, для которой нет ни времени, ни пространства и есть только знание о себе. Ничто не свершалось и ничто не происходило в моем сознании, потому что не стало времени, не стало разницы между мгновением и вечностью.

Мне показалось, что я меньше чем через секунду, открыл глаза и потому был чрезвычайно удивлен, увидев перед собой Друга. Ведь я оставил его привязанным в конуре. Друг тянул меня за пальто с кресла, а я никак не мог понять, что происходит.

— Са́рма зовет тебя ! — сказал Байколла. — Что-то случилось наверху !

Сам подняться с кресла я бы не смог, потому что у меня не было желания вставать. Но Друг буквально выдернул меня за пальто с кресла, и сразу жизнь будто включилась в меня или во мне, сразу мысли, еще неясные и бессловесные затормошили мозг, и все остальные чувства, коих мы не замечаем в себе, привыкнув к ним, будто проснулись и загомонили, оглушая и ослепляя.

Я понял только, что надо идти наверх, и по тому, как нервничал Друг, я догадался, что идти надо быстрее.

Не было предела моему удивлению, когда, выйдя из пещеры, я был ослеплен солнечным светом. Ведь мне по-прежнему казалось, что я просидел в кресле лишь одно мгновение, а на улице был день, а, судя по солнцу, даже вторая его половина.

– Спеши ! – крикнула Са́рма. – По твоим следам на скалу лезет твой отец. Для него опасен путь наверх, он может сорваться. Спеши, я сама закрою вход !

Только этого мне не хватало ! Чтоб из-за меня погиб мой отец ! Я опрометью кинулся вниз, и только могущество Сармы спасло меня от дюжины шансов сломать себе шею. Да еще Друг иногда хватал меня за рукав, когда я готовился сделать неверный шаг. Я увидел отца внизу, осторожно пробирающегося по занесенному снегом карнизу, и от страха за него у меня закружилась голова.

– Папа ! Папа ! – закричал я. –Я иду, не лезь дальше ! Я иду !

Но увидев меня, он замахал руками и наоборот заспешил наверх, и из-под его ног посыпались камни и снег. Я почти кубарем скатился вниз прямо ему в руки, а он, словно не веря, что это я, говорил отрывисто и хрипло:

– Живой ! Сынок ! Живой !

А с чего мне было быть мертвым !

– Ты замерз, да ? Замерз ? – приговаривал он, ощупывая мое лицо и руки, и я не сразу догадался о причине его тревоги, он ведь думал, что я все это время провел на скале. Конечно, я бы замерз !

Он сжимал меня в обьятиях, наверно, думая, что согревает меня, а я вспотел от спуска, и мне хотелось расстегнуться или снять шапку.

Пока мы спускались, он все время держал меня за руку, впрочем, это только ему так казалось, а в действительности это я держал его за руку и предупреждал неверные шаги, я ведь знал, что скрывается на каждом сантиметре спуска под снегом.

Дома были слезы, объятия, поцелуи. Приходила врачиха и долго осматривала меня и была так же, как и все, удивлена тем, что я вообще не замерз. Я сказал, что разжег костер и просидел все время у костра.

Людям часто нужна вовсе не правда, а лишь мало-мальское объяснение непонятного. И потому мне поверили, что я спасся костром, и никому не пришло в голову, что на Мертвой скале нет деревьев, кроме сосны на самой вершине, что там не из чего разжечь костер, да и сколько дров понадобилось бы, чтобы в двадцатиградусный мороз на открытой для всех ветров скале просидеть почти сутки !

С этого дня дома ни слова не произносилось по поводу моей учебы. Если я получал двойку, мама говорила, что надо постараться и исправить ее я старался, получал тройку, и мама была довольна

Иногда я не находил в себе сил идти в школу, не мог заставить себя и объявлялся больным. С моей болезнью мгновенно соглашались все и даже на

следующий день оставляли дома. Но и дома одному было невыносимо. Возникало вдруг желание увидеть Ри, и я прибегал на второй или на третий урок, опять же с трудом досиживая последние минуты занятий.

Присутствие Ри в моей жизни стало оборачиваться для меня настоящей мукой. Я вздрагивал от ее голоса или случайного взгляда, я уже не хотел ни ее голоса, ни взгляда и не мог прожить дня, чтобы не видеть и не слышать ее. За месяцы я не обменялся с ней и десятком фраз, причем я все яснее начинал понимать, что сам поступаю не так, что сам выбрал ту глупую линию поведения, которая теперь стала препятствием даже для простых и обычных приятельских отношений. Но изменить что-либо я не мог !

Я потерял интерес ко всем мальчишеским делам и забавам, и постепенно вокруг меня образовалась пустота, которая даже не слишком огорчала.

Из Слюдянки приехал врач, смешной лысый дядька. Он задавал мне дурацкие вопросы, стучал по коленке и водил пальцем около носа. Он был очень глупый человек, потому что сказал, что у меня нервное истощение. Толстым я не был никогда, но и истощаться тоже не собирался !

Они с мамой о чем-то долго шептались на кухне, а мне даже было лень подслушать. Когда же я все-таки подошел к двери, то услышал, как он процокал языком и сказал:

– Вот уж никогда бы не подумал, что такое бывает в тринадцать лет !

– Представьте себе ! – грустно ответила мама.

Я догадывался, что они опять говорят обо мне какую-нибудь ерунду, ведь ничего путного они сказать не могли, потому что ничего не знали.

Потом была весна, и я помню ее лишь отдельными цветами и запахами. Помню алые полосы багульника на северном склоне ущелья, помню запах ручьев, кинувшихся в ущелье по всем ложбинам. Помню желтый подснежник в руках Ри и первый день освобожденного Байкала, был он сонным, ленивым и почти бесцветным.

Но более всего я помню свою боль, заслонившую в моей памяти всю мою четырнадцатую весну !

И, когда было объявлено папой, что мы опять уезжаем, я, кажется, принял это с облегчением, хотя и без радости, конечно. Отца назначали директором школы на другую сибирскую станцию, а Сибирь так велика, что лишь, переехав с одного места на другое, не покидая пределов Сибири, можно оставить за спиной такой путь какой проделать вторично, может быть, не случится и за всю жизнь.

Окончился учебный год, и был день, когда Ри уезжала на все лето домой. Я уже знал, что вижу ее в последний раз, и потому от самой школы до поезда я шел с ней, держа ее за руку, и она не попыталась отнять руки, может быть, тоже предчувствуя расставание навечно, ведь мы все же были одноклассники ...

Мне хотелось сказать ей что-то особенное, но это особенное не могло не коснуться истории Мертвой скалы, а говорить всякую ерунду не хотелось. И потому мы шли и молчали. Мы еще ждали поезда и стояли рядом, и никто не подошел и не помешал нам.

У поезда я все же сказал ей:

– Я тебя всегда буду помнить !

Она опустила глаза и не ответила. Ей, наверное, было все равно, буду я ее помнить или нет.

И Друг, что был со мной рядом, тоже подошел и положил ей лапы на плечи, тихо скуля. А она его боялась, и я представляю, как Другу было это обидно. Потом она поднялась на подножку, вошла в тамбур и ... все !

Больше я никогда не видел девочку из Мертвой скалы.

Для переезда нам снова дали вагон, и пока грузились вещи, я побежал проститься со всеми со - всеми, кого знал и любил в поселке.

С Генкой мы сходили на могилку Белого деда. С Юркой разыскали старуху Васину.

– Ты добрый мальчик, и это хорошо ! сказала она. – Но ты гордый и это плохо !

Я никогда не считал себя гордым, а если я был гордым, то разве это плохо ?

– Гордый человек оттого бывает гордый, что боится людской молвы о нем !

– А я и не боюсь ! – гордо возразил я.

Она улыбнулась.

– Ну, вот и славно ! Езжай с Богом !

И я дождался, наконец, когда она погладила меня по голове, и навсегда запомнил ее руку.

Со Светкой и Валеркой мы слазили на гору. Светка утащила у отца горсть пистонов, и мы расстреляли их камнями, а потом спускали камни с горы. Я подарил Валерке "Последнего из могикан", а он мне перочинный ножик с тремя лезвиями.

После обеда я пошел проститься с Са́рмой и Байколлой и очень боялся этого прощания. Но, взобравшись на несколько первых уступов, с удив-

лением обнаружил, что на следующий уступ хода нет. От того камня, по которому я обычно лез дальше, остался только темный след в скале. Напрасно я крутился по склону – нигде не было лазейки или прохода, и это означало, что либо Сарма обиделась на мой отъезд, она же все знает (!), либо она из тех людей, кто терпеть не может прощаний.

С полчаса просидел я у подножья Мертвой скалы, а, уходя громко крикнул несколько раз:

– Са́рма ! Простите Байколлу ! Простите Байколлу !

Но только эхо было ответом.

А за час до отправления нашего поезда я прощался с Байкалом. В этот день он был почти таким же, каким я увидел его в первый раз. Он был светло-голубой, спокойный и сверкающий. Только не было тумана, и горы на том берегу виделись ясно и отчетливо.

Я говорил: "Прощай, Байкал !" И пытался уловить ответ в еле заметном движении голубых оттенков по глади озера.

Я говорил: "Прощай навсегда!" Но, похоже, Байкал щурился лукаво, словно не верил в это "навсегда", словно знал обо мне то, чего я еще не знал о себе сам.

В этот день прощаний, как ни странно, впервые пришло ко мне внутреннее спокойствие, а грусть расставания была без боли, и я принял это, как предзнаменование новых радостей жизни. Но еще одно горе ожидало меня.

Когда мы все уже были в вагоне, когда вещи уже были расставлены и разложены по-дорожному, подошел, наконец, кондуктор и сказал: "Поехали!" Через несколько минут действительно вагон дернуло, потом еще, и заскрипели колеса, и земля медленно поплыла, оставляя нам движение, а себе покой.

Вдруг, когда поезд еще только начал набирать ход, Друг вскочил на ноги, заскулил, заметался по вагону. Я окликал его, пытался ухватить за ошейник, но он вырвался, подскочил к отцу, лизнул ему руку, потом так же к маме, потом лизнул в лицо меня, громко, отчаянно заскулил и выпрыгнул из вагона. Отец едва успел перехватить меня у самой двери и оттащить в глубину вагона, но я все же успел увидеть, как Друг, прихрамывая, убегал назад, к поселку ...

Детство – оно все же есть детство ! И на новом месте были новые дела, заботы и радости, и, никогда не забывая обо всем, что случилось со мной на берегах Байкала, я все-таки постепенно начал терять остроту воспоминаний, и лишь если случалось оказаться ночью в новолунье одному, то серп молодого месяца мог надолго вернуть меня к прошлой печали.

Шли годы, и прошли годы.

По-разному сложилась моя жизнь и если в ней не все всегда удавалось, то это, пожалуй, оттого, что я везде, сам того не понимая, ощущал себя временным, и тогда возможно, что вся моя прошлая жизнь была лишь подготовкой к возвращению ! И потому однажды я приеду в Иркутск, сяду в электричку на Слюдянку, займу место слева по ходу поезда, и когда в разрыве гор откроется для меня страна голубой воды и коричневых скал, я узнаю о себе то самое главное что должно называться смыслом моей жизни !

